

ВЕСТНИК

**Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института**

2021

№ 4

Москва
2021

ВЕСТНИК

Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института

Moscow Information and Technology University – Moscow Architecture and Construction Institute REVIEW

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-71685 от 23.11.2017 г.

ISSN 2619-046X

№ 4 / 2021

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт»

Издатель:

Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт»

Адрес редакции:

117447, г. Москва, ул. Введенского, д. 1 «А»

Адрес издателя:

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 32, корп. 11

Интернет-адрес:

<http://mitu-masi.ru/>

E-mail: Semenova.D@mfua.ru,
Bessarabova.N@mfua.ru

Журнал распространяется через «Объединенный каталог. Пресса России» Открытое акционерное общество «Агентство по распространению зарубежных изданий» / ОАО «АРЗИ» (индекс 66012)

Отдел рекламы и подписки:

Тел. (499) 979-00-99, доб. 1134
E-mail: Semenova.D@mfua.ru

Главный редактор

Г.А. Забелина

кандидат педагогических наук, доцент,
ректор Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института

Редакционная коллегия:

Строительство и архитектура

доктор технических наук, профессор Т.В. Колесникова
доктор технических наук, профессор В.М. Овсянников
доктор физико-математических наук, профессор
А.А. Локтев

доктор технических наук, доцент В.П. Сычев
доктор технических наук, профессор Г.И. Ефремов
доктор архитектуры, профессор В.В. Пищулина
доктор архитектуры, профессор Р.М. Муксинов
кандидат архитектуры, доцент Е.А. Булгакова
кандидат архитектуры, профессор Л.В. Петрова
кандидат архитектуры, доцент М.Ф. Уткин
кандидат архитектуры, доцент Г.И. Быкова
кандидат архитектуры, доцент Г.И. Наумкин
кандидат архитектуры, доцент Б.Л. Крундышев
кандидат архитектуры, доцент Н.В. Дубынин

Филология

доктор филологических наук, профессор М.Я. Блох
доктор педагогических наук З.И. Курцева
доктор филологических наук, профессор Н.Н. Соловьева
доктор филологических наук, профессор С.П. Толкачев
доктор педагогических наук, доцент В.Д. Янченко
доктор филологических наук, профессор Н.Н. Запольская
доктор филологических наук, профессор С.В. Сапожков
доктор филологических наук, доцент П.В. Морослин
кандидат педагогических наук, доцент Н.Н. Ширяева
кандидат филологических наук С.В. Левичева
кандидат филологических наук О.В. Афанасьева

Психология

доктор психологических наук, профессор А.К. Осницкий
доктор психологических наук Е.А. Бауэр
доктор медицинских наук М.М. Аксенов
кандидат психологических наук, доцент Т.В. Гольцова
кандидат психологических наук, доцент Е.В. Омельчанко
кандидат психологических наук Е.Л. Бокуть
кандидат психологических наук А.Л. Рассказова

Ответственные редакторы:

кандидат исторических наук, доцент
Н.В. Бессарабова
Тел. (499) 979-00-99, доб. 1135
E-mail: Bessarabova.N@mfua.ru

Д.А. Семёнова
Тел. (499) 979-00-99, доб. 1134
E-mail: Semenova.D@mfua.ru

© Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт, 2021

Содержание

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

<i>Н.Н. Демидов, О.Н. Ракитова, В.Г. Меликова</i> Процесс проектирования радиально расположенных перекрестных балок, на круглом плане жестко сопряженных в центральном узле, как задача нелинейного программирования	5
<i>Н.Н. Гудкова, А. Рецер</i> Гидротехнические бетоны, их модификация для полярных широт	15
<i>Н.Н. Гудкова, Г.К. Ивановский</i> Эффективное применение полимерных отходов мусороперерабатывающих предприятий для производства строительных материалов.....	18
<i>Т.В. Азарова</i> Язык архитектуры как отражение праздничного миропонимания на примере Италии.....	24
<i>С.В. Гусарова</i> Сущность и содержание познавательного интереса к архитектуре у детей дошкольного возраста.....	27

ФИЛОЛОГИЯ

<i>А.Е. Чернова</i> Образ храма в русской поэзии второй половины XX века	36
<i>О.В. Блюмина</i> Белое сияние лирики Алексея Полуботы	44
<i>Л.Н. Скляр, Т.И. Бочарова</i> Развитие русского языка в интернет-коммуникации.....	55
<i>В.В. Оразбекова</i> Синергетические методы в обучении студентов цветовому восприятию творчества поэтов серебряного века	61
<i>Н.Н. Ширяева</i> Система обучения иностранным языкам в процессе изменения условий образовательной среды	69

ПСИХОЛОГИЯ

<i>Е.Н. Скрипачева</i> Взаимосвязь творческого мышления и эмоционального интеллекта	75
<i>Е.А. Лесникова, Е.Н. Скрипачева, Н.Ф. Ефремова</i> Процесс становления идентичности в период ранней зрелости личности.....	85
<i>Л.Н. Бенелли</i> Символизм первичных культов в аспекте аналитической психологии	94
<i>А.В. Бенелли</i> Эффективность мультимодальной программы коррекции иррациональных взглядов лиц с патологическим физическим перфекционизмом и пищевой зависимостью	100
Приглашение к публикации	106

Contents

CONSTRUCTION AND ARCHITECTURE

- N.N. Demidov, O.N. Rakitova, V.G. Melikova*
The design process of radially located cross beams rigidly coupled
on a circular plan at a central node as a nonlinear programming challenge 5
- N.N. Gudkova, A. Retser*
Hydraulic concretes and their modification for polar latitudes 15
- N.N. Gudkova, G.K. Ivanovsky*
Effective use of polymer waste from waste processing enterprises
for the production of building materials..... 18
- T.V. Azarova*
The language of architecture as a reflection of the festive worldview as in the case of Italy 24
- S.V. Gusarova*
The form and substance of cognitive interest in architecture among preschool children 27

PHILOLOGY

- A.E. Chernova*
The image of a church in Russian poetry of the second half of the twentieth century 36
- O.V. Blyumina*
White glow of the lyrics of Alexei Polubota 44
- L.N. Sklyar, T.I. Bocharova*
Development of the Russian language in Internet communication 55
- V.V. Orazbekova*
Synergistic methods in teaching students color perception of the work of Silver Age poets 61
- N.N. Shiryayeva*
FLT system in terms of educational changes 69

PSYCHOLOGY

- E.N. Skripacheva*
The relationship between creative thinking and emotional intelligence 75
- E.A. Lesnikova, E.N. Skripacheva, T.F. Efremova*
The process of identity formation during the period of early maturity of an individual 85
- L.N. Benelli*
Symbolism of primary cults in the aspect of analytical psychology 94
- A.V. Benelli*
The effectiveness of a multimodal program for the correction of irrational views
of persons with pathological physical perfectionism and food addiction 100
- The invitation to the publication*** 106

УДК 624.01

doi:10.52210/2224669X_2021_4_5

ПРОЦЕСС ПРОЕКТИРОВАНИЯ РАДИАЛЬНО РАСПОЛОЖЕННЫХ ПЕРЕКРЕСТНЫХ БАЛОК, НА КРУГЛОМ ПЛАНЕ ЖЕСТКО СОПРЯЖЕННЫХ В ЦЕНТРАЛЬНОМ УЗЛЕ, КАК ЗАДАЧА НЕЛИНЕЙНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ

Н.Н. Демидов, О.Н. Ракитова, В.Г. Меликова

Аннотация. Радиальное расположение балок, жестко сопряженных в одном центральном узле, часто встречается как в зарубежной, так и в отечественной практике строительства. В статье получены ранее неопубликованные аналитические зависимости напряженно-деформированного состояния для радиально расположенных балок, сопряженных в одном центральном узле. Полученные зависимости могут быть использованы при проектировании новых зданий, усилении, реконструкции и реставрации культовых зданий, особняков и старинных усадеб.

Ключевые слова: памятники архитектуры, реконструкция, усиление, метод перемещений, линейная целевая функция, активные и пассивные нелинейные ограничения к целевой функции.

THE DESIGN PROCESS OF RADIALY LOCATED CROSS BEAMS RIGIDLY COUPLED ON A CIRCULAR PLAN AT A CENTRAL NODE AS A NONLINEAR PROGRAMMING CHALLENGE

N.N. Demidov, O.N. Rakitova, V.G. Melikova

Abstract. The radial arrangement of beams rigidly coupled in one central node is a common practice in both foreign and domestic construction. The article contains previously unpublished analytical dependences of the stress and strain state for radially located beams coupled in one central node. The resulting dependencies can be used in the design of new buildings, strengthening, reconstruction and restoration of religious buildings, mansions and old estates.

Keywords: architectural monuments, reconstruction, strengthening, displacement method, linear objective function, active and passive nonlinear constraints to the objective function.

В строительстве часто используются здания круглые в плане с плоской кровлей. Это некоторые надземные станции Московского метрополитена (Рижская, Краснопресненская, Алексеевская, ВДНХ, Улица 1905 года, Ботанический сад), здания культового назначения, многочисленные административные здания, старинные особняки и усадьбы, архитектура малых форм, башни оборонительного характера и т.п. сооружения.

Разнообразные круглые в плане здания с плоскими перекрытиями характерны и для русского авангарда начала XX в. [5]. Современная архитектура последних десятилетий отличается применением невероятно большого разнообразия архитектурных объемов, в том числе цилиндрических форм.

Такие помещения часто перекрывают радиальными балками, жестко сопряженными в центральном узле их пересечения (*рисунки 1, 2, 3*). Балки выполняют деревянными или используют стальные прокатные двутавры, а при больших пролетах – стальные фермы. В конце XX в. в мировой практике появилось большое разнообразие конструктивных решений узлов для стальных и деревянных клееных конструкций [1; 15; 9]. Одно из удачных конструктивных решений центрального узла применительно к клееным деревянным балкам прямоугольного сечения представлено в статье [3] (*рисунок 4*).

Оптимизационные задачи в строительной отрасли отличаются большим содержательным разнообразием и поэтому в процессе их решения можно встретиться с любыми математическими формулировками.

Рассмотрим несущие стальные конструкции на предмет минимизации затрат материалов при выполнении основных условий прочности и жесткости, которые являются обязательными.

Отличительной особенностью таких задач является оперирование моментами инерции и моментами сопротивлений, которые входят в формулы для ограничений. При этом рассматриваются балки и фермы, работающие на изгиб в упругой стадии.

В современных условиях важно накопление практического опыта постановки и решений любых задач оптимизации именно такого характера.

Для расчета вводим несколько традиционных гипотез, которые упрощают используемые аналитические выражения:

1. Материал работает в пределах упругих деформаций.
2. Условия сопряжения неразрезных балок соответствуют случаю лишь вертикального взаимодействия между ними.
3. Дискровой и изгибной жесткостью настила пренебрегается и считается, что настил не принимает участие в работе балок на изгиб.
4. Кручением балок пренебрегается.
5. Продольными деформациями балок пренебрегается.

Процесс проектирования несущей строительной конструкции можно рассматривать как решение некоторой конкретной оптимизационной задачи.

Для этого необходимо аналитически сформулировать выражение для целевой функции и ограничения к ней. Ограничения записываются как в виде неравенств, выражающих условия прочности и жесткости, так и равенств, обеспечивающих условия совместности деформаций.

Для строительных конструкций характерно, что целевая функция, как правило, имеет простой аналитический вид. В то же время, в области строительства, в отличие от экономических задач, при формулировке ограничений к целевой функции выступают весьма громоздкие аналитические выражения, получение которых может рассматриваться как самостоятельная исследовательская задача.

Рассмотрение процесса проектирования радиально расположенных балок, жестко сопряженных в центральном узле, удобно представить и далее выполнять в терминах задачи нелинейного программирования.

Особенностью рекомендуемого подхода является тот факт, что такая задача находится на стыке различных дисциплин: строительных конструкций, строительной механики и нелинейного программирования. В данной статье предлагается одна из многих возможных версий формулировок задачи нелинейного программирования. Важнейшей особенностью

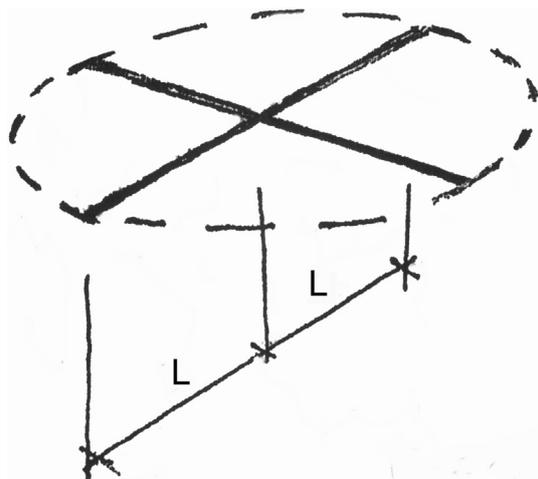

Рисунок 1. Четыре радиально расположенные балки на круглом плане

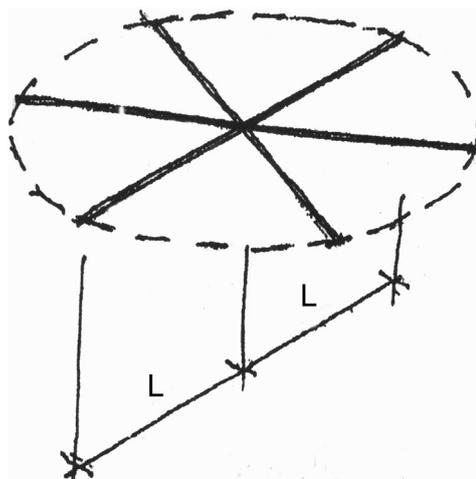

Рисунок 2. Шесть радиально расположенных балок на круглом плане

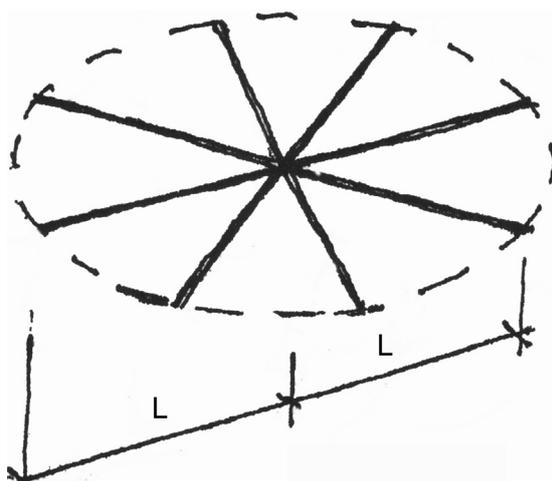

Рисунок 3. Восемь радиально расположенных балок на круглом плане

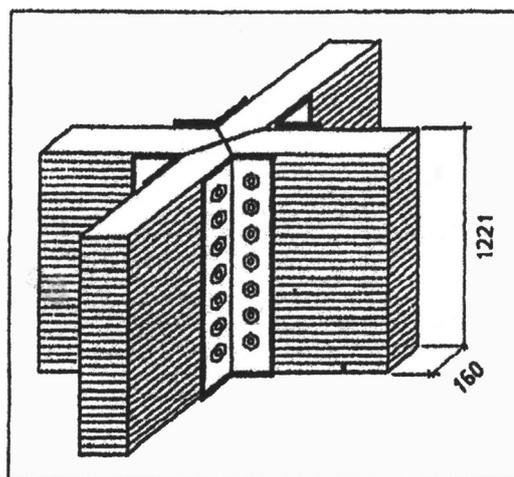

Рисунок 4. Конструкция центрального узла для клееных балок прямоугольного сечения

является замена дискретной функции отечественного сортамента прокатных двутавров приближенной непрерывной.

Линейная функция цели, минимум которой требуется определить, запишется:

$$Z = K L A_{max} \Rightarrow \min, \quad (1)$$

где:

K – количество балок;

L – длина каждой балки (расстояние от места опирания до центрального узла сопряжения балок между собой);

A_{max} – наибольшая площадь поперечного сечения балки, определяемая либо неравенством (8), либо неравенством (9).

A_{max} является варьируемым параметром. Физический смысл целевой функции соответствует объему металла, затраченного на балки.

Как в процессе проектирования, эксплуатации, так и в состоянии реконструкции, перепланировки должны удовлетворяться условия прочности, и условия жесткости для несущих конструкций. Поэтому необходимо получить аналитические формулы для изгибающего момента и наибольших прогибов в замкнутой форме, которых нет в справочной литературе [7; 8; 4; 11]. В данной статье рассматривается наиболее опасное и чаще всего встречающееся симметричное нагружение.

Ограниченность существующих программ расчета, основанных на методе конечных элементов, заключается в невозможности получения аналитических выражений без привлечения специальных процедур. Любая промышленная программа подразумевает обязательное включение в расчетную схему всех конкретных исходных данных в абсолютных величинах, что заранее до расчета – как правило, – неизвестно и такая особенность требует повторного перерасчета. Итерационный процесс перерасчета несколько усложняет проектирование и назначение жесткостных характеристик. Эта особенность важна для статически неопределимых систем, поскольку распределение усилий зависит от первоначально принятых соотношений жесткостей.

Удобным и достаточно точным является классический метод перемещений, который и лег в основу полученных в данной статье аналитических формул. В статье [2] применительно к рассматриваемой конструктивной форме показаны преимущества метода перемещений по сравнению с иными, широко применяемыми на практике (метод конечных разностей, метод сил, метод расчета неразрезных балок на упруго-проседающих опорах и др.).

Рассмотрим шарнирно опертую по концам систему из радиальных перекрестных балок при сосредоточенной силе, действующей в центральном узле 1 (рисунки 1, 2, 3).

Прогиб определяется из канонического уравнения метода перемещений (1). Решение канонического уравнения дает величину перемещения в центральном узле 1 пересечения балок (2).

$$\Delta \sum r_{1p} - \sum R_{1p} = 0, \quad (2)$$

откуда

$$\Delta = \frac{\sum R_{1p}}{\sum r_{1p}}, \quad (3)$$

где:

Δ – искомое вертикальное перемещение узла 1;

$\sum r_{1p}$ – сумма реакций в узле 1 от единичного смещения каждой балки (каждая балка имеет жесткое сопряжение в узле 1 и шарнирное сопряжение на другом конце);

$\sum R_{1p}$ – сумма реакций в узле 1 от сосредоточенной силы в основной системе метода перемещений.

Физический смысл уравнения (1) означает удовлетворение условиям равновесия в узле пересечения балок между реакциями от единичных смещений и реакциями от внешней нагрузки.

Сосредоточенные силы, приложенные в узле пересечения балок, являются опасным видом нагружения. Любое приближение сосредоточенной силы к узлу пересечения балок приводит к увеличению усилий и перемещений. Такая нагрузка возникает в случае проведения ремонта помещений, когда вся тяжелая и громоздкая мебель перемещается в центр помещения или при складировании стройматериалов (цементные смеси, кирпичи и т.п.). В течение жизни перекрытия такая расчетная ситуация может встретиться много раз особенно в современных рыночных условиях при смене собственников помещений.

Уравнение (1) позволяет рассмотреть не только шарнирное опирание балок на стены, но и их полное защемление. Это защемление приводит к уменьшению прогибов и к существенному снижению строительной высоты перекрытия.

Такой случай опирания так же рассмотрен в статье, а результаты представлены в *таблице 1*.

Таблица 1

Результаты расчетов для схем 1, 2, 3 при шарнирном опирании балок на стену и жестком сопряжении балок со стенами при сосредоточенной силе «Р», приложенной в узле пересечения балок

Номер схемы	Шарнирное опирание балок по контуру			Заделка балок по контуру			
	Прогиб	Изгибающий момент в узле 1	Опорные реакции	Прогиб	Изгибающий момент в узле 1	Опорный изгибающий момент	Опорные реакции
Рисунок 1	$\frac{pL^3}{12EJ}$	$\frac{pL}{4}$	$\frac{p}{4}$	$\frac{pL^3}{48EJ}$	$\frac{pL}{8}$	$-\frac{pL}{8}$	$\frac{p}{4}$
Рисунок 2	$\frac{pL^3}{18EJ}$	$\frac{pL}{6}$	$\frac{p}{6}$	$\frac{pL^3}{72EJ}$	$\frac{pL}{12}$	$-\frac{pL}{12}$	$\frac{p}{6}$
Рисунок 3	$\frac{pL^3}{24EJ}$	$\frac{pL}{8}$	$\frac{p}{8}$	$\frac{pL^3}{96EJ}$	$\frac{pL}{16}$	$-\frac{pL}{16}$	$\frac{p}{8}$

Примененный подход распространим и на иные виды нагрузок, которые могут быть весьма разнообразны. В частности, наиболее часто встречается равномерно распределенная нагрузка.

Применительно к каждой отдельно взятой балке это будет погонная треугольная неравномерно распределенная нагрузка.

В этом случае рассматриваем каноническое уравнение метода перемещений, которое запишется в виде

$$\Delta \sum r_{1q} - \sum R_{1q} = 0, \quad (4)$$

где:

$\Delta \sum r_{1p} - \sum R_{1p}$ – искомое вертикальное перемещение узла 1;

$\sum r_{1q}$ – сумма реакций в узле 1 от единичного смещения (каждая балка имеет заделку с двух сторон);

$\sum R_{1q}$ – сумма реакций в узле 1 от неравномерно распределенной нагрузки в виде треугольника в основной системе метода перемещений.

Физический смысл уравнения (4) полностью соответствует физическому смыслу уравнения (1), а количественные величины – иные, из-за разного характера нагрузок и условий опирания балок

Основные результаты расчетов по формуле (4) в аналитическом виде, удобном для применения, представлены в *таблице 2*.

Этот случай закрепления балок по контуру незначительно удорожает монтаж, однако резко уменьшает прогибы и изгибающие моменты, которые часто определяют сечение самих балок.

Таблица 2

**Усилия и перемещения от неравномерно-распределенной
по треугольнику погонной нагрузки q**

Силовые и деформационные факторы (рисунки 1, 2, 3)	Условия опирания	
	Шарнирное	Заделка
Прогиб узла 1	$\frac{40}{3} \frac{qL^4}{EJ}$	$\frac{qL^4}{80EJ}$
Пролетный изгибающий момент	$M_1 = \frac{qL^2}{6}$	$M_1 = \frac{qL^2}{6}$
Опорный изгибающий момент	0	$M_{опорн} = -\frac{qL^2}{8}$

Полученные в данной статье формулы (таблицы 1 и 2), могут быть использованы в проектной работе при усилении, реконструкции и реставрации особняков и старинных усадеб. Формулы, представленные в таблицах 1 и 2, можно применять при использовании перекрестных балок, выполненных не только из стали, но и из клееной древесины. В этом случае модуль упругости следует принимать как для древесины.

Новизной представленных решений является получение готовых аналитических формул при отсутствии их в справочной литературе [7; 8; 4; 11].

Для практического решения задачи важно правильно задачу идентифицировать, отнести ее к общепринятой классификации оптимизационных задач.

Поскольку для стальных двутавровых балок применяется сортамент, имеющий дискретный характер, постольку задача близка к задачам целочисленного программирования. На наш взгляд, по физическому смыслу такую задачу точнее назвать дискретной задачей нелинейного программирования.

Инженерам-строителям удобно и привычно оперировать непрерывными функциями. В связи с этим все используемые аналитические выражения для момента инерции, момента сопротивления и площади представлены в данной статье в виде приближенных непрерывных функций (таблица 3).

Таблица 3

**Приближенные статистические соотношения отечественных сортаментов
для прокатных двутавров**

ГОСТ	Аппроксимационные выражения	
	Для момента сопротивления	Для момента инерции
8239-72	$W_x \approx -60,567 + 7,343A + 0,084A^2$ Погрешность в отдельных точках 13 %	$J_x \approx 307,526 - 62,79A + 4,472A^2$ Погрешность в отдельных точках 12 %
26020-83 «Б»	$W_x \approx -87,94 + 11,31A + 0,0853A^2$ Погрешность в отдельных точках 12 %	$J_x \approx -425,91 - 16,28A + 4,05A^2$ Погрешность в отдельных точках 14 %

Функциональные зависимости момента инерции $J(A)$ и момента сопротивления $W(A)$ можно аппроксимировать с любой желаемой точностью полиномами в виде:

$$a_0 + a_1A + a_2A^2 + \dots + a_nA^n \quad (5)$$

Чем больше показатель степени n , тем точнее будет аппроксимация. При этом численные коэффициенты $a_0, a_1, a_2, \dots, a_n$ для $J(A)$ и $W(A)$ не равны друг другу и могут иметь разные знаки и разные единицы измерения, поэтому можно записать

$$J(A) \approx a_0 + a_1 A + a_2 A^2 + \dots + a_n A^n \quad (6)$$

$$W(A) \approx b_0 + b_1 A + b_2 A^2 + \dots + b_n A^n \quad (7)$$

Как показал численный эксперимент двучлен в виде $a_0 + a_1 A$ или $b_0 + b_1 A$ дает слишком низкую точность и может быть рекомендован трехчлен или полином с $n \geq 2$.

Нелинейные ограничения к функции цели удобно представить в безразмерной форме.

При постановке и решении задач оптимизации в строительстве обязательно рассмотрение как минимум двух ограничений. В качестве первого ограничения выступают условия прочности в наиболее напряженной точке конструкции. Вторым ограничением являются условия жесткости, то есть перемещения наиболее прогибаемой точки конструкции, которые не должны превышать предельно допустимые перемещения.

Часто количество исследуемых точек и места их расположения бывают заранее неизвестны. В этом случае рассматривается несколько наиболее опасных точек и неравенств, выражающих условия прочности. Этих неравенств может быть несколько.

Условие прочности балок по критерию нормальных напряжений в безразмерной форме

$$G_1 = \frac{|M_{max}|}{WR_y} \leq 1 \quad (8)$$

Условие жесткости в безразмерной форме

$$G_2 = \frac{f_{max}}{[f]} \leq 1, \quad (9)$$

где

W – момент сопротивления стальной балки;

R_y – расчетное сопротивление стали ;

$[f]$ – допустимая величина прогиба, определяемая действующими нормами на проектирование;

f_{max} – наибольшая величина прогиба (таблицы 1 и 2);

$|M_{max}|$ – наибольший изгибающий момент по модулю (таблицы 1 и 2).

В более абстрактной форме, однако, с учетом перехода к непрерывным функциям с использованием таблицы 3, полная система ограничений может быть сформулирована в форме безразмерных неравенств:

$$G_1 = \frac{C_1}{b_0 + b_1 A + b_2 A^2} \leq 1 \quad (10)$$

$$G_2 = \frac{C_2}{a_0 + a_1 A + a_2 A^2} \leq 1 \quad (11)$$

$$G_3 = A > 0 \quad (12)$$

$$G_4 = L > 0 \quad (13)$$

$$G_5 = C_1 > 0 \quad (14)$$

$$G_6 = C_2 > 0 \quad (15)$$

Здесь C_1 и C_2 – количественные величины, зависящие от условий опирания балок, вида нагрузки и геометрической схемы балок.

При этом размерности величин C_1 и C_2 – разные. Ограничения (10) и (11) – это непрерывные монотонно убывающие функции. Ограничения (12–15) определяются физическим смыслом задачи и не требуют дополнительных пояснений.

Наличие нелинейных ограничений (8), (9) или (10), (11) характеризует рассматриваемую задачу как условную задачу нелинейного программирования.

Условная задача нелинейного программирования имеет большое количество проверенных практикой эффективных алгоритмов решения, систематически изложенных в [14; 12; 16; 9; 6; 10].

Дискретная функция сортаментов прокатных двутавров заменяется непрерывной, которая приближенно отражает зависимость момента инерции и момента сопротивления от площади поперечного сечения. Указанная особенность представляет собой определенную новизну предлагаемых решений.

Это, на наш взгляд, один из возможных перспективных подходов к решению не только данной задачи, но и других аналогичных задач.

Получение аналитических формул (таблицы 1 и 2) обогащают наши представления о работе конструктивной формы по рисункам 1, 2 и 3 и могут служить хорошим подспорьем при постановке и решении многообразных оптимизационных задач, полезных для практики. Интерес представляет и графическая интерпретация решаемой оптимизационной задачи (рисунок 5). Математический минимум не совпадает с физическим минимумом из-за дискретности сортамента.

Исследование выведенных формул (1–15) при их численном выражении в реальных диапазонах пролетов и нагрузок дает возможность сделать обоснованные выводы о границах разумного применения низколегированных сталей в рассматриваемых схемах конструкций. Это обстоятельство отражено в выводах 3, 4 и 5.

При ограниченности наибольших размеров отечественного сортамента, которая возникает при больших пролетах, целесообразно переходить на стальные балки с треугольным или полигональным шпренгелем, на перфорированные балки, на прутковые прогоны. Оправдан переход и на комбинированные системы, например фермы с изгибно-жестким верхним поясом, очень перспективны фермы из одиночных уголков, а в случае еще больших пролетах разумно применять пространственно работающие стержневые системы.

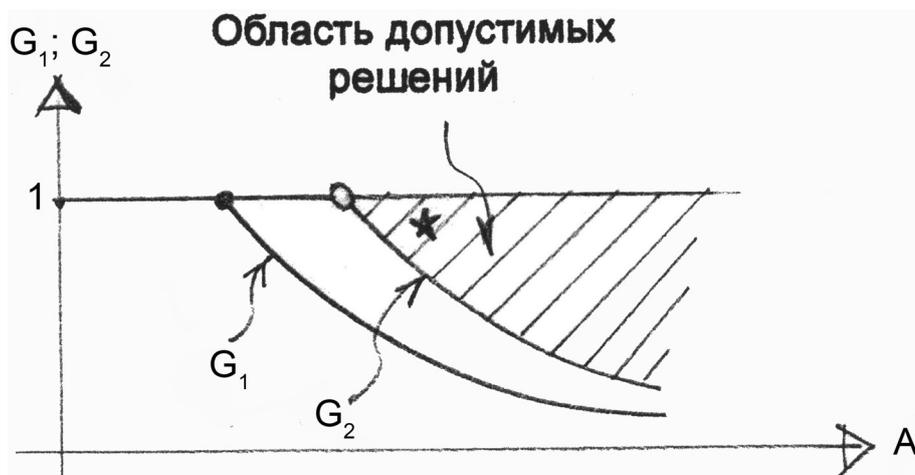

Рисунок 5. Графическое решение оптимизационной задачи при шарнирном опирании балок по контуру

Точка «0» является математической точкой условного минимума. Звездочка – точка физического минимума

Каждая из вышеперечисленных конструктивных форм требует своих, иногда специфически сформулированных, целевых функций и ограничений к ним, то есть своего подробного исследования.

Определенный экономический эффект должен проявиться в неизученном пока вопросе о включении настила в совместную работу с радиальными балками. При этом настил может быть выполнен из железобетона.

Особо перспективным направлением дальнейших исследований является рассмотрение предварительно напряженных затяжек для балок шпренгельного типа. При этом все аналитические выражения для ограничений и целевых функций естественным образом усложнятся. Не исключен переход и к нелинейным целевым функциям.

При проектировании вновь создаваемых конструкций необходимо предусматривать строительный подъем. Величина строительного подъема может определяться как сумма прогиба от постоянной плюс половина временной нагрузки.

Выводы:

1. Задача о проектировании радиальных балок жестко сопряженных в центральном узле может быть сформулирована как задача нелинейного программирования.
2. Существующие разнообразные математические методы решения задач нелинейного программирования не являются универсальными, однако вполне применимы для рассмотренного примера.
3. Для стальных прокатных радиально расположенных балок на круглом плане с жестким центральным узлом и шарнирным опиранием по контуру при неравномерной распределенной нагрузке в виде треугольника, определяющим при подборе сечений является второе предельное состояние. Условия прочности выполняются автоматически с большим запасом, поэтому применение низколегированных сталей экономически нецелесообразно.
4. В случае заделок балок по опорному контуру активные ограничения и пассивные меняются местами. К активным ограничениям относятся условия прочности балок. Поэтому с целью сокращения расхода стали, выгодно становится применение низколегированных сталей.
5. При сосредоточенной силе, приложенной в узле пересечения балок, при шарнирном опирании или защемлении по наружному контуру, активным ограничением является неравенство (9). Поэтому применение в этих случаях низколегированных сталей экономически нецелесообразно.

Библиографический список

1. Гети, Хоор, Меллер, Наттерер. Атлас деревянных конструкций. М., 1985.
2. Демидов Н.Н., Бурмистрова А.Г. К анализу расчетных схем и основных методов расчета перекрестных балок // Строительная механика и расчет сооружений. 1989. № 2.
3. Макаров А.А., Турков А.В. Прогибы и частоты собственных колебаний систем перекрестных балок на прямоугольном плане в зависимости от схемы опирания // Промышленное и гражданское строительство. 2014. № 10.
4. Отрешко А.И. Справочник проектировщика. Деревянные конструкции. М., 2013.
5. Раздольская Т. Задачи спасения архитектуры русского авангарда. Департамент культурного наследия г. Москвы // Московское наследие. 2018. № 1 (55).
6. Реклейтис Г., Рейвиндран А., Рэгсдел К. Оптимизация в технике. М., 1986. Кн. 1.
7. Справочник проектировщика расчетно-теоретический / под ред. А.А. Уманского. М., 1972. Кн. 1.
8. Справочник проектировщика. Металлические конструкции / под ред Н.П. Мельникова. М., 1980.
9. Фиакко А., Маккормик Г. Нелинейное программирование. М., 1988.
10. Химмельблау Д. Прикладное нелинейное программирование. М., 1975.

11. *Хисамов Р.И.* Расчет и конструирование структурных покрытий. Киев, 1981.
12. *Bazaraa M.S., Sherali H.D., Shetti C.M.* Nonlinear Programming: theory and algorithms. 2013.
13. *Butner S.* Metalleichtbauten Ebene Raumstabwerke. VEB Verlag fur Bauwesen. Berlin, 1970.
14. *Luenberger D.G., Ye Y.* Linear and nonlinear programming. 2015.
15. *Mengerinhausen* Raumfachwerke aus Staben und Knoten. Bauverlag GMBH. Wiesbaden und Berlin 1975.
16. *Traces and Emergence of Nonlinear Programming.* Springer 2014.

Н.Н. Демидов

кандидат технических наук, доцент

*Московский информационно-технологический университет –
Московский архитектурно-строительный институт*

E-mail: melirina08@mail.ru

О.Н. Ракитова

главный специалист ООО «АМЦ-Проект»

E-mail: aeroport2010@rambler.ru

В.Г. Меликова

ведущий специалист-конструктор АО «МСУ-1»

E-mail: madcheese-h@yandex.ru

ГИДРОТЕХНИЧЕСКИЕ БЕТОНЫ, ИХ МОДИФИКАЦИЯ ДЛЯ ПОЛЯРНЫХ ШИРОТ

Н.Н. Гудкова, А. Рецер

Аннотация. В статье приведен анализ добавок в гидротехнический бетон для сооружений, возводимых в условиях низких температур и переменного уровня воды, рассмотрены рекомендации нормативных документов.

Ключевые слова: добавки, модификаторы, низкие температуры, пластификаторы, поверхностно активные вещества, коррозионная стойкость, морозостойкость, кольматирующие свойства, микрокремнеземы.

HYDRAULIC CONCRETES AND THEIR MODIFICATION FOR POLAR LATITUDES

N.N. Gudkova, A. Retser

Abstract. The analysis of additives in hydraulic concrete for structures erected in the conditions of low temperatures and variable water levels is presented in this article, as well as recommendations set forth in regulatory documents are considered herein.

Keywords: additives, modifiers, low temperatures, plasticizers, surfactants, corrosion resistance, frost resistance, colmatating properties, microsilic.

В условиях экстремально низких температур, в зоне переменного уровня воды, бетон в гидротехнических сооружениях (далее – ГТС) подвержен воздействиям сразу нескольких разрушающих факторов, которые необходимо учитывать на стадии проектирования таких сооружений и выборе материала конструкций. Если не учесть данный фактор, в конструкциях в процессе эксплуатации могут развиваться недопустимые деформации, что может привести к потере несущей способности конструкции и разрушению сооружения в целом.

С целью повышения надежности и безотказной работы конструкций ГТС, бетон для гидротехнических сооружений должен обладать следующими свойствами: водонепроницаемость, морозостойкость, коррозионная стойкость, кавитационная стойкость и трещиностойкость.

Важнейшим свойством гидротехнического бетона в зоне переменного уровня воды является коррозионная стойкость и стойкость к морозному воздействию конструкций, подверженных действию морской и пресной воды.

В технологии производства гидротехнических бетонов должны быть учтены меры первичной защиты от вредных воздействий окружающей среды – воды, к которым относятся: выбор цемента и заполнителей, подбор состава бетона с применением добавок, снижающих проницаемость бетона, применением водоредуцирующих, активных минеральных, воздухововлекающих и других добавок, повышающих стойкость бетона в агрессивной среде, и защитное действие бетона по отношению к стальной арматуре, стальным закладным деталям и соединительным элементам.

Общее количество химических добавок при производстве бетона составляет не более 5 % массы цемента. Для повышения коррозионной стойкости и морозостойкости бетона

применяются воздухововлекающие и газообразующие добавки в сочетании с пластифицирующими и водоредуцирующими добавками.

Некоторые авторы отмечают, что морозостойкость бетона обусловлена его структурой, к способам повышения морозостойкости бетонных конструкций относят следующие мероприятия: изоляция бетонного элемента от неблагоприятного внешнего воздействия с помощью обмазочных и окрасочных материалов, пропиток; получение плотной структуры материала путем применения цемента более высоких марок, тщательного уплотнения различными способами и создания благоприятных условий твердения бетонной смеси; введение специальных добавок.

Применяемые добавки с целью повышения морозостойкости и коррозионной стойкости бетона делятся на: поверхностно-активные вещества, добавки (присадки), способствующие появлению шаровидных пор, суперпластификаторы. К основным свойствам поверхностно-активных добавок относится образование плотной структуры. Суперпластификаторы влияют на свойства бетонной смеси и бетонного камня: бетонная смесь приобретает большую подвижность без увеличения воды в составе; как следствие, происходит снижение усадок и уплотнение структуры камня.

Проводимые в последние годы исследования показали, что достаточно эффективной добавкой является нитрит-нитрат-хлорид кальция (ННХК) в сочетании с портландцементом марки 400 в сочетании с тепловлажностной обработкой бетона. ННХК – продукт, получаемый смешиванием нитрита и нитрата кальция с хлоридом кальция в отношении 1:1:2 по массе. Введение ННХК в бетоны с В/Ц = 0,4 способствует повышению прочности бетона. Прирост прочности бетона с добавкой ННХК увеличивается с возрастом бетона.

В исследованиях отмечается, что применение добавок позволяет изменить водоцементное отношение состава смеси и снизить расход цемента, однако, расход цемента повышается с увеличением алюминатности портландцемента, что согласуется с изменением величины ускоряющего эффекта добавки. Испытания бетона (с В/Ц = 0,5) на морозостойкость показали, что бетон без добавки при прохождении 300 циклов попеременного замораживания и оттаивания разрушился, а с добавками ННХК коэффициент морозостойкости не понижался ниже 0,8.

В исследовании приведены следующие результаты:

- при дозировках ННХК от 1 до 8 % сталь остается пассивной;
- добавка показывает высокий результат по замерзаемости ее водного 30 % раствора; раствор замерзает при температуре -48°C , что делает ее эффективной в условиях очень низких температур.

Ряд авторов выделяют добавки, которые повышают водонепроницаемость бетонного элемента и положительно влияют на внутреннюю структуру бетонного камня. В настоящее время к ним относятся «Дегидрол», «Пенетрон», «Кристалл», вводимые в состав бетонной смеси. Они влияют на структуру камня, фактически модифицируют её. Так, кольматирующие (уплотняющие) добавки (основа всех смесей с кольматирующими свойствами – микрокремнезем) действуют на бетонный камень следующим образом: железобетон после застывания раствора уплотняется, а между компонентами добавки, водой и цементными частицами идут химические реакции, которые приводят к образованию вещества, формирующего нерастворимые высокопрочные соединения, заполняющие пустоты в твёрдом бетоне.

Таким образом, введение в состав бетона добавки способствует улучшению свойств гидротехнического бетона, необходимых для работы в зоне переменного уровня воды, при низких температурах. Однако необходимо отметить, что большинство источников, освещающих данный вопрос, ограничивается рассмотрением объектов гражданского строительства или дорожных покрытий; часть авторов рассматривает применение таких бетонов в подземных частях зданий и подпорных сооружениях.

В СП 41.13330.2012 Бетонные и железобетонные конструкции гидротехнических сооружений. Актуализированная редакция СНиП 2.06.08-87 (с Изменением № 1) в приложении В1 добавки микрокремнезема рекомендованы в пункте 3. Также в документе выделены добавки следующего действия: пластификаторы, воздухововлекающие добавки, пластифицирующие-воздухововлекающие, замедляющие, комплексного действия, ускоряющие и микрокремнеземы.

Изучение и разработка новых добавок в бетоны элементов гидротехнических сооружений в условиях низких температур становится актуальной задачей при освоении Северного морского пути и строительства портов в полярных широтах.

Библиографический список

1. СП 41.13330.2012 Бетонные и железобетонные конструкции гидротехнических сооружений. Актуализированная редакция СНиП 2.06.08-87. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/> (дата обращения: 23.11.2021).
2. СП 28.13330.2012 Защита строительных конструкций от коррозии. Актуализированная редакция СНиП 2.03.11-85 URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/> (дата обращения: 23.11.2021).
3. ГОСТ 31384-2017 Защита бетонных и железобетонных конструкций от коррозии. Общие технические требования URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/> (дата обращения: 23.11.2021).
4. Усов Б.А. Исследование влияния добавок электролитов на твердение и свойства пропаренного бетона: автореф. дис. ... канд. технич. наук. М., 2013.

Н.Н. Гудкова

кандидат технических наук, доцент

доцент

Российский университет транспорта РУТ-МИИТ, г. Москва

доцент кафедры «Водные пути, порты и гидротехнические сооружения»

Академия водного транспорта АВТ, г. Москва

доцент кафедры строительства и городского хозяйства

Московский информационно-технологический университет –

Московский архитектурно-строительный институт

E-mail: gud325@mail.ru

А. Рецер

студент

Российский университет транспорта (МИИТ), г. Москва

ЭФФЕКТИВНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛИМЕРНЫХ ОТХОДОВ МУСОРОПЕРЕРАБАТЫВАЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Н.Н. Гудкова, Г.К. Ивановский

Аннотация. Эффективная сортировка и переработка полимерных отходов в строительные материалы на мусороперерабатывающем заводе является актуальной в условиях современного производства и использования полимерной тары и упаковки во всех отраслях производства, а также нарастающей проблемы дефицита полигонов твердых бытовых отходов (ТБО), их влияния на экологическую обстановку в прилегающих районах. Альтернативным решением утилизации полимерных и прочих отходов традиционно являются мусоросжигательные заводы, экологический вред от которых сопоставим с полигонами ТБО, которые не приносят прибыли, а затраты на их строительство и эксплуатацию являются весьма ощутимыми для субъектов РФ. Новизна подхода к решению проблемы полигонов ТБО и утилизации мусора в целом – это строительство заводов по переработке отходов (в данном случае полимерных) и производству строительных материалов.

Ключевые слова: полимерные отходы, упаковка, утилизация мусора.

EFFECTIVE USE OF POLYMER WASTE FROM WASTE PROCESSING ENTERPRISES FOR THE PRODUCTION OF BUILDING MATERIALS

N.N. Gudkova, G.K. Ivanovsky

Abstract. Effective sorting and processing of polymer waste into building materials at a waste recycling plant is relevant in the context of modern production and use of polymer containers and packaging in all industries, as well as the growing shortage of landfills for solid household waste (SHW), their impact on the environmental situation in the surrounding areas. An alternative solution to the disposal of polymer and other waste has historically been offered by incinerators, the environmental damage from which is comparable to landfills and do not bring profit, while the cost of construction and operation of incinerators is quite significant for Russian federal municipalities (regions). The novelty of the approach to resolving the issue with regard to landfills and waste disposal in general is the construction of waste processing plants, in this case polymer, and the production of building materials.

Keywords: polymer waste, packaging, waste disposal.

В настоящее время проблема утилизации отходов в странах Европы решена частично, а в России еще нет систематизированного сбора, разделения, производства и дальнейшей реализации материалов.

Поиск оптимального способа для территории РФ – использовать утилизированные полимерные отходы экологично, эффективно и экономично – сводится к решению комплекса задач: организация раздельного сбора полимерных бытовых отходов или их разделение непосредственно на заводе по утилизации отходов; создание технологических линий завода по утилизации полимерных отходов и принципиальных схем работы завода; анализ и разработка строительных материалов на основе утилизированных полимерных отходов; анализ рынка и целесообразности использования строительных материалов на полимерной основе в различных регионах РФ.

Мусороперерабатывающие комплексы разработаны относительно недавно, предлагаемая модель мусороперерабатывающего комплекса основывается на современном оборудовании, которое находится в свободной продаже у фирм-производителей.

Анализируя развитие процесса раздельного сбора мусора за границей и на территории РФ, а также разработки схем мусоросортировочных комплексов, на основе публикаций в СМИ («Аргументы и факты» [1], «Коммерсантъ» [3], медиагруппы Российского агентства международной информации «РИА Новости» [10]), можно отметить в качестве основного мусоросортировочный комплекс фирмы-производителя ООО «ХУСМАНН РУС» [5], которая находится на рынке с 2011 г., создает проекты мусоросортировочных комплексов, а также поставляет и обслуживает соответствующее оборудование. Компания «ХУСМАНН РУС» является официальным эксклюзивным представителем немецкой фирмы «Husmann GmbH», с 2004 г. внедряет европейский опыт по обращению с отходами в России, адаптируя его к российским реалиям. На сайте вышеуказанной организации приведена схема производственного цикла по сортировке отходов, перечислено необходимое оборудование, а также даны предложения по проектированию. Опираясь на опыт компании и учитывая специфику переработки полимерных отходов в России, рассмотрим основные подходы к созданию мусоросортировочного комплекса, исключая из цикла систему сортировки вторичных отходов, таких как бумага, металлолом, стекло, ткань, и подробнее остановимся на работе комплекса с пластиковыми отходами для последующего производственного цикла.

Нормы для переработки твердых бытовых отходов, а также способы сбора и разделения были взяты из справочника «Твердые бытовые отходы (сбор, транспорт и обезвреживание)» [17], а также использованы данные Министерства природы РФ, газеты «Коммерсантъ» [3] и ФГУП «Федеральный экологический оператор» [15].

Оборудование для сортировки отходов может быть подобрано в соответствии с расчетной производительностью мусоросортировочного комплекса у фирм-производителей ГК «7GreenLine» [4], ГК «МЕГАЛИОН» [11], в том числе ООО «ХУСМАНН РУС».

Основными документами для разработки линий по переработке полимерных отходов в строительные полимерпесчаные материалы являются зарегистрированные патенты [13], приведенные в *таблице 1*.

Таблица 1

Зарегистрированные патенты

Линия для производства кровельно-строительного материала и состав для изготовления кровельного листа	2012	Самонин Василий Анатольевич	RU2496637C1
Технологическая линия по производству полимерной кровельной черепицы	2011	Дементьев Виктор Дмитриевич Набатов Олег Владимирович Позднякова Анна Викторовна	RU2483873C1
Технологическая линия по производству полимерных строительных материалов	2002	Дунаев С.С. Минин Л.В.	RU2206452C1

При проектировании и разработке схемы линий для производства полимерпесчаного оборудования может быть полезен опыт инженеров России и других стран, таких как Нзамби Мати (кенийская женщина-инженер, компания «Gjenge Makets») [20], Павел Васильев и Глеб Майер (РФ) [16], братья Нгом (Дакар, Сенегал) [8].

В качестве примера можно привести оборудование для переработки полимерных отходов в соответствии с производительностью сортировочного комплекса по разделению полимеров от компаний «СтанкоПЭТ» [6] и «ПОЛИМЕХ» [2].

Для переработки полимерных отходов в топливо применяются установки «Т-ПУ1» от производственно-торговой компании «Пиролиз-Экопром», входящей в группу компаний производственного холдинга «Техносервис» [7].

Объемно-планировочные и конструктивные решения здания мусороперерабатывающего комплекса можно рассмотреть на примере от ЗАО «Казанский Экологический Комплекс» «КЭК» [2]. Конструктивное решение строительства трансформаторной подстанции выбрано от электротехнического завода ООО «БНК» [19].

Принцип переработки полимерных отходов в строительные материалы. Переработка полимерных материалов должна осуществляться на территории мусоросортировочного завода в отдельных помещениях для каждого вида полимеров (зона переработки полимеров). Основным продуктом, получаемым из отсортированных ПЭТ-бутылок, пленочных материалов и твердых пластиков в зоне переработки полимерных отходов является производство полимерпесчаных изделий: полимерпесчаная плитка, кирпичи, черепица, тротуарные бордюры.

Основная идея состоит в замене вяжущего (цемента) в бетоне на полимер.

За основу получения изделий из полимерпесчаных изделий принят патент Германии № 4434252: «Данная технологическая линия содержит установленные параллельно по ходу технологического процесса первый загрузочный бункер и первый экструдер, второе загрузочное устройство и второй экструдер, причем внутренние поверхности обоих экструдеров соединены между собой, и далее – реактор, соединенный через подающую линию с совмещенными экструдерами, ко второму из которых подсоединена линия отвода воздуха» [18].

Также есть патент непосредственно на систему изготовления изделий из сыпучих материалов и полимерных отходов № RU2185959C1 [14].

Изобретение относится к производству строительных изделий из сыпучих материалов и полимерных отходов и может быть использовано для получения черепичных, кровельных материалов, химически стойких покрытий полов, плитки и других материалов.

Технология получения полимерпесчаной продукции. Для каждого региона РФ необходимо подобрать свои технологические решения по производству полимерпесчаной продукции с учетом климатических факторов, однако состав вторичных полимерных продуктов практически одинаков, а состав песка зависит от места добычи. В соответствии с этим нужно подбирать оборудование исходя из химического состава поставляемых продуктов.

Получение полимерпесчаной плитки делится на пять технологических переделов (рисунки 1–2):

- измельчение пластика (с помощью дробилки полимерный материал измельчается);
- агломерирование (совмещение в одном процессе измельчения и пластикация (процесс превращения пластических масс в расплав, с целью облегчения их переработки в изделия);
- обработка полимерной пленки под действием силы трения и подачи дозированного количества воды для охлаждения);
- смешивание полимерных кусочков с песком в экструдере (на этом этапе песок и расплавленный вязкий пластик, при высоких температурах, многократно перемешиваясь, превращаются в однородную тестообразную массу, в которую по желанию добавляется краситель);
- выдавливание, прессование, формование полученной фракции (экструдер выдавливает смесь, ее температура составляет около 200 градусов, смесь нарезают и укладывают в формы в необходимом количестве); придание готовой формы и охлаждение (формовочный пресс придает изделию конечный вид, одновременно происходит и охлаждение).

По желанию производитель может придать плитке различные габариты и фактуру [12].

Рисунок 1. Линия переработки полимерной пленки в полимерпесчаные изделия

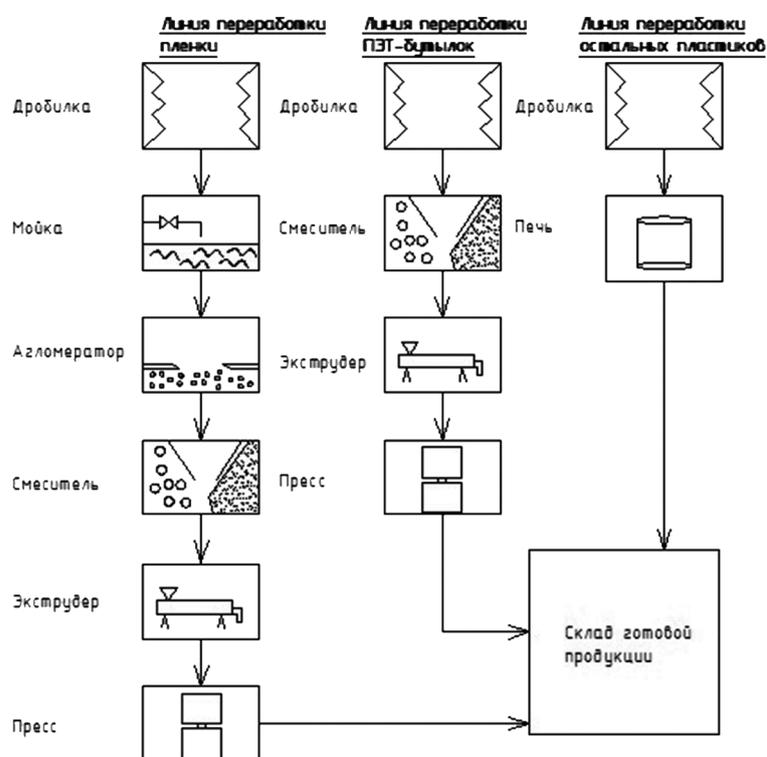

Рисунок 2. Линии переработки полимерных отходов

Анализ основных технологических параметров ПЭТ-бутылок, их применимость в производстве строительных материалов. Для получения качественной продукции после переработки полимерных продуктов совместно с песком необходимо соблюдать основные условия: чистота перерабатываемого пластика и хорошо высушенные компоненты, максимальное отсутствие влаги.

ПЭТ-материалы, не пригодные для переработки (из-за загрязнённости или большого числа циклов использования), могут быть утилизированы на мусоросжигательных заводах, в том числе на предприятиях, рассчитанных на энергетическую утилизацию отходов. ПЭТ считается одними из самых безопасных видов пластикового топлива, так как при их сгорании не выделяются диоксины.

В европейских странах около 70 % вторичного ПЭТ перерабатывается в волокна полиэстера, который используют для утепления одежды, набивки спальных мешков и мягких игрушек.

Полиэфирное волокно – синтетическое волокно, формируемое из расплава полиэтилентерефталата или его производных. Достоинства – незначительная сминаемость, отличная свето- и атмосферостойкость, высокая прочность, хорошая стойкость к истиранию и к органическим растворителям. Недостатки – трудность крашения, сильная электризуемость, жесткость – устраняются химическим модифицированием. Применяется, например, в производстве различных тканей, искусственного меха, канатов, для армирования шин, в качестве утеплительного материала [9].

Вышеуказанное оборудование для производства полиэфирного волокна является дорогостоящим, что сдерживает его применение, однако переработка ПЭТ-бутылок в полимерпесчаную плитку требует меньших затрат на оборудование.

Развитие технологий по переработке бытовых отходов и применение продуктов переработки для производства строительных материалов может иметь не только научный, но и практический (коммерческий) интерес, параллельно решая ряд крупных региональных проблем с полигонами ТБО и экологической обстановкой. Дальнейшее изучение и разработка номенклатуры продукции, возможности использования для производства изделий, предлагаемого производителями оборудования, разработка замкнуты автоматизированных технологических циклов, расширяет горизонты научного поиска и экономической привлекательности такого рода проектов.

Библиографический список

1. Вторая жизнь. Как работает отрасль стеклопереработки // Аргументы и факты. 2019. 22 августа.
2. ЗАО Казанский экологический комплекс. URL: <https://onlineecology.com/org/zao-kazanskiy-ekologicheskii-kompleks> (дата обращения: 23.09.2021).
3. Когда появился отдельный сбор мусора в Европе // Коммерсантъ. 2019. 19 июня.
4. Комплексы «7GreenLine» для сортировки мусора. URL: <https://7greenline.ru> (дата обращения: 23.09.2021).
5. Мусоросортировочные комплексы и оборудование «Хусманн Рус». URL: <https://husmann.ru> (дата обращения: 23.09.2021).
6. Оборудование для переработки полимеров. Станкопэт. URL: <https://stankopet.ru> (дата обращения: 23.09.2021).
7. ООО «Пироллиз-Экопром». URL: <https://piroliz-ecoprom.ru> (дата обращения: 23.09.2021).
8. Переработка пластика по-африкански – Сенегал. URL: https://pikabu.ru/story/pererabotka_plastika_roafrikanski_senegal_7957815 (дата обращения: 23.09.2021).
9. Полиэфирное волокно. URL: https://www.roshimvolokno.ru/poliefirnoe_volokno.php (дата обращения: 23.09.2021).
10. Примеры систем отдельного сбора мусора за рубежом: справка. // РИА Новости. 2010. 21 мая.
11. Проектируем и производим мусоросортировочные комплексы. ГК «МЕГАЛИОН». URL: <https://www.megalion69.ru> (дата обращения: 23.09.2021).
12. Производство полимерпесчаной плитки и технология укладки. URL: <https://pressadv.ru/materialy/polimernaya-plitka-izgotovlenie.html> (дата обращения: 23.09.2021).
13. Российские патенты. Пантеон патентов. URL: <https://patenton.ru> (дата обращения: 23.09.2021).
14. Российский патент 2002 года по МПК В28В15/00 В28В3/00 С04В26/00.
15. «Российский экологический оператор» оценил уровень сортировки мусора // Коммерсантъ. URL: <https://millnews.ru/index/sortirovka-musora.html> (дата обращения: 22.08.2019).
16. Рязанский мастер делает тротуарную плитку из пакетов. URL: https://pikabu.ru/story/ryazanskiy_master_delaet_trotuarnuyu_plitku_iz_paketov_8475075 (дата обращения: 23.09.2021).

17. *Систер В.Г., Мирный А.Н., Скворцов Л.С., Абрамов Н.Ф., Никогосов Х.Н.* Твердые бытовые отходы (сбор, транспорт и обезвреживание): Справочник. М., 2001.
18. «Устройство для обработки смешанных пластмассовых отходов» с приоритетом от 24.09.1994, МПК В29В 17/00, опубликованного 28.03.1996.
19. Электротехнический завод ООО «БНК». URL: <https://bnk-azov.ru> (дата обращения: 23.09.2021).
20. We make pavement bricks using plastic waste. Gjenge Makers Journey. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=C0FOc0QUWmw> (дата обращения: 23.09.2021).

Н.Н. Гудкова

кандидат технических наук, доцент

доцент

Российский университет транспорта РУТ-МИИТ, г. Москва

доцент кафедры «Водные пути, порты и гидротехнические сооружения»

Академия водного транспорта АВТ, г. Москва

доцент кафедры строительства и городского хозяйства

Московский информационно-технологический университет –

Московский архитектурно-строительный институт

E-mail: gud325@mail.ru

Г.К. Ивановский

инженер

Войсковая часть 66631

E-mail: 77g77k77@mail.ru

ЯЗЫК АРХИТЕКТУРЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРАЗДНИЧНОГО МИРОПОНИМАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ИТАЛИИ

Т.В. Азарова

Аннотация. Праздничная традиция отражается в устройстве жизненного пространства народа, в том числе в архитектуре. Величественные палаццо в Италии являются отражением праздничного миропонимания. Жизнь воспринимается итальянцами как праздник; архитектура, в свою очередь, служит декорацией, оформляет основные этапы проведения праздника.

Ключевые слова: праздник, фестиваль, палаццо, Палио, Италия, Венеция.

THE LANGUAGE OF ARCHITECTURE AS A REFLECTION OF THE FESTIVE WORLDVIEW AS IN THE CASE OF ITALY

T.V. Azarova

Abstract. This article describes how the festive tradition is reflected in the arrangement of the living space of a nation. Majestic palazzi in Italy are a reflection of the festive worldview. Life is perceived by Italians as a holiday. Architecture, in turn, serves as a decoration of life and festivals.

Keywords: holiday, festival, palazzo, Palio, Italy, Venice.

Архитектурная традиция Италии, складываясь на протяжении многих веков и впитывая особенности, приходящие извне (с пониманием красоты народов, покоренных римлянами) прошла путь от тяжеловесных массивных структур до изящных строений. Устремления и основы жизненной философии итальянцы выражали в своей деятельности. В частности, в облике городов Италии присутствует праздничное мироощущение: жизнь для итальянцев – это праздник.

Примерами, как связаны праздники и архитектура, могут служить такие здания как **Pantheon** (XXI–XXV вв. до н.э.). История храма *templio – tempo* – место, в котором время и история соединяются, рождая «здесь и сейчас». Величественность как дар высшим силам, от которых, по верованиям древних римлян, жителей империи, зависит будущее. Описание пантеона как типичного здания эпохи, показательного в отношении архитектоники, деталей оформления, цветов и пространства, создает впечатление заслуженной праздничности, стремление закольцевать время в определенном пространстве, поместить себя внутрь. Это выражается в круговой структуре здания: если время – необъятная материя, то человек в ней – пылинка.

Рим богат дворцами – посвящениями правителям, патрициям. Богатые семейства стремились наладить связь с античными богами, задобрить их, кроме того, придать значительности своему роду, способствовать формированию облика города. Среди главных архитектурных памятников, иллюстрирующих связь строительной традиции с праздничным мироощущением, можно выделить **Palazzo Venezia** (1455, был построен по замыслу венецианского кардинала, после стал резиденцией Папы Паоло II).

Итальянцы обладают умением создавать даже незначительные объекты с намерением порадоваться самим и подарить положительные эмоции окружающим. Один из показательных

примеров – галерея **Uffizzi** во Флоренции: изначально здание строилось для возможности расположиться здесь купцам, прибывающим по экономическим делам ко двору Медичи, но со временем оно превратилось в одну из самых знаменитых галерей мира. Флоренция – город процветания (*fiore* – цветок), но экономического, по большому счету, практического благосостояния. Легкомысленность и праздничность каждого момента для расчетливых флорентийцев неприемлема. Поэтому даже самые нарядные здания весьма напоминают банки. Примером тому могут послужить **Palazzo Rucellai** (1451, семейный фамильный дом), **Palazzo Castellani** (офис института и музея истории) и **Palazzo dei Vescovi** (1320, дом отдыха для епископата), которые были задуманы для разных целей, но очень похожи в структурном исполнении. Главный праздник Флоренции – 24 июня – день ее святого покровителя Иоанна Крестителя, «символ моральной честности и политического исправления» [8].

Еще один пример сдержанного итальянского стиля, элегантного и вместе с тем позволяющего почувствовать приближение особого торжества, лишённого балаганности и разудальства – это театр **La scala**. Опера – это не карнавальное веселье и гулянье, это переживание особого опыта: сюда приходят люди, чтобы своим участием соединиться с особым рода событием, которое станет праздником только при включенности каждого в процесс.

Города своим обликом воплощают средоточие праздничного мышления, главный местный праздник можно предугадать по тому, как оформлен архитектурный фон города. Сиена оформляется как место проведения главных спортивных скачек страны: «Много было архитекторов эпохи готики из Сиены. Характерный памятник сиенского переходного стиля – Лоджия Мерканция работы Сано ди Маттео» [7], а в Венеции карнавальную атмосферу создают колоритные дворцы.

Архитектура в понимании итальянцев – это искусство, которое позволяет сформулировать личное высказывание, является способом связи с небом. Человек-художник таким образом выражает свои духовные переживания, которые отражаются в соответствующих строительных формах. Помимо индивидуального творчества, городская среда помогает выразить общенародное настроение: в случае с готикой – замкнутость и строгость, стремление к совершенствованию. Праздники этой эпохи сугубо религиозные, католические; их участники – посвященные, избранные, для которых открыто глубокое понимание праздника.

Праздничный календарь Италии своими основными вехами повлиял на жизнеустройство всего города и общины, живущей в нем: деятельность города формировалась событиями [1, с. 73]. Коммуны в Италии и сейчас играют весьма значительную роль, а в средневековом замкнутом обществе они регламентировали жизнеустройство всего социума.

С расцветом городов и трансформацией крестьянского сельскохозяйственного уклада архитектура стала особым типом деятельности, который позволяет человеку трудиться на земле. Архитектура воспринимается как стиль жизни, способ формирования реальности вокруг себя, человек же осознаётся при этом как создатель, преобразователь мира, возделыватель земли [2, с. 69].

Эпоха Возрождения открыла простор мысли и свободы выражения: человек, осмысливая себя, пытался воспроизвести античные образцы, как будто задаваясь вопросами: что есть смысл человеческого существования? для чего человек пришел в мир? Этот период подарил миру самые необычные и значимые строения, утверждая тем самым ценность жизни, устремления в вечность.

Стиль Барокко выразил кризис существования, переосмысление значимости деятельности человека, его жизни и попыток изменить мир вокруг себя. Вполне закономерно мысли и мечты о могуществе стали рушиться и претерпевать значительные изменения. Иногда за красочным богатым фасадом скрывается нечто совсем иное: так маскарад отражался в облике зданий, дворцов.

Венеция воспринимается как нескончаемый праздник, а убранство города – как сценография, как декорации к этому пиршеству всего населения. Документы хроники города возводят зарождение Карнавала в Венеции к 1094 г. В этот же период строятся такие здания как **Campanile di San Marco**, потому что значение карнавала изначально было более строгим, восходило к католической традиции и обозначало разрешение веселья, но с памятью о близком периоде поста и воздержания. Наиболее пышные и торжественные здания возводились в Венеции после 1450-х гг. Это **Palazzo Papadopoli** (1570, резиденция семьи Соссина), **Palazzo Foscari** (1429, служил для размещения важных гостей) и многие другие.

С 1970-х гг. в Риме проводится фестиваль архитектуры. Развитие строительства достигло вершин, итальянские архитекторы и дизайнеры создали площадку для поиска новых решений и источников вдохновения. Помимо всеитальянского торжества строительства, существует множество локальных праздников. Кстати, архитектор – вторая по популярности профессия в Италии, после адвоката.

Библиографический список

1. *Cardini F.* Giorni del Sacro. Novara, 2016.
2. *Le Goff J.* Gius, 2014.
3. *Lomazzo G.P.* Trattato dell'arte, della pittura scoltura, et architettura. A instantia di Pietro Tini, 1585. URL: https://books.google.ru/books?id=mT_KUsDCOdYC&dq=architettura+e+la+festa+legamenti&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (дата обращения: 23.09.2021).
4. Medioevo. Cattedrali. Cavalieri. Citta. A cura di Eco U. Vilano, 2011.
5. *Novara F.* Dal calendario secondo. Roma. Alba, 2018.
6. *Piovene G.* Viaggio in Italia. Bompiani, 2017.
7. URL: https://www.ilpalio.org/gabrielli_arte.htm (дата обращения: 23.09.2021).
8. URL: <https://www.visitflorence.com/it/eventi-a-firenze/24-giugno-san-giovanni.html> (дата обращения: 23.09.2021).
9. URL: <https://www.archeoroma.it/siti/pantheon/> (дата обращения: 23.09.2021).
10. URL: https://books.google.ru/books?id=uwSTAgAAQBAJ&dq=architettura+festival+di+festa&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (дата обращения: 23.09.2021).

Т.В. Азарова

преподаватель итальянского языка

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва

E-mail: azarovatv@yandex.ru

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА К АРХИТЕКТУРЕ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

С.В. Гусарова

Аннотация. Представления дошкольника, полученные в процессе обучения и воспитания, создают основу познания окружающего мира: они дают ребенку возможность усваивать обобщенные знания о явлениях действительности, становятся источником детского творчества, выступают как важное средство формирования познавательного интереса детей. В свою очередь, интерес является побудителем интенсивной работы мысли, волевого усилия, положительного эмоционального настроя в познавательной деятельности ребенка. Выработка познавательного интереса является необходимым условием оптимизации обучения, средством активизации интеллектуальной деятельности, позволяющим сделать процесс обучения привлекательным. Целью работы стало изучение процесса формирования представлений об объектах архитектуры как средства развития познавательного интереса у старших дошкольников. Автором определены сущность и содержание познавательного интереса у детей старшего дошкольного возраста, изучено развитие идеи интереса в недрах педагогики и психологии, а также выявлены особенности формирования познавательного интереса к объектам архитектуры и архитектурному наследию. Разработаны содержание и средства, формирования представлений об архитектуре как средство развития познавательного интереса у детей старшего дошкольного возраста, позволяющие эффективно осуществить этот процесс на практике дошкольных образовательных учреждений: усложнить и дополнить имеющиеся программные задачи и значительно обогатить содержание образовательно-воспитательного процесса в рассматриваемом направлении.

Ключевые слова: познавательный интерес, любопытство, любознательность, активность, архитектурное наследие.

THE FORM AND SUBSTANCE OF COGNITIVE INTEREST IN ARCHITECTURE AMONG PRESCHOOL CHILDREN

S. V. Gusarova

Abstract. The ideas of a preschooler, obtained in the process of education and upbringing, constitute the basis for cognizing the surrounding world: they give the child an opportunity to assimilate generalized knowledge about objects and phenomena of reality, become a source of children's creativity and act as an important means of forming children's cognitive interest. In turn, interest stimulates intensive work of thought, volitional effort and positive emotional mood in the cognitive activity of a child. The development of cognitive interest is a necessary condition for optimizing learning, a means of boosting intellectual activity that makes the learning process attractive. This article aims to study the process of forming ideas regarding architectural objects as a means of developing cognitive interest among older preschoolers. The author hereof defines the form and substance of cognitive interest among older preschool children and studies how the idea of interest is developed in terms of pedagogics and psychology, as well as reveals the peculiarities of how the cognitive interest in architectural objects and architectural heritage is formed. The principles and methods of forming ideas regarding architecture as a means of developing cognitive interest among older preschool children have been defined, thereby enabling to effectively implement this process in preschool educational institutions, namely: to complicate and supplement existing program tasks and significantly enrich the content of the educational process in this area.

Keywords: cognitive interest, curiosity, activity, architectural heritage.

Что заставляет светиться глаза ребенка, подталкивает его вперед, пробуждает стремление разгадывать загадки, которые каждый день встают перед ним? Ответ очевиден – безгранич-

ное любопытство и интерес. Но почему же педагоги последних лет все чаще бьют тревогу и указывают на тот печальный факт, что любознательность наших детей быстро сменяется скукой, пресыщением, равнодушием? Почему устойчивый интерес все реже становится фактором развития личности? Увы! – эта проблема не нова, но не теряет своей актуальности.

Развитие познавательного интереса было и остается центром внимания многих педагогов и психологов. В концепциях различных ученых феномен интереса рассматривается как:

- избирательная направленность внимания человека (Н.Ф. Добрынин);
- активатор разнообразных чувств (Д. Фрейер);
- звено в побуждении к деятельности (И.Ф. Харламов);
- особый сплав эмоционально-волевых и интеллектуальных процессов, повышающий активность сознания и деятельности человека (Л.А. Гордон);
- активно-познавательное (Н.В. Мясищев, В.Г. Иванов) или эмоционально-познавательное (М.Г. Морозова) отношение человека к миру;
- структура, состоящая из потребностей (Ш. Бюллер);
- особое мотивированное состояние познавательного характера (Р.С. Немов);
- специфическое отношение личности к объекту, вызванное сознанием его жизненного значения и эмоциональной привлекательностью (А.Г. Ковалев).

Для С.И. Гессена интерес – это захватывающее личностное погружение в деятельность, созидание нового дня, а по определению Н. Рубакина, познавательный интерес – это личное проявление мотивов, способствующих к побуждению обращению к окружающему миру вообще и книгам в частности.

На наш взгляд, наиболее удачно синтезировала исследования ряда авторов Г.И. Щукина [10, с. 13], определив интерес как:

1. Особую избирательную направленность на явления окружающей действительности.
2. Потребность и желание человека заниматься данной деятельностью, что приносит радость и удовлетворение.
3. Мощный побудитель активности человека, под влиянием которого психические процессы протекают интенсивно, а деятельность становится увлекательной, продуктивной.
4. Особое избирательное, наполненное волевыми устремлениями отношение человека к окружающему миру.

В дошкольном возрасте, когда происходит подготовка ребенка к школе, когда основной деятельностью является познавательная, направленная на освоение знаний в различных областях науки и искусства, формирование познавательного интереса имеет особое значение. Развитие психики ребенка во время становления познавательных интересов следует рассматривать не только как повышение качества отдельных процессов, но и как образование устойчивых внутренних и внутренне-внешних структур, определяющих характеристики ситуативно-определенной активности дошкольника.

Экспериментальными данными доказано, что познавательный интерес в своем развитии выражен различными состояниями. Условно различают три стадии развития: любопытство, любознательность и познавательный интерес.

Стадия любопытства определяется нецеленаправленным и непостоянным характером. Не вникая в суть, оно удовлетворяется ярким впечатлением. Неожиданные факты, которые выбиваются из серости повседневной действительности, конечно, привлекают внимание ребенка. Но как утверждает Б.Г. Ананьев, с устранением этих внешних признаков исчезает и избирательная направленность внимания [1, с. 118]. Любопытство легко вспыхивает, но гаснет так же легко, практически не оставляя следа.

Любознательность – это другое. Н.Ф. Добрынин называл эту стадию «значимостью действия», имея в виду пробуждение любознательности деятельностью ребенка [4, с. 56]. Это активное, познавательное отношение к миру, которое характеризуется стремлением ребенка проникнуть за пределы увиденного. Сущность любознательности заключается в стремлении найти ответ на загадки, которые решает ребенок, открывая мир. Любознательность характеризуется познавательной активностью, поиском информации. Но в отличие от интереса, любознательность не всегда связана с конкретным предметом и поэтому носит более общий характер. О диффузности любознательности, которая не сосредоточена на отдельном предмете или деятельности, писала Н.Г. Морозова. Педагог указывала, что любознательный ребенок интересуется всем окружающим, но не глубоко. «Но на этапе раннего и дошкольного детства любознательность необходима и может быть достаточна для широкого ознакомления с окружающим предметным миром» [8, с. 7].

Истоки познавательного интереса заложены в нашем ближайшем окружении. Предметный мир в жизни ребенка имеет самостоятельное значение: являясь первым объектом деятельности дошкольника, он становится одним из первых объектов познания. С возрастом меняется содержание активности ребенка, его поведение становится более целенаправленным, углубляется характер дошкольника, его отношение к действительности. Так, постепенно происходит формирование познавательного интереса. Этот интерес придает мыслительной деятельности эмоциональную окрашенность и повышает ее продуктивность. Обладая огромной побудительной силой, интерес заставляет ребенка активно стремиться к познанию, искать способы и средства удовлетворения «жажды познаний» (А.К. Дусавицкий) [5, с. 22].

В процессе развития личности все этапы развития познавательного интереса проявляются в различных сочетаниях. Психолого-педагогическую основу познавательного интереса как ценного образования личности составляют интеллектуальные, эмоциональные, регулятивные и творческие процессы.

Наиболее важным фактором здесь являются интеллектуальные процессы, которые порождают состояния раздумья, размышления, рассуждения, являясь «ядром познавательного интереса». Познание невозможно без активной мысли, поэтому процессы мышления являются наиболее значимыми для развития интереса. В познавательных интересах интеллектуальные процессы не носят созерцательного характера, мысль ребенка активна, устремлена на решение познавательных задач, использование логических действий и операций.

Как особая форма отражения психического, эмоциональные процессы приносят в интерес множество ярких переживаний: чувство успеха, радости познания, гордости за свои достижения, удовлетворение деятельностью. Г.И. Щукина отмечала, что в интересе «эмоциональные процессы, переживания, не оставляют места холодной рассудочности» [10, с. 53]. Без этого нельзя представить подлинную радость познания.

Вместе с тем в процессе активного поиска мысль тесно связана с волевыми процессами. Регулятивные процессы, такие как целенаправленность, волевые устремления, устойчивое внимание – все они имеют огромное значение для развития познавательных интересов. Как указывал С.Л. Рубинштейн, «в познавательном интересе находит свое выражение мысль – воля, мысль – участие, мысль – переживание» [9, с. 61].

Творческие процессы в развитии познавательных интересов активизируют воображение, предвосхищение, озарение и создание новых образов. Под влиянием интереса активизируется вся познавательная деятельность, лежащая в основе исследования мира, ведь именно интерес движет поиском, догадкой.

Рассматривая весь учебно-воспитательный процесс как единство внутреннего и внешнего, педагог должен ставить перед собой цель пробудить у детей и мысли, и эмоции, и волю,

и творчество, чтобы столь важные для развития личности процессы протекали в органичном сцеплении и смогли составить основу развития познавательного интереса.

Таковыми учеными, как Л.И. Божович, А.Г. Ковалев, Г.И. Щукина, было выявлено, что познавательный интерес имеет несколько видов. Классификация познавательных интересов происходит по нескольким параметрам.

Параметр **устойчивости** делит познавательный интерес на три условные группы. Познавательный интерес может быть ситуативным, ограниченным отдельными яркими проявлениями в ответ на какую-то особо яркую эмоциональную ситуацию. Но такой интерес может быстро остыть и исчезнуть вместе с породившей её ситуацией. Он требует постоянного подкрепления извне, и обычно не оставляет в структуре личности особого следа.

Интерес ребенка может быть относительно устойчив и связан с определенным кругом предметов и заданий. Относительная устойчивость познавательных интересов к определенной области знаний позволяет педагогу использовать активность детей как мотив деятельности.

И, наконец, познавательный интерес может быть достаточно устойчив. Тогда внутренняя мотивация деятельности преобладает над внешними воздействиями. Устойчивый познавательный интерес очень индивидуален и формируется под влиянием множества факторов, в дошкольном возрасте он проявляется крайне редко (Вольфганг Амадей Моцарт, Надя Рушева, Ника Турбина – редкие примеры, когда возникший в раннем детстве интерес становится определяющим на всю жизнь).

По параметру локализованности Г.И. Щукина выделяла аморфный, многосторонний и стержневой познавательный интерес. Значительная часть детей дошкольного возраста имеет очень неясную, аморфную локализацию. Дети утверждают, что им «всё интересно», но на деле они не сосредотачиваются на познавательных задачах, отвлекаются от начатой работы, они редко доводят её до конца... Обычно такой интерес проявляется при внешней стимуляции, но бывает нестойким и обязательно требует побуждений извне.

Многосторонний познавательный интерес способствует познавательной активности в деятельности, он побуждает к поиску нового во всех областях предметного мира. Дети с многосторонними интересами часто задают вопросы познавательного характера, они охотно делятся своими знаниями, стремятся дополнить, а то и исправить ответы товарищей. Для них характерна открытость интереса многим областям знаний. Широта их интересов может выражаться в общей любознательности, но не всегда в глубоком подходе к познанию.

Стержневой интерес укрепляется в самостоятельной практической деятельности, носит узкий, локальный характер. Стержневые, доминирующие интересы лежат у основания склонностей, способностей человека, часто определяют будущую профессию, и поэтому представляют большую ценность для развития личности. Так профессор Перси Питовшала в своей статье «Любопытство строит: путешествие по детским впечатлениям и воспоминаниям» указывает, что строительство нового ультрасовременного офисного центра было полностью основано на его ранних детских впечатлениях об окружающей его с детства национальной архитектуре, облагороженной современными дизайнерскими решениями [12].

В комплексе данных о познавательном интересе важным является параметр осознанности. Осознание мотива всегда сопряжено с влиянием на деятельность. Неосознанный мотив тоже действует, но подспудно.

Этот перечень определения категорий интереса далеко неполон, но в нем прослеживается общее во всех трактовках: связь интереса с психическими процессами. Разработка научного статуса проблемы интереса в педагогике нам видится в рассмотрении ее в более широком контексте в качестве показателя развития интеллектуально-творческой личности. Из нашего исследования видно, что в концептуальном аппарате педагогической психологии интерес принадлежит к разряду центральных понятий. Конкретное содержание и специфика

его должны быть поняты в контексте современных психологических представлений о механизмах управления психическим развитием субъекта в процессе обучения и воспитания.

Наше исследование касается только части общей проблемы формирования познавательного интереса, а именно формирования познавательного интереса к архитектуре. Важно помнить, что различные виды изобразительного искусства (архитектура, графика, живопись, скульптура и другие) обладают огромным педагогическим потенциалом формирования у дошкольников эстетического восприятия, чувства, вкуса, ценностно-смыслового отношения, накопления представлений о культуре и истории, развития творческих способностей и познавательных интересов. Как пластический вид искусства архитектура наглядно воплощает гуманистические идеалы и доступна для непосредственного восприятия старших дошкольников.

Предметом познавательного интереса является самое значительное свойство человека: познавать окружающий мир не только с целью биологической или социальной ориентации, но и в самом существенном отношении человека к миру – в стремлении проникать в его многообразие, отражать в сознании сущностные процессы, причинно-следственные связи, закономерности, противоречия. Этому же способствуют продуктивные свойства интереса: его социальная обусловленность, предметная направленность, осознанность, полифункциональность, динамичность и личностная направленность. Все это может быть направлено к узкой области познания, в нашем случае к объектам архитектурного наследия [3, с. 34].

Целенаправленное развитие интереса старших дошкольников к архитектуре открывает уникальные возможности для первоначальной ориентировки в мире культурных ценностей, формирования обобщенного представления о своеобразии облика родного города, становления познавательно-эстетической направленности детской личности, что определяет актуальность исследования проблемы для теории и практики современного дошкольного образования.

Архитектура и общество, выступая как одна из основ человеческого бытия, испытывают на себе его воздействия, поэтому взаимоотношения человека с различными объектами архитектурного наследия являются показателем уровня культуры, цивилизации и духовности не только конкретного индивида, но всего общества. Природа архитектуры такова, что она неразрывно связана со знанием и пониманием того, что происходит в мире, прежде всего, с научным знанием и пониманием действительности. Архитектура представляет собой органическое единство двух сторон. Прежде всего, она – объективизация функций человеческой жизнедеятельности, а затем она – воплощение той или иной объективной формы человеческих знаний об окружающем мире. Социальная по своей природе, по своему происхождению, функционированию и развитию архитектура неизменно оказывает воздействие на общество и человека. Продукт общества, порождение материального производства, она неизбежно становится средством, материальной основой социального прогресса, совершенствования общественных отношений. Поэтому воздействие объектов архитектуры на общество определяется спецификой общественных отношений.

Наше исследование познавательных интересов детей к объектам современной архитектуры и архитектурного наследия ведется в русле изучения активности личности дошкольника. Сегодня познавательный интерес рассматривается в русле познавательной деятельности и определяется как состояние готовности ребенка к познанию. Заметим: мы рассматриваем ребенка как субъект, который решает самостоятельно, в меру своих сил, разные задачи по уравниванию своей внутренней среды, расширению взаимодействия с ближайшей и предельно широкой действительностью.

В своем развитии познавательный интерес к объектам современной архитектуры и архитектурного наследия взаимодействует с такими личностными свойствами, как активность, самостоятельность, инициативность. Формирование познавательных интересов и активности, самостоятельности личности – процессы взаимообусловленные. Познавательный интерес

порождает активность, что в свою очередь укрепляет и углубляет познавательный интерес. Свойство активности как черты личности складывается в деятельности различного плана (игровой, познавательной, трудовой). Познавательная активность, обретая черты интеллектуального и эмоционального отклика на решение различных задач ознакомления детей с архитектурой, создает у ребенка эмоционально-положительное отношение к родному городу и его архитектурным ансамблям, проявляется в стремлении к их познанию и творческому отражению в разнообразных видах художественно-практической деятельности. Возможность увидеть свой город с новой художественной точки зрения пробуждает желание более чутко присматриваться к тому, что происходит вокруг, искать занимательные вопросы в обыденной жизни. Сравнение образов разных городов побуждает к поиску отличий и формирования вкусов, восприятия и предпочтений. Какие-то архитектурные элементы становятся предельно понятными и легко повторяющимися в повседневности. Другие элементы начнут вызывать восторг и стимулировать к поиску причины их нетривиальности в своем восприятии.

Чтобы познавательный интерес к объектам архитектуры нашел место в образовательном процессе, необходимо обозначить его стержневое свойство – способность интереса воздействовать на интегративные качества личности (на мировоззрение, отношение к труду, на свободу деятельности).

В развитии познавательного интереса у детей имеет место значительный индекс различия, который проявляется в объеме интереса, его углубленности, активности и действенности. Выделяют три уровня развития интереса:

1. Элементарным уровнем познавательного интереса к объектам современной архитектуры и архитектурного наследия можно считать открытый, непосредственный интерес к новым фактам, к неожиданным, занимательным явлениям. Н.Г. Морозова отмечала, что здесь интерес выступает как эпизодическое, эмоционально-познавательное переживание, непосредственно мотивированное отношение к предмету. Здесь интерес к архитектуре характеризуется преимущественно эмоционально-нейтральным отношением к родному городу и его архитектуре, переходом от отсутствия интереса к любопытству. Охотно рассматривая картинки с архитектурными достопримечательностями родного края, дошкольники не могли конкретизировать объекты своего интереса, затруднились сформулировать вопросы о городе и его архитектуре, на которые они хотели бы получить ответ.
2. На втором уровне переживание обобщается, становится эмоционально-познавательным, интерес к архитектурным объектам закрепляется, приобретает относительную устойчивость. Этот уровень требует поиска, догадки, активного оперирования имеющимися знаниями. Г.И. Шукина называет этот уровень стадией описательства, где фиксация внешних признаков и существенных свойств изучаемого находятся в равных началах. Появляется интерес к познанию существенных свойств архитектурных памятников. Дети, имеют конкретные представления о городе, проявляют эмоционально-познавательное отношение к отдельным его достопримечательностям. В высказываниях об архитектурных достопримечательностях дети оперировали точными названиями некоторых архитектурных ансамблей, отмечали отдельные факты, связанные с историей их возникновения и происхождения названий [2, с. 9].
3. Третий уровень – интерес становится направленностью личности. Стойкий личностный интерес – это эмоционально-познавательная, непосредственно мотивированная направленность всей личности на определенную область знания или деятельности. Появляется интерес к причинно-следственным связям, к выявлению закономерностей, к установлению общих принципов явлений.

Таким образом, формирование познавательного интереса к объектам архитектуры идет от заинтересованности, которую мы понимаем как положительное эмоциональное отношение

дошкольника к объектам современной архитектуры и архитектурного наследия, к подлинному познавательному интересу к ним:

1. Этот интерес характеризуется постановкой вопросов познавательного характера, в которых отражается стремление ребенка к познанию архитектуры родного города. В вопросах познавательного характера проявляется пытливость мысли ребенка, его любознательность. «Возникновение вопроса, – писал С.Л. Рубинштейн, – есть верный признак зарождающейся работы мысли и зарождающегося понимания». Для старшего дошкольника характерна активная умственная переработка впечатлений. Дошкольники способны устанавливать элементарные связи между функционально-декоративными элементами и назначением архитектурных сооружений. Формулируя вопросы о городе, дети активно интересуются событийной стороной некоторых архитектурных сооружений – происхождением их названий, процессом создания, знаменитыми личностями. Вопросы детей этого возраста направлены на установление связей, отношений между явлениями и предметами действительности, на систематизацию своих представлений, на нахождение в них аналогии, общего и различного.
2. Познавательная деятельность детей отличается яркой эмоциональной окрашенностью, которая выражается в чувстве радости при получении ответа на поставленный вопрос, а творческие замыслы детей, связанные с предпочитаемыми городскими объектами, отличаются разнообразием.
3. Ребенок стремится делать выводы по поводу архитектурного окружения, радостно переживает свои «открытия», что проявляется в его поведении и речи.
4. Рисунки детей с архитектурными достопримечательностями недостаточно реалистичны, но важно, что ребенок проявляет желание и дальше заниматься заинтересовавшим его видом деятельности, накапливает багаж знаний.

На основе исследований С.Ю. Евстифеевской [6, с. 13], мы определили педагогические условия формирования у старших дошкольников познавательного интереса к объектам архитектуры:

1. Организация разнообразной деятельности детей по ознакомлению с объектами современной архитектуры и архитектурного наследия (продуктивной, игровой, обучения, общения). Немаловажное значение здесь имеет хорошо оборудованная, насыщенная предметно-пространственная среда, соответствующая возрастным и индивидуальным особенностям воспитанников, которая стимулирует самостоятельную художественно-эстетическую деятельность ребенка, создает условия для активизации хода саморазвития. В связи с этим С.Ю. Евстифеевская рекомендует оформить уголок юного архитектора по видам архитектуры: сказочная, общественно-гражданская, деревянное зодчество, парковая и памятники мировой архитектуры (например, ажурная Эйфелева башня, Триумфальная арка, репродукция Версальского дворца и Петергофа и др.). В группе должны быть представлены разнообразные конструкторы, трафареты, паззлы, линейки, лекала и циркуль (козья ножка), которые способствуют развитию творчества. В книжном уголке в наличии художественная литература по данной теме. Подобраны дидактические игры, пособия, материалы для знакомства с архитектурой.
2. Расширение и углубление знаний ребенка об объектах современной архитектуры и архитектурного наследия. Необходимо включить в содержание программы сведения, раскрывающих культурно-историческое своеобразие архитектуры родного города. Это сведения о природных особенностях, в которых создавался город, о выдающихся личностях, внесших особый вклад в его развитие, об исторических событиях и традициях, культурных и официальных символах, связанных с архитектурными ансамблями.

3. Успешное овладение детьми общими и специальными навыками умственной деятельности. По мере овладения детьми теми или иными умственными действиями, на уровне их словесного выражения, интерес с материализованных действий переключается на сами знания.
4. Включение детей в активный поиск знаний. Самостоятельный поиск ответа на поставленный вопрос приводит к активизации умственной деятельности. Для этого необходимо всестороннее обогащение личностного опыта детей: поддержание и стимулирование эмоционально-познавательного отношения к городу, формирование отчетливых и дифференцированных представлений о наиболее важных архитектурных ансамблях, развитие умений всматриваться и вдумываться в их художественные особенности и отражать впечатления в творческой деятельности.

Работа по ознакомлению детей старшего дошкольного возраста с архитектурой на данном этапе осуществлялась при соблюдении условий:

- поэтапное формирование у детей начальных знаний об архитектуре как об особом виде искусства;
- взаимосвязь восприятия искусства и продуктивного детского творчества;
- предоставление детям возможности использовать полученные знания в различных видах художественно-творческой деятельности;
- использование разнообразных форм ознакомления с архитектурой.

Проведенный анализ позволяет нам сделать вывод: развитие интереса у детей дошкольного возраста – это многосторонний, целенаправленный педагогический процесс. Интересы ребенка, как и другие качества личности, не являются врожденными. Развитие интересов дошкольника идет по цепочке «любопытство – любознательность – познавательный интерес» и реализуется в процессе воспитания и обучения. Сущность познавательного интереса детей дошкольного возраста заключается в переходе от процесса наблюдения (любопытства, ситуативного интереса) к деятельности (любопытности, познанию). И этот переход закономерно связан целостной и саморегулирующейся личностью, гармоничное развитие которой идет в тесной связи с эмоциональной, регулятивной, инструктирующей поддержкой взрослого. Содержание познавательных интересов детей основывается на явлениях окружающей жизни, обуславливается потребностями развивающейся личности. Познавательный интерес выступает как чувство, воля, влечение, побуждение, мотив, как отношение к окружающей действительности, как направленность личности, и, наконец, как интеллектуальный процесс. Только в аспекте всех составляющих этого понятия возможно подлинное, всестороннее развитие познавательного интереса как неперемного условия развития личности ребенка, закладывания базы для развития будущих навыков, наблюдательности и, непременно, фантазии. Особенно красочные впечатления, отпечатавшись в памяти, часто остаются с человеком на всю жизнь. Понимание конструкций, форм и их сочетания со временем могут пройти этап рефлексирования и обрести пониманием практичности каждого наблюдаемого в детстве архитектурного стиля. Это приводит к еще одному выводу, что подобное созерцание и осознание различия форм монументальных и тонко выделанных зданий и помещений позволяет дошкольнику осознать глубину объектов, перспективу, различность текстур, эмоциональный окрас после каждого осмотра – индивидуально это может заложить зерно к самопознанию личности, как несуществующего объекта который может нравиться всем, каждый может видеть в них что-то свое. В своем роде к этому познанию можно применить философский термин «квалиа» – чувственный опыт – понимание и ощущение вещей для каждого по-разному, ограничиваясь

лишь нашими способностями и, собственно, ранним любопытством по присвоению этому своего понятия, спектра эмоций. Развитие и закладывание подобного гармоничного рычага обязательно найдется в применении будущей личности даже в обход школьных и университетских дисциплин.

Библиографический список

1. *Ананьев Б.Г.* Избранные психологические труды: в 2 т. М., 1980.
2. *Борчанинова К.В.* Развитие интереса старших дошкольников к архитектуре Санкт-Петербурга в условиях дошкольного образовательного учреждения: автореф. дис. ... к.п.н. СПб., 2009.
3. *Гусарова С.В.* Формирование представлений о технике как средство развития познавательного интереса у детей старшего дошкольного возраста: дисс. ... канд. пед. наук: М., 2000.
4. *Добрынин Н.Ф.* О новых исследованиях внимания // Вопросы психологии. 2003. № 3.
5. *Дусавицкий А.К.* Формула интереса. М., 2005.
6. *Евстифеев С.Ю.* Архитектурное искусство как средство формирования эстетического отношения к окружающему миру. Тамбов, 2018.
7. *Ковалев А.Г.* Личность воспитывает себя. М., 1983.
8. *Морозова Н.Г.* Учителю о познавательном интересе. М., 2009.
9. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М., 1997.
10. *Щукина Г.И.* Проблема познавательного интереса в педагогике. М., 2019.
11. *Purdy J.* Curiosity may be the most important skill for a child to learn. URL: <https://www.jackrabbitcare.com/blog/curiosity-may-important-skill-child-learn/> (дата обращения: 23.10.2021).
12. *Pithawala P., Rastogi P., Bansal A., Shah N., Parikh P., Siddharth J., Thakkar P.* Curiosity Constructs: a journey through childhood experiences & memories. URL: <https://www.archidiaries.com/curiosity-constructs-a-journey-through-childhood-experiences-memories/> (дата обращения: 23.10.2021).

С.В. Гусарова

кандидат педагогических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА, Калужский филиал

E-mail: Gusarova34141@gmail.com

УДК 82.09

doi:10.52210/2224669X_2021_4_36

ОБРАЗ ХРАМА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

А.Е. Чернова

Аннотация. Образ храма в творчестве поэтов второй половины XX в. – Сергея Есенина, Николая Рубцова, Глеба Горбовского и Юрия Кузнецова – рассматривается в контексте русской литературной традиции, выявляются новые историко-изобразительные тенденции, а также устойчивые элементы художественного мира.

Ключевые слова: Художественный образ, лирический герой, русская поэзия, литературно-фольклорная традиция

THE IMAGE OF A CHURCH IN RUSSIAN POETRY OF THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

A.E. Chernova

Abstract. The image of a church in the works of the poets of the second half of the twentieth century (Sergei Yesenin, Nikolai Rubtsov, Gleb Gorbovsky and Yuri Kuznetsov) is considered in the context of the Russian literary tradition, new historical and graphic trends, as well as stable elements of the artistic world are revealed.

Keywords: Artistic image, lyric hero, Russian poetry, literary and folklore tradition.

В литературной традиции XIX в. церковь нередко появлялась как характерная деталь сельского или городского пейзажа, приближалась к значению описательного элемента. Реже она становилась местом действия. По мнению К.В. Пигарева, «чисто декоративное значение имеет образ сельской церкви в грандиозном панорамном пейзаже, открывающем первую главу второго тома «Мертвых душ» Николая Гоголя» [7, с. 44].

С таким высказыванием трудно согласиться. В классических произведениях, тем более в «Мертвых душах» Гоголя, храм не может быть «чисто декоративным» элементом описания, поскольку имеет религиозное содержание, наделяющее художественную ситуацию определенной окраской. Даже в том случае, если автор не акцентирует внимание на особом значении храма, наличие этого образа создает настроение, связанное с чувством древности и ощущением неземного характера всего происходящего.

Напомним, что храм является символом «святости в любом мыслимом смысле, а также возвышенного стремления к созданию некоей духовной сферы среди повседневности» [1,

с. 287]. При этом в литературной традиции XIX в. храм действительно, чаще всего, является органичной частью пейзажа. Эта постоянная, статичная, деталь одухотворяет природу и вообще всю окружающую действительность.

Подобное восприятие, художественное истолкование образа – не случайно.

Православный храм, по верному наблюдению С.С. Галиева, «существует не сам по себе – он основа космоса вообще, потому чаще связывается с природой, чем с городом» [2]. Именно поэтому в Европе, как правило, храм строился в крупных населенных пунктах, а на Руси, наоборот, в глуши, далеко от мест сосредоточения людей. Лишь потом, спустя некоторое время, вокруг храмов выросли города и села. Нередко церкви возводились просто для украшения местности. Так, например, Андрей Боголюбский построил среди заливных лугов белокаменный храм Покрова на Нерли. «Храм на Руси воспринимался как некая мистическая основа мироздания, как органическая часть русской земли, без которой она невозможна. Православный храм самодостаточен, он не нуждается в людях, наоборот – люди нуждаются в нём» [2].

Традиция изображения храма как статичной детали пейзажа продолжается в творчестве поэтов XX в. Например, в стихотворении Сергея Есенина «За горами, за желтыми долами»:

Там с утра над церковными главами
Голубеет небесный песок,
И звенит придорожными травами
От озер водяной ветерок [4, с. 6].

Или в стихотворении «Запели тесаные дроги»:

Запели тесаные дроги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни на дороге
И поминальные кресты... [4, с. 52]

Еще пример из стихотворения «Сторона ль моя, сторонка»:

Чахнет старая церквушка,
В облака закинув крест.
И забольная кукушка
Не летит с печальных мест [4, с.39].

В последнем четверостишии уменьшительный вариант слова «церковь» – «церквушка» – создает образ небольшого, даже крохотного, сакрального сооружения, которое, однако, своим крестом касается ни много, ни мало – облаков. Казалось бы, «старой церквушке» логичнее, покосившись, склоняться к земле. Однако подобная «противоречивость» образа не случайна, ведь «православные храмы рассчитаны именно на вертикаль, а не на горизонталь, как католические базилики» [2].

Храм изображается в известных стихотворениях Николая Рубцова «Душа хранит» и «Ферапонтово». Более кратко упоминается в стихотворении «Стоит жара».

В стихотворении «Выпал снег» образ храма дополняет праздничность снегопада исторической глубиной:

Снег летит на храм Софии,
На детей, а их не счесть.
Снег летит по всей России,
Словно радостная весть [8, с. 41].

Храм – постоянный признак не только большой, но и малой родины:

Тележный скрип, грузовики,
Река, цветы и запах скотский,
Еще бы церковь у реки, –
И было б все по-вологодски [8, с. 475].

Подчеркнем, образ храма в этих стихотворениях, хотя и не раскрывается особым образом, а лишь кратко упоминается, все равно содержит религиозно-национальный смысл.

Одновременно в XIX в. существовала и литературно-фольклорная традиция Н. Некрасова: «Можно сказать, что после Некрасова образ скромного сельского – и вообще провинциального – храма, воплощенный в лучших произведениях русской пейзажной живописи вплоть до картин Левитана, стал неотделим от ассоциаций с народной печалью, народными стонами, тяжелее которых «не слышали // ни римский Петр, ни Колизей» [7].

Храм воздыханья, храм печали –
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слышали
Ни римский Петр, ни Колизей! [6, с. 51] –

читаем в стихотворении Некрасова «Тишина».

«Убогому» храму здесь соответствует и «скудный алтарь»:

Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарем! [6, с. 51]

И это сказано не о разрушенном – о действующем храме, в алтаре которого хранятся святыни, а в основании престола – мощи святых! Самое милое для очей русского православного человека и самое дорогое для его сердца – храм – является убогим и скудным в восприятии поэта XIX в.

В поэзии XX в. образу сельского или городского храма возвращается сакральное значение святого места, которое вбирает духовный вектор чуда и старины. Обобщенный образ церкви образует бытийный фрагмент национального пейзажа.

Одновременно необходимо учитывать еще одну постоянную особенность этого образа, константу, что сформировалась и получила развитие в лирике XX в. и заметно отличается от предшествующей литературно-фольклорной традиции. Именно в литературе XX в. появляется образ разрушенного, оставленного храма. И наиболее ярко этот образ проявился в поэзии Юрия Кузнецова.

Храм в поэзии Юрия Кузнецова, чаще всего, разрушенный, оставленный, пустой и расхристаный, что отражает суть времени. Сравним несколько строк из разных стихотворений.

«Храм забытого бога» («Имя»), «Поля покрыл железный хлам, / и заросла дорога в храм, / Ржа разъедает сердце родины» («Не дом – машина для жилья»), «Камень веры разбился в песок, и на нем / Не воздвигнешь ты нового храма» («Свеча»).

Мы обвенчались в расхристанном храме,
Лучше нигде не нашли... («Ковер-самолет») [5]

Подобные образы разрушенного храма прослеживаются и в стихотворении Рубцова «Вологодский пейзаж»:

Живу вблизи пустого храма,
На крутизне береговой... [8, с. 253]

В стихотворении «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...»:

И храм старины, удивительный, белоколонный,
Пропал, как виденье, меж этих померкших полей, –
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!.. [8, с. 96]

В стихотворении «Тихая моя Родина...»:

Купол церковной обители
Яркой травой зарос [8, с. 6.]

Из примеров видно, как разными приемами передается одна и та же ситуация пустоты и заброшенности святого места, так называемая «мерзость запустения».

Такие ощущения рождает и стихотворение Ю. Кузнецова «Вина»: в забытом храме «пустокнели скорбящие лики», а «через купол ползучие травы, / Словно слезы бегут по стенам». Лирического героя охватывает сожаление и глубокое раскаяние:

...Мы забыли о самом высоком
После стольких утрат и измен.
Мы забыли, что полон угрозы
Этот мир, как заброшенный храм.
И текут наши детские слёзы,
И взбегает трава по ногам.
Да! Текут наши чистые слёзы.
Глухо вторит заброшенный храм.
И взбегают ползучие лозы,
Словно пламя, по нашим ногам [5].

Чрезвычайно показательно, что заброшенный храм – не молчит отстраненно и безжизненно, но именно вторит слезам: подобную согласованность, слияние внешнего и внутреннего состояния можно считать залогом возможности воскрешения и духовного обновления действительности.

Драматизм исторической ситуации усугубляется тем, что разрушительное вторжение осуществлено не в обыденное, но в сакральное пространство вечности. Следовательно, колеблются бытийные основания святой Руси.

Образы оскверненного храма и Русской земли сближены в русской поэзии, из их таинственной взаимосвязи рождается направление дальнейшего развития истории, духовный вектор, который выражается не столько внешними признаками разрушения, сколько внутренним состоянием, чувством лирического героя – будь то вина или безразличие. Однако, безразличие, как правило, ему чуждо. Лирический герой соперживает, ищет пути обновления души и действительности. Как, например, в стихотворении Глеба Горбовского. Особая смысловая нагрузка ложится на две последние строки.

Снаружи – храм. Хотя и без креста.
Внутри, как в черепе, зияет пустота.
Но как же пустота сия грязна:
обрезки мишуры, стекло из-под вина...
Не красный клуб здесь был и не вертеп:
всего лишь – цех, производящий ширпотреб.
На фресках – доски. Острия гвоздей
уходят в роспись, как в тела живых людей.

О, городок, в своём ли ты уме?!
На окнах – ржавые решётки, как в тюрьме.
Но стёкол нет. Гуляет ветерок.
И сердце просится из склепа – за порог.
Не запустенье ощутила грудь,
но отвращенье! Как сюда вернуть
любовь и святость? Как избыть позор?
Чтоб просиял народа мутный взор!..
...Снаружи – храм. Хотя и без креста.
Внутри – Россия. В ожидании Христа [3, с. 340].

Россия находится внутри разрушенного храма, который остается таковым даже и без креста. Если лирический герой Кузнецова плачет, увидев запустение, то герой Горбовского испытывает отвращение. Это отвращение не к самой святине а, скорее, к тому духовному и душевному состоянию, что привели к разрушительным действиям.

В стихотворениях других поэтов, например, Рубцова, храм нельзя уничтожить окончательно, он именно пропадает как видение, скрывается за дымкой лет. В поэзии Кузнецова разгромленный храм даже на том свете может остаться разрушенным. Но связано это не с утратой святым местом своего сакрального свойства, которое выражается в нетленности, а с особенностями авторского мировосприятия в этом («После смерти идут безопасным путем») конкретном стихотворении:

Все, что проклято, продано, пропито здесь,
Повторяется там:
И провалы земли, и прорехи небес,
И разгромленный храм... [5]

Нередко на месте разрушенного храма даже возникает «храм свиней» (одноименное стихотворение Кузнецова), либо приходят вольные каменщики и с радостью затевают на «развалинах духа» строительство нового храма.

«Что ни город, то сброд и содом»:

Хорошо, что повсюду обман
И для ближнего вырыта яма.
Этот гибельный мир – котлован
Для строительства нового храма.

Или в стихотворении «Свеча»:

Хор церковный на сцене стоит, как фантом,
И акафист поет среди срама.
Камень веры разбился в песок, и на нем
Не воздвигнешь ты нового храма [5].

Храм в стихотворениях Юрия Кузнецова является не столько сооружением сакрального характера, связанным с образом Родины, большой или малой, как, например, у Есенина, Рубцова, Горбовского, но скорее символом возвышенного стремления «к созданию некоей духовной сферы среди повседневности» [1, с. 287], и потому его разрушение связано, прежде всего, с разрушением духовной области, обнищаем духа.

«Храм теперь мыслится не как часть ландшафта, а как основа определённого миропорядка, разрушения которой приводит к ужасным последствиям» [2]. Отсюда особая философичность стихотворений Кузнецова. Например, стихотворение «Стук над обрывом»:

Рухнул храм... Перед гордым неверьем
Устояла стена. А на ней
Нарисованы суриком двери
С приглашеньем: «Стучите сильнее!» [5]

В русской поэзии XX в. образ храма исполнен светом и чистотой. Например, в стихотворении Рубцова «Во время грозы» бурному движению туч, натиску шума и темноты противостоит тихая неподвижность церкви, что также является знаком священности места:

И туча шла гора горой!
Кричал пастух, металось стадо,
И только церковь под грозой
Молчала набожно и свято [8, с. 385].

В поэзии Кузнецова храм также может воскреснуть и преобразиться («Воскресение»):

Грянул колокол в ночь воскресенья
После многих смертельных ночей.
Я стоял, ожидая спасенья,
В белой роще зажженных свечей.

Храм сиял среди праха и тлена,
Где моя пропадала душа... [5]

Или в стихотворении «Рука Москвы»:

Теперь во тьме духовной рвани
И расщепленного ядра
Дыра свистит в твоём кармане
И в кулаке свистит дыра.

Врагам надежд твоих неймется.
Но свет пойдет по всем мирам,
Когда кулак твой разожмется,
А на ладони – Божий храм [5].

Храм в лирике Кузнецова связан с образом света и противостоит внешней «тьме духовной рвани». Обратим внимание и на особую динамичность образа, который перестает быть статичной частью пейзажа (как, например, у Рубцова), и начинает действовать, становясь частью человеческих эмоций и взаимоотношений. Юрий Шевчук в стихотворении «Храм» изобразил разрушение святыни большевиками. Само действие, будто сошло со страниц Апокалипсиса:

А вороны заморскими кенгуру
Пляшут на раскидистых лапах крестов,
А кресты золочёными девами
Кряхтят под топорами молодцов.

Образы царских врат, икон, золотых крестов становятся символами погибающей русской культуры:

На сыром, на хмельном, на холодном ветру
Царь стоит белокаменный,
А вокруг чёрными воронами
Старухи свет дырявят поклонами.

<...>

Царские врата пасть раззявили,
Зубы выбиты, аж кишки видны.
Иконы комьями кровавыми
Благословляют проклятья войны [9].

Подчеркнем, образ храма дан в процессе, все словно объято буйством разрушения, перед нами разворачиваются своеобразные «пляски смерти». Ничего подобного не встречалось в литературной традиции XIX в.

В стихотворении Ю. Кузнецова «Преображенный храм» динамичность образа прослеживается в процессе преобразования:

За синим лесом, за горами
Смех раздаётся молодой.
Свеча смеётся в старом храме.
Она зажглась сама собой.

Она сияет в людном храме
И поднимает над толпой,
Подобно солнцу над горами,
Воздушный купол золотой.
Она от радости смеётся,
Она от счастья весела.
И в каждом сердце отдается,
Как звон во все колокола.
И все великие святые
Не верят собственным ушам.
И улыбаются впервые,
Преображая старый храм [5].

В литературе XX в. появляется новый, ранее неизвестный образ разрушенного, оставленного храма, а в самом начале XXI в. он обновляется и преобразуется. Причем подобное развитие образа прослеживается не только на примере творчества разных писателей, но и внутри художественного мира одного поэта. Так случилось в творчестве Юрия Кузнецова. Обретая динамичность, образ храма перестает быть статичной деталью пейзажа.

Если у Есенина, Рубцова, Горбовского храм – опора родной земли, то в творчестве Кузнецова значение храма расширяется, он держит собой весь мир, являясь его духовным основанием. Это явление космического, вселенского порядка. По Кузнецову, свет от храма «пойдет по всем мирам», и именно он будет противостоять «тьме духовной рвани».

Библиографический список

1. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996.
2. Галиев С.С. Образ храма в русской литературе рубежа XX–XXI столетий // Андреевские чтения. Литература XX века: итоги и перспективы изучения. М., 2009.
3. Горбовский Г.Я. Окаянная головушка. СПб., 2000.
4. Есенин С.А. Стихотворения и поэмы. М., 1981.
5. Кузнецов Ю.П. Стихотворения и поэмы. Т. 1–5. М., 2011–2013.
6. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л., 1982. Т. 4.
7. Пигарев К.В. Русская литература и изобразительное искусство. Очерки о русском национальном пейзаже середины XIX века. М., 1972.

8. *Рубцов Н.М.* Сочинения: Прижизненные издания. Избранное. М., 2006.
9. *Шевчук Ю.* Храм. URL: <http://ras.pl.ua/songs/?page=viewsong&id=1152> (дата обращения: 11.10.2021).

А.Е. Чернова

*кандидат филологических наук
доцент кафедры культурного наследия
Московский государственный институт культуры
доцент кафедры филологии
Перервинская духовная семинария, г. Москва*

БЕЛОЕ СИЯНИЕ ЛИРИКИ АЛЕКСЕЯ ПОЛУБОТЫ

О.В. Блюмина

Аннотация. В статье анализируется цветовая картина мира в лирике Алексея Полуботы. Для цветовой палитры творчества поэта характерно преобладание светлых, солнечных оттенков.

Ключевые слова: цветовая картина мира, эталонный цвет, культурные коннотации, колоратив.

WHITE GLOW OF THE LYRICS OF ALEXEI POLUBOTA

O.V. Blyumina

Abstract. This article analyzes the color picture of the world in the lyrics by Alexei Polubota. The color palette of the poet's creativity is characterized by the predominance of light, sunny shades.

Keywords: color picture of the world, reference color, culture-bound connotations, colorative.

Василий Казанцев, поэт, чьё имя, безусловно, перешагнуло порог времени, в своём отзыве на книгу Алексея Полуботы «Вечность» написал: «В ней много тонко прописанных сияющих пейзажей <...> Но не живопись сама по себе – главное достоинство лирики Алексея Полуботы. Не сочетание линий и красок <...>. В лирике поэта природа – олицетворение самого смысла жизни» [1].

Стихи Алексея Полуботы не просто живописны, они источают свет: белый, золотистый, снежный. На особенности цветописи Алексея следует смотреть как на принцип «осуществления поэтического бытия» [6, с. 243]. Именно потому, что у него «природа – олицетворение самого смысла жизни» [1], автор не делит «поэтический мир, который он несёт в себе, и мир окружающий» [3, с. 7].

Да, природа, окружающая нас, многолика. И каждому её состоянию мы пытаемся найти отклик в искусстве, в том числе в цветовой картине художественного мира.

Безусловно, цветовое чувство, степень его участия во вращивании поэтического бытия у разных творцов различны. В палитре Алексея Полуботы значимость **сияющих** цветов такова, что они становятся **эталонными**. Относительно них выстраиваются сочетания и оттенки всех прочих цветов. А поскольку художественный мир – это система, то у Алексея Полуботы светлый тон – один из её основополагающих механизмов. Отражённый и действительный миры переживают своё существование с помощью светлых красок.

Цветовая картина любого мира не может быть создана без противопоставления светлых и тёмных цветов, без приёма контраста. И всё-таки избегание прямого наименования черного цвета – один из узловых способов, организующих форму поэтического бытия в стихах Алексея. Характерное в этом отношении стихотворение «Родителям»:

*На ослепительном снегу
Ни пятнышка, ни тени.
Спят облака, как на бегу
Застывшие олени.*

Знакомый с детства *снежный* край!
Край замерших *просторов*,
Где в тишине собачий лай
Мерещится озёрам.

Где *редкий куст увяз в снегу*,
Валун – старик *угрюмый*,
При *ярком свете* и *в пургу* –
Свои лелеет думы.

Эпитет **ослепительный** и ключевой образ **снег** определяют всю концепцию стихотворения. Не просто белый, чистый, сияющий, но **ослепительный** снег в самой первой строке, компоненты значения которого вбирают в себя всевозможные впечатления яркости, белизны, не случаен. Высвечиваемое понятие чистоты, слепящей, то есть затмевающей собой всё прочее в пространстве, понимается как изначальное благодаря усилению синонимией **ни пятнышка, ни тени**. В воображении художника эта немислимая белизна может быть омрачена не более, чем пятнышком, а не чем-то чёрным, большим – более мерклые тона, чем пятнышко и тень, даже представить невозможно. Здесь они, повторюсь, выступают как синонимы (в прямом и фигуральном смысле). Пятнышко в прозаическом сознании имеет значение «грязь», то есть переносно: что-то нечистое, что может «запятнать», бросить **тень**. Значит, с самого начала цветовое взаимодействие носит ценностный характер.

Спят облака, как на бегу уснувшие олени – слово **облака**, соотносясь с первой строкой, проявляет здесь, конечно, значение **белого цвета** (ослепительный **снег**). Нетронутость пейзажа так первозданна, что человек там казался бы чем-то несуществующим, если бы не начало второго катрена, где субъект лирики заменён воспоминанием о впечатлениях детства: *Знакомый с детства снежный край! / Край замерших просторов. Снег, соединяющий край и простор*, переводит аксиологию цвета в аксиологию пространства. Детство – край чистых помыслов, устремлений без примеси лукавства: перед нами предстаёт взрослый человек с чистыми глазами ребёнка, когда-то давно впитавшими эту красоту невинности. Таким образом воссоздаётся древнее понятие о красоте, которое само собой, естественно включало в себя понятия добра, блага. Метафора *замерших просторов* отображает впечатление неподвижной бескрайности: из-за ослепительной, девственной белизны не видно конца снежным просторам, и не видно им перемены, как когда едешь в санях, а пейзаж не меняется, и кажется, что стоишь. Протяжённость пространства продолжена тишиной, и *собачий лай* почти мистической призрачностью своего существования подчёркивает безмерность этой тишины (ибо поглощается ею так быстро и неотвратимо, что достоверно сказать, лаяли собаки или нет, нельзя. Интересно, что лай мерещится озёрам, а не лирическому герою).

Безусловно, в значение **белого цвета** входит значение **тишины** в качестве структурного принципа художественного мира. Внешние проявления красоты сменяются ощущением покоя, человек впускает в себя тишину. Тишина внешняя переселяется внутрь человека. И теперь там, внутри, она длится и растёт.

Где редкий куст увяз в снегу – редкий куст в снегу коррелирует с **ни пятнышка, ни тени** в первом катрене – единичностью в безбрежной белой бесконечности. Завершающие же строки получают новое, усложнённое звучание. Множественность символики в конце стихотворения возникает из взаимодействия образов белых просторов, покрывающих любую **единичность**, и образов **одиноких** «персонажей» *куста* и *валуна*, воплощающих мужественное одиночество не сдающегося человека. Именно *валун, старик угрюмый* окончательно подводит нас к такому пониманию. И его угрюмость, и его обособленность, и противопоставленность *яркого света* и *пурги*, приоткрывают ещё одну объективацию образа «**снег**»,

но уже с другой коннотацией. Пурга – это тоже снег, но не стелющийся простором, а, напротив, скрывающий простор за пеленой, ограничивающий. Жизнь природы – непроницаема и непостижима, как непостижимо, какую думу лелеет заснеженный каменный старик.

Разноликая тишина – неизменная спутница светлого снега в мире Алексея Полуботы. Зачастую она **звонкая**:

Золотом залитый небосвод.
Белой *сказкой* замерли *берёзы*.
Никого, но кажется – вот-вот
Повстречаю дедушку-*Мороза*.
Он *задорно* улыбнётся мне,
Бороду-сугроб слегка *взъерошит*,
И *раздастся* в *звонкой тишине*:
«Эко лес позанесло порошей!»

– оксюморон «**звонкая тишина**», который не воспринимается как противоречие, начинает звенеть уже с самого начала стихотворения – **золотом**. Я не уверена, звонкий ли металл золото, но в русском небе блестят купола церквей, немыслимые без колокольного **звона**; **золотой** у славян связан с белым цветом, и в поэтике цвета Алексея также – чаще всего опосредованно, через снег. Аллитерация позванивает на протяжении всего стихотворения, так и не зазвенев в полном смысле, превращаясь в **тишину**, только **звонкую**. Звук, нарушающий эту тишину, похож на звук в предыдущем стихотворении, он не совсем настоящий – голос Дедушки Мороза.

А вот вполне реальный скрип лыж посреди снежного безмолвия в стихотворении «На родине» боится нарушить таинственную тишину. Настоящий звук и сказочная тишь – створки двери в мир, где можно встретить красавицу-*ведьму*, *сосну*:

В тишине поскрипывают лыжи.
Страшно им тревожить тишину.
Вдруг перед лицом своим увижу
Ведьму вечно юную – *сосну*.

В стихотворении «Золотое солнце, золотой» теперь уже сама *сосна* боится потревожить **тишину** – до конца не ясно, она боится спугнуть тишину вокруг или внутреннюю – созерцателя, а может, свою?

Прямо *в небе* замерла *сосна*.
Тишину боясь нарушить *звуком*.

Тихость Русского Сервера в стихотворении «Тихое» – это обволакивающая мудрость, мы видим приём контраста, но не цветового, а с помощью слов-носителей цветовых значений:

Счастье *черникой* неспелую
Зреет *в седой тишине*

– добавляет ещё одно осмысление белого цвета, разворачивающегося по линии **белый-седой-мудрый**. Закономерность обретения мудрости ценой прожитых лет опускается, как при мон-таже, скрытая ассоциативная связь оставляет только переосмысленный **белый** с оттенком **седины**, что опять же возвращает нас к древним смыслам белого цвета – смыслам гармонии и добра. Настроение всего стихотворения таково, что мотив обретения полноты жизни лирическим героем венчается этим «седым» эпитетом, символом «досрочного», так сказать, постижения законов бытия, и чёрно-синей (незрелой, юной) капелькой черники в окружении седой тишины. Так преодолевается разность мира, неброской связью юности и зрелости.

Культурные коннотации **белого** и **снега**, имеющего основным своим признаком белый цвет, не всегда реализуют положительные значения. Мотив смерти, забвения, связанный со сравнениями *белый саван – белое покрывало – белый снег* мерцает в стихотворении «Эта белая ночь...» сквозь представление о **белом**, символизирующем переходное состояние от конкретного к отвлечённому, от реального к мистическому, к тому, что находится за гранью рационального знания:

Эта *белая ночь белой чайкой* в глаза мне *хохочет*.
Над безумством *ослепших* от вечной зари *фонарей*.
Эта белая ночь *на века* мне *разлуку пророчит*,
Ту, в которой *сто тысяч седых* непроглядных *дождей*.

Эта белая ночь... Словно колокол безъязыкий,
Я пытаюсь ей, белой, о боли своей прокричать.
И *сверкают*, как молнии, *прошлого жгучие лики*,
Пред которыми трудно повинной душе отвечать.

Белые перевоплощения в стихотворении иррациональны и тревожны. *Жгучие лики, молниями* врываются в действительное настоящее яркой белой вспышкой. И мир вокруг, и болезненное чувство от соприкосновения с ним, и беспокойное предчувствие неизбежной расплаты и сама расплата – всё это осмыслено в **белом**, **слепом** цвете. **Седой** белый, только периферийно захватывая образ мудрости, актуализирует значение мучительности обретенного знания и нескончаемость этой муки (*сто тысяч седых непроглядных ночей*), усиливает безграничность боли (*на века*). Именно игра оттенками белого цвета делает белый маркером отсутствия света: *ослепших фонарей, непроглядных дождей* продолжается образом тишины, осознанной как бессилье – не тишина, а немота в беспощадно ослепительной белизне (*Словно колокол безъязыкий, / Я пытаюсь ей, белой, о боли своей прокричать*).

В одном из недавних стихотворений Алексея «Холодным солнцем ослеплённый» белому негативному, прямо не названному – *холодным солнцем ослеплённый, мир* – противопоставляется белый названный, положительный – *стена берёз, как побелённый храм*. Этому в целом минорному, пронизанному предзимним сумрачным холодом, сюжету противостоят только образ белого берёзового храма в начале, и дальний лай собак, пробивающий сизую неопределённость, – в конце:

Холодным солнцем ослеплённый,
Мир погружается во *тьму*.
Стена берёз, как побелённый
Храм, близкий сердцу моему.

Пожухлые склонились травы
И лед в разбитых колеях.
В глуши космической державы
Таится неизжитый крах.

Иду один в огромном поле
И только *дальний лай собак*.
В предзимьем дышащем просторе
Отогревает сизый мрак.

Возвращаясь к приёмам контраста в произведениях со светлой внутренней перспективой, можно отметить, что в них, повторюсь, не уживаются прямые противопоставления сияющих и чёрных цветов. Я полагаю, это связано с тем, что белому цвету соответствует образ недостижимой, идеальной красоты и чистоты.

И если состояние мира поверяется светлыми красками (см. выше), то естественна несоединимость в одном смысловом контексте взаимоуничтожающих явлений. Поэтому ночь определяется нецветным эпитетом – **тенью**, да ещё и **недоверчивой**: она сама не может поверить в свою реальность в залитом золотым солнцем снежном пространстве:

*Золотое солнце, золотой
Снег искрится на весёлых сопках.
Ночь сбежала, спрятавшись за мной
Тенью недоверчивой и робкой.*

Или, например, в следующих строках мы видим слово **мгла**, в окружении светлого, белого, искрящегося пространства. Оно словно изолировано огромным солнечным миром, и ощущается как точка, тоненькая полоска в нахлынувшем сиянье счастья:

*Вокруг поля – пустынно и светлы,
Черёмухой вскипают перелески.
Я, словно путник, вышедший из мглы,
Мне свет весны ударил в душу резко.*

В стихотворении «Гудят комары на болоте» спускающийся *меж светлых берёз* вечер покрывает *плёс* не тьмой, а **укутывает тумана косынкой**:

*А жизнь, как лесная тропинка
Петляет меж светлых берёз...
Вот скоро тумана косынка
Прозрачный укутает плёс.*

Речь не о том, что чёрному цвету не отдаётся во власть ни одной части художественной вселенной, однако тёмная её сторона не затмевает светлых красок бытия. Противоположная, не световая часть палитры в такой модели просто не может переместиться к световому краю, ибо не-сущее не может быть совмещено с сущим. Излучающее и поглощающее, как бытие и небытие, – состояния, которые не могут быть обнаружены одновременно. Поэтому, на мой взгляд, функция теневых образов в том, чтобы высветлить день, а не противопоставить его ночи. Выходит, что тёмные слова как бы поддерживают своим наличием светлый купол бытия.

Роль чёрного, прямо называемого, определяется степенью близости к белому или отдалённости от него. К первой категории относятся стихи, в которых чёрный окружён «затухающим» светом. К примеру, в стихотворении «Закат осенний пламенеет». В этих стихах мы не находим противопоставления двух цветовых полюсов. Меркнувшее сияние сжимает цветное кольцо до чёрного, мы видим гибель светлого под игмом темноты:

*Закат осенний пламенеет,
И страшно на него смотреть.
Как будто в чёрных тучах зреет
Всепобеждающая смерть.*

*Мерцающая тусклой позолотой,
Покорно гаснут купола.
И в этот миг навек кого-то
Надмирная объяла мгла.*

*И только колокол сквозь ветер
Призывный голос подаёт:
«Мы не умрём в грядущем Свете,
Душа прозренья обретёт».*

Чистых, светозарных цветов здесь нет, единственный яркий колоратив – на самом деле – яростный – *страшно на него смотреть*. Да и голос колокола не вызывает ассоциации светлого золота и звучит как бы отдельно от гаснущих куполов второго катрена. Совсем не случайно здесь финальное обещание прозрения не в этом, меркнушем, а в ином мире.

Основой для стихотворения «Я умер и увидел чёрный» служит именно **отсутствие света** и болезненная **тоска** по нему. В сходстве ручья с искушающим змием, в отчаянной борьбе героя с собой, в пене, которая видится тёмным ядом, – светлый мир природы вывернут наизнанку, в нём не только нет светлых красок, но вообще никаких красок нет! Стихотворение начинается с чёрного, который сразу заглушил многообразие цветов, поглотил краски, обозначив рамку сюжета – отсутствие света:

Я умер и увидел **чёрный**
во мгле змеящийся ручей.
Как будто грешник непокорный,
метался он среди камней.

Шипящей бешеною пеной
меня хотел он **отравить**.
Сочились родники изменой,
и жутко мне хотелось пить.

Но я не пил, кусая губы,
срывая **чахлый мох** с камней.
И **страшно** было, что погубит
меня, погибшего, ручей.

Предчувствие умирания, отражённое в безнадёжной игре цвета, в стихотворении «Мы ждали осени, как чуда» из неуверенного и колеблемого в начале, к концу произведения увеличивается до размеров ужаса и неизбежности. Вся последняя строфа – это замирание, неподвижность, смерть: *от осени остался; в лёд вцепившиеся листья; пруд оледенелый* – глагол *остался*, как последняя надежда, но уже изменившая своё качество и утратившая возможность *чуда*; восходящее чувство трагической неизбежности также в однородности образов: *оледенелый пруд* (теперь уже неотвратимо) превращается в *ужас полыньи*. *Просинь* второго катрена и *обледенелый* – последнего, соприкоснувшись цветовыми краями значений, создают картину движения вниз, падения как несостоявшегося взлёта. Листья, *сорвавшиеся* (ветром, страстью) в минутном своём порыве, в последних строках уже мертвы и неподвижны, не вмёрзшие в лёд, но *вцепившиеся*, что усиливает чувство ужаса и бесполезной тоски. Причастие *цепенеющий*, даже на уровне созвучия, возникает в сознании как итог всего движения в стихах. Чуть было наметившаяся вертикаль первых двух стихов второго четверостишия, проливается и застывает (*цепенеет*) горизонталью – в последнем, где полынья предстаёт воплощённым **чёрным** цветом. Весь сюжет стихотворения – это осуществление **предчувствия**. Провидчески безнадёжность ожидания **чуда** и **очищения огнём** просвечивает в несовместимости дохристианских и христианских смыслов единого образа первой строфы, очевидной их неосуществимостью в данных условиях, и вот почему: и в христианстве, и в славянском язычестве есть понятия чуда и очищающего огня. Только у древних славян – огонь физический, наделённый мифологическим сознанием свойствами божества, у христиан же – этот огонь невещественный, даже символический – Христос своею Божественною плотью, как огнём сжигает наши грехи, очищает верующих. Такое поэтическое единство красиво и целостно само по себе, однако предчувствие трагедии в том, что подобного чуда бессмысленно ждать осенью: во-первых, осень не способна подарить

надежду на воскресение, ибо осень – это пора умирания, а пора воскресения – это весна; вторых, потому, что целостность двойного образа будет разрушена в попытке осуществить чудо огненного очищения в это время года, ибо через очистительный костёр у восточных славян было принято прыгать на Купалу, 24 июня (ст. ст.) в день летнего солнцестояния и наивысшего расцвета природы. То есть тогда, когда впереди ещё целое лето, полное солнца и надежд, а не глохнущая, облетающая осень. Лирический герой попытался отстраниться от традиций и, может быть, как ему казалось, стереотипов, от соблюдения определённых закономерностей мировосприятия – ему хотелось, чтобы вопреки принятому взгляду, осень могла сыграть несвойственную ей возрождающую роль, повинувшись воле художника. Но выходит, что такое желание – противоречит самим законам мироздания, отражённых в традиции. Попытка переиначить законы бытия разрушительна. Противоречие понимания и нежелания принять это, собственно, и характеризует поэтическое провидчество в стихах. То есть невозможность осуществления именно этого чувства, этой попытки на счастье – осмыслены не только как личное, индивидуализированное чувство, а как часть единого великого целого, связанного кровной связью со вселенной. Вновь мы видим невозможность сосуществования излучения и поглощения: солнце и просинь в середине стихотворения не более, чем порыв, мгновение...:

Мы ждали *осени, как чуда,*
Что нашу жизнь переиначит
Своим целительным дыханьем,
И *очищения огнём.*

Срываясь *в солнечном порыве,*
Взмывали в *просинь* стаи листьев.
Но *ненасытная разлука*
Губила счастье день за днём.

И вот *от осени остался*
Нам этот *пруд оледенелый,*
И *в лёд вцепившиеся листья,*
И *чёрный ужас* полыньи...

В стихотворении «Холодное самосожженье» происходит сближение чёрного цвета с кровью, которая несмотря на то, что основа метафоры – отражённый в луже закат, осмыслена как **кровь чёрная**. У славян чёрная кровь – это кровь нечистая, гиблая. Углубляет трагизм мироощущения героя чувство внутренней безысходности: он видит, как будто не кровь отражённого низкого солнца лакает чёрный пёс, но и его собственную, стынущую кровь:

Померкло золото берёз.
И гладь реки *блестит* суровой.
К воде прикинув, *чёрный пёс*
Лакает небо в *сгустках крови.*

И сам я строже и *мрачней*
Смотрю на *гаснущие* дали,
И даже в памяти моей
Всё больше *леденящей* стали.

В крикливой *саже воронья*
Я вижу верное знаменье,
Что не минует и меня
Холодное самосожженье.

Нужно сказать, что подобные безысходные мотивы довольно редки в творчестве Алексея. Я бы назвала его лиризм лирикой сильного человека, закалённого в противостоянии. Это стихи человека, ощущающего себя частью большого и малого космоса, чувствующего себя единым с миром, с миром природы в первую очередь. И сопричастность эта равна некоторому светлому первообразу. Такое переживание размыкает границы сознания, чувственное и сверхчувственное становятся взаимозаменяемыми – мир обретает целостность,

Когда в *просторе* полном *белизны*,
Рождается *нездешнее сияние*.

Когда берёзы дышат *синевой*,
Что к ним спустилась из *небесной глубины*...

(«В тебе есть обещание весны»).

Белый и синий соединяются, чтобы впустить нездешний свет. Визуально – это отсутствие границы между прозрачной голубизной неба и белеющей землёй. Хотя, на мой взгляд, именно в этом восьмистишии последние две строки снижают эстетическую ноту стихотворения, слишком «очеловечивают», переводя пронизывающую пространства мысль в плоскость привычного, ожидаемого:

В тебе есть обещание весны,
Нет, не весны, а только обещание,
Когда в *просторе* полном *белизны*,
Рождается *нездешнее сияние*.

Когда берёзы дышат *синевой*,
Что к ним спустилась из *небесной глубины*...
В тебе есть то, что никогда другой
В тебе не разглядит и не полюбит.

В стихотворении «Зажжённая доверчивым закатом» свет неразлучен с тихим звуком: *шорохом листвы, тихими стихами*, чёрный же *грохочет и рокошет*, оглушает, то бишь, обезличивает, сдирает краски. И в конце антитеза чёрного и просто прозрачного создаёт эффект потушенного пожара; пожирающего огня, залитого единственной каплей чистой воды:

Пусть ждёт меня за *чёрными холмами*
От *грохота оглохшая* Москва,
Я донесу ей *тихими стихами*
Глоток незамутнённый волшебства.

В зыбких лучах над Вязьмой, опалённой осенью и памятью, увядание цветов – символ затихающей жизни. Мягкое естественное погружение в тишину. Здесь золотой осенний свет – это то, что никогда не закончится, на шкале времени у этого периода нет раз и навсегда закреплённого места. Осень – не только циклична в качестве поры года, она вневременна и приходит всякий раз, когда кажется,

что не цветы, а мы,
погружены в Предвечное молчанье.

Таким образом, светлая осенняя тишина становится чем-то большим, чем метафора, это что-то осуществляется с помощью природных образов, продолжающих осень внутри человека, впускающего её в себя. Значит, осень может существовать не только как отрезок времени или событие, а как состояние – в человеке плещется природа:

Роняет осень *зыбкие лучи*
На купола пронзительные кленов,
От Рая где-то спрятаны ключи
На перепутьях Вязьмы *опалённой*.

И мы идем *на тихие холмы*
Внимать цветов последних увяданью.
И кажется, что не цветы, а мы
погружены в Предвечное молчанье.

Резкий контраст чёрного и белого в стихотворении «Ты помнишь ли, друг...», где чёрный появляется в самой последней строке, строится так, что белый оказывается торжествующим, вбирая в себя мотив памяти. Причём памяти живой, активной, не ностальгирующей. Очень интересно перераспределение образных символов метафоры «сказка» – от **иллюзорности** и зыбкости (неясности её), когда она связана с Москвой до **постоянства** и незыблемости, когда она переходит в область пространства памяти цвета белых ночей:

Ты помнишь ли, друг, *заполярную* юность
Задумчивость белых ночей,
Потёртой гитары охрипшие струны
И *тени седых* кораблей.

Мы пили тогда, веселясь желторото,
Роняли в стаканы слова.
Казалось, за ближним судьбы поворотом
Подарит нам *сказку Москва*.

Шумели, как мысли, бессонные травы,
И глухо внимали дома
Задорным юнцам, вожделеющим славы,
И что-то орущим в *туман*.

Что ж, впору сказать «как давно это было»,
Звенят поезда между строк.
И *сказки* все те, что *Москва отравила*
Коплю я в душе своей впрок.

А прежняя дружба, как мы, повзрослела,
И стала трезвее, увы,
Но лучшая *сказка ночей* наших *белых*
Сильней *чёрных сказок* Москвы.

Чёрным в начале (*черни*) и в конце (*тенью чёрной*) опоясано стихотворение «Санкт-Петербургу». Мы видим противостояние одного и того же цвета, расположенного на ценностных полюсах (чёрный-**чернь** – чёрный-**Пётр**). Всё оно состоит из цветовых взаимодействий. Образы, как искры, высекаются из столкновений цветов. Пылающие краски заката зажигают купол величественного собора, и этот свет выше и превышает пустых слепящих суетных огней. В последней строфе краски сгустились, отяжелели – каждая строка как будто держит оборону осознанием и собственной силы, и собственной правоты:

Во власти победившей *черни*
Ты сохраняешь гордый вид.
И в час задумчиво вечерний
Ещё *пылает* твой гранит.

И не *затмили* твой Исакий
Огни крикливые реклам,
В закатом озарённом мраке
Он шлёт свой *отблеск* облакам.

Всё так же *хмуру* непокорна
Свинцом налитая река,
И твой хозяин *тенью чёрной*
Всё так же *грозен* сквозь века.

Снег, продолжающий в нас природу, в стихотворениях Алексея Полуботы – принадлежность не городского пейзажа. И в описании бесконечно любимого города Мурманска, своеобразного центра художественной вселенной, снежные мотивы очень не похожи на те, которые открываются за городом. Мурманск окрашен в свои, узнаваемые цвета. Кажется, поэт видит город таким, каков он есть без идеализации: *город на краю земли, где знобящий серый холод, где хмурый ветер, блеск холодных окон, сумрачные воды* – нелюдимая, северная земля. Но сумрачность и суровость города *детства на краю* больше похожи на сосредоточенную задумчивость. В основном, «мурманские» стихи монохромны. Так создаётся ощущение монолитного единства городского пространства. Повторюсь, в стихах, в которых не ощущается дыхание города, воспринятых как бы за городской чертой, сияющая белая ночь, отражённая снегом, не похожа на хмурую городскую картину, *где сырой бетонной скукой веет от домов*.

Край земли и детства **край** (*Моя любовь, мой непорочный край; не забыть мне этот город на краю земли; город детства на краю*) взаимодействуют от стихотворения к стихотворению и образуют такой сложный образ, в котором **край** – кромка, оконечность и **край** – страна, отчизна воспринимаются в одной плоскости, я бы обозначила всё это словом **берег**. Берег – это и граница, за которой начинается другая, не родная земля, и причал студёной земли (родной берег), который всегда ждёт тебя, и откуда начался долгий жизни путь; и последний рубеж.

Стихи о Мурманске делятся на две больших световых группы: хмурые и светло-хмурые:

Не забыть мне этот *город*
На краю земли,
Где *знобящий серый холод*
Будит корабли.

Где вода залива, *ёжась,*
Пенит берега;
На *пустынных* сопках лёжа,
Дремлют облака.

Где разносит *хмурый* ветер
Хриплых чаек стон,
Где *тоскующий* о свете
Низкий небосклон.

Эпитеты *тоскующий, знобящий, хмурый* в стихотворении окружают прилагательное «серый», в сближении компонентов значений цвета и ощущений **серый** задаёт основу этих ощущений, а не наоборот. И город не похож на город, он похож на пейзаж, он избавляется от признаков реальности, становясь каким-то таинственным миром. Осмысление городского пространства негородскими образами – одна моделей поэтической реальности Алексея Полуботы. Город осознаётся героем как продолжение природы, он не отделён от неё, а неразделен

с ней. Серый цвет в мурманских стихах, впрочем, как и в других, не всегда несёт негативную характеристику (недаром и в русской языковой культуре он часто синоним голубого). Значит, состояние погружения в природу – внутренне независимое чувство, безотносительное давлению среды, для человека, который не отделяет себя от природы, всегда носит её в себе.

Пример светло-хмурого стихотворения:

И всё же вернулся. Судьба моя – Мурманск.

Мерцает могуче залив.

Сквозь бури и штили пролёт сюда курс мой,

К причалу студёной земли.

Пуускай уезжают туда, где теплее,

Где яблони нежно цветут.

Здесь сердце ручей снежной пеной согреет,

И в *детство тропинки* ведут.

Рассыпано солнце на кочках *морошкой*,

В озёрах не спят облака.

Ещё не истлела глухая сторожка –

Счастливый приют рыбака.

В этом Мурманске, откуда можно прийти в детство, и где *рассыпано солнце на кочках морошкой*, в целом движения гораздо больше, чем в предыдущем стихотворении. И динамику эту задаёт свет, которого здесь тоже больше. В хмурых стихотворениях движения меньше, больше сна, скованности, раздумий. Но стихотворения обеих групп, повторюсь, не окрашены тоской, ностальгией. Печаль здесь не хозяйка.

Я бы сказала, что между живописью и стихами Алексея Полуботы очень короткое расстояние, в этой словесной изобразительности человек так близко к природе, что может черпать её горстями. Такая близость равнозначна близости к первоначальному замыслу человеческого бытия. При чтении лирики Алексея испытываешь то чувство, которое выразил ещё Михаил Юрьевич Лермонтов: «удаляясь от условий общества и приближаясь к природе, мы невольно становимся детьми; все приобретённое отпадает от души, и она делается вновь такую, какой была некогда, и, верно, будет когда-нибудь опять» [2].

Библиографический список

1. Казанцев В. Светлых глаз непреклонность // Литературная газета. 2019. 30 января. № 4 (6676).
2. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. URL: <https://ilibrary.ru/text/12/index.html> (дата обращения: 12.11.2021).
3. Полубота А.В. Вечность: стихотворения. М., 2018.
4. Полубота А. Время года – любовь: книга стихов. Мурманск, 2010.
5. Полубота А. Поэт сидит на табурете // Литературная газета. 2021. 28 февраля. URL: <https://lgz.ru/plus/poet-sidit-na-taburete-/> (дата обращения: 12.11.2021).
6. Фёдоров В.В. Проблемы поэтического бытия. Донецк, 2008.

О.В. Блюмина

кандидат филологических наук

доцент кафедры социально-гуманитарных и общеправовых дисциплин

Московский финансово-юридический университет МФЮА

E-mail: olya00700@mail.ru

РАЗВИТИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Л.Н. Скляр, Т.И. Бочарова

Аннотация. В данной статье рассматривается общение в сети Интернет, которое является заметной частью взаимоотношений в современном мире. Рост интернет-пользования свидетельствует о популярности Сети, что в свою очередь приводит к трансформациям в системе лингвистических средств. Описываются тенденции развития языка во Всемирной паутине за последнее время. Отмечается, что речь становится в большей степени вариативной в коммуникации интернет-пользователей, активно оперирующих специфической гибридной устно-письменной формой речи с особенной графикой, а также морфемными и лексическими инновациями. Кроме того, указывается, что в последние десятилетия появились многочисленные заимствования, компьютерные дефиниции, а также лексические новообразования, возникшие вследствие активного развития социальных сетей. Отдельное внимание уделено вопросам намеренного искажения орфографии по принципу «как говорю, так и пишу» в соответствии с фонетической оболочкой слова.

Ключевые слова: интернет-язык, интернет-речь, интернет-лексика, транслит, эрративы, буквенные сокращения, социальные сети.

DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN INTERNET COMMUNICATION

L.N. Sklyar, T.I. Bocharova

Abstract. This article discusses communication on the Internet, which is a noticeable part of relationships in the modern world. The growth of Internet use attests to the popularity of the Web, which in turn leads to transformations in the system of linguistic means. The trends that have taken place in the language on the World Wide Web in recent years are described. It is noted that speech becomes more variable in the communication of Internet users who actively operate a specific hybrid oral-written form of speech with special graphics, as well as morphemic and lexical innovations. In addition, it is indicated that in the last decade there have been numerous borrowings, computer definitions, as well as lexical neoplasms that have arisen as a result of the active development of social networks. Special attention is paid to the issues of deliberate distortion of spelling according to the principle «as I speak, so I write» in accordance with the phonetic shell of a word.

Keywords: Internet language, Internet speech, Internet vocabulary, transliteration, erratives, letter abbreviations, social networks.

Развитие Интернета и мессенджеров дает доступ к глобальной коммуникации, мгновенному обмену информацией по всему миру. Этот поток цифровых данных изменил наши взаимоотношения с миром, людьми, информацией, знаниями [9], а язык благодаря этому претерпел значительные изменения.

Изучение интернет-языка пользователей социальных сетей важно главным образом в связи с распространенностью этого типа коммуникации в современном обществе. Актуальность исследования обусловлена необходимостью описания развития языка в новых культурных и социально-информационных условиях. Важным вопросом изучения интернет-коммуникации является то, в какой мере и каким образом проявляются особенности интернет-языка в широком пространстве виртуального коллективного дискурса.

На сегодняшний день значительный объем общения между людьми перешел в формат заочного, то есть в общение на расстоянии. Что касается звонков по сотовой связи, то они все еще не теряют своей актуальности, однако серьезную конкуренцию им составляют современные мессенджеры, в которых нередко и происходит основное общение между людьми, а звонок, который предполагает большую церемониальность и длительность в соответствии с правилами новой коммуникативной культуры, должен производиться в том случае, если обойтись другими средствами коммуникации затруднительно, а без предварительного общения звонок на мобильный вообще может восприниматься как дурной тон.

Со сменой способа взаимодействия людей, внедрением Интернета в жизнь изменилась и речь, употребляемая при общении в разных сферах человеческой деятельности, поскольку она должна соответствовать современным тенденциям.

Представление об особенностях лексикона интернет-пользователя предопределяется его индивидуально-психологическими чертами, а также культурно-социальным типом.

Традиционно внешняя речь делится на письменную и устную, однако появление Интернета и мессенджеров изменило эту четкую градацию, поскольку новые способы общения не отвечают в полной мере признакам устоявшейся классификации речи. Поэтому в литературе активно используется новый термин – «устно-письменная речь». Также такую речь можно охарактеризовать как «интернет-речь».

С одной стороны, при передаче речи в мессенджерах происходит её формальная фиксация при помощи письменных знаков и символов. С другой стороны, скорость передачи речи в диалогах, ее прерывистость, избыточность, спонтанность, а также использование неформальных, выходящих за рамки установленных правил, выражений и эмотивов, не позволяет отнести высказывание к обычной письменной речи. Все это свидетельствует об интернет-языке как о сложном образовании, носящем поликодовый характер в плане объединения элементов устности и письменности.

Как отмечает О.Б. Максимова, сетевая коммуникация уже априори предполагает возможность неправильного выражения устной формы речи. Специфика взаимодействия в Интернете отличается от обычного разговора своим набором вербальных и паравербальных средств по сравнению с традиционной устной речью, что препятствует установлению быстрой ответной реакции между участниками общения даже в максимально интерактивных форматах интернет-коммуникации, например на форумах или в соцсетях, а также в различного рода мессенджерах и других способах виртуального контактирования.

Следует отметить, что стандартные кинестетические средства невербального общения, свойственные устной форме речи и служащие для выражения разнообразных переживаний и отношения к собеседнику, нельзя использовать в Сети. Данную роль заместителя интернет-коммуникации берут на себя особые графические средства, к которым относятся эмодзи, хотя они не могут в полной мере компенсировать многообразие средств невербального сопровождения естественного дискурса [6, с. 76].

Кроме того, язык Интернета принадлежит к разговорному дискурсу с преобладающей устной формой речи, хотя по внешним признакам относится к письменной речи и обладает основными признаками устного выступления: диалогическая форма изложения, непосредственность, непринужденность, спонтанность взаимодействия, разговорно-оценочные слова, сниженная лексика, особые морфологические средства, синтаксическая неполноструктурность, прерывистость, нарушения логики, избыточность и т.п. Словарный состав языка также соответствует специфике разговорной речи [2, с. 142].

Развитие социальных сетей, мессенджеров и приложений для мгновенного обмена информацией оказывает сильнейшее влияние на формирование новых лексем. Слова сокращают всё сильнее и сильнее для удобства и скорости написания, крайне редко используют

в правильной, традиционной форме, поскольку основная цель подобного общения – это максимально быстро донести информацию. Приведем некоторые примеры сокращений: «нзчт» – не за что, «споки» – спокойной ночи, «спс» – спасибо, «тя» – тебя, «ок» – хорошо. Помимо скорости общения и сокращений привычных слов в интернет-диалогах, большое влияние на аудиторию имеют «мемные» языки. «Упячка», «язык падонкафф», или «олбанский» – это языки, суть которых состоит в том, что они видоизменили орфографию привычных слов.

Интернет-язык выступает в качестве языковой подсистемы специфического типа, отражающей такие тенденции развития, которые направлены на формирование собственных, некодифицированных норм на разных лингвистических уровнях. Это свидетельствует о том, что норма может быть не только кодифицированной, но и некодифицированной, то есть не зафиксированной в словарях, справочниках, грамматиках, учебниках и учебных пособиях по русскому языку. Но некодифицированная норма в разговорной речи воспринимается, осознается и используется значительной частью пользователей Сети намеренно.

Примером некодифицированной нормы могут служить так называемые эрративы – это намеренно искаженные слова, выполняющие роль языковой игры, изобрели которую представители «новой интеллигенции»: рекламисты, программисты, пиарщики, журналисты. Эрративы – осознанно искаженные слова, носящие нарочитый характер, которые использует интернет-пользователь, владеющий литературной нормой [4].

Такие слова могут появляться в диалогах, сохраняя принцип «как слышится, так и пишется»: «аффтар», «ящитаю», «узбагойся», «пеши», «памагити», «исчо», «ржунимагу», а также другие подобные «орфографические неологизмы» – отголоски старых «мемных» языков. Появление данных слов нередко является словесной импровизацией, как творческое вдохновение, когда собеседник создает образную и выразительную картину, чтобы она вызвала живой отклик аудитории [1, с. 67].

В настоящее время для общения в Интернете используют и другие характерные орфографические особенности, не применяемые в традиционной письменной речи, но имеющие место при устном разговоре. Например, повторное написание в словах одной и той же гласной буквы, чтобы передать их интонационное растягивание, обозначить эмоцию: «oooo так миииило», «нуууу не знаю», «по мне так оочень затянуто» и др. Впрочем, не только гласные могут растягиваться, часто и согласные буквы также дублируются при написании: «ну плиizzз», «ммммм, супер вкусно». Причем по правилам русского языка, повторяющиеся в словах буквы должны отделяться дефисами («ну-у-у»), но в интернет-языке с целью ускорения написания сообщения данные правила не применяют.

Вышеописанные сознательные сокращения и изменения слов ради упрощения либо шутки вряд ли смогут оказать существенное влияние на грамотность человека. Тем не менее, интернет-общение содержит в себе угрозу снижения грамотности и фундаментальных знаний русского языка.

Большинство людей в процессе применения гаджетов зачастую используют функцию «Т9», способную автоматически исправлять орфографические ошибки в напечатанном тексте. Благодаря этому в целом удобному режиму, необходимость в грамотном написании слов автором текста минимизировалась, поскольку ответственность за ошибки перекладывается на электронное устройство, ведь возможности функции «Т9» практически безграничны.

Объективности ради надо отметить, что эта система была создана для функциональных целей, поскольку в условиях скоростного общения она позволяет максимально быстро составить текст, и благодаря этому большинство людей не задумываются о правильности написания своих посланий, так как у них появляется возможность решать более глобальные задачи эффективной коммуникации.

Кроме того, при написании текстов в ходе интернет-общения авторы не заостряют своё внимание и на знаках препинания. Данное обстоятельство связано с разговорностью как специфической чертой интернет-коммуникации, которая в непринужденном чате практически не содержит причастных и деепричастных оборотов, также в ней минимально присутствуют сложные синтаксические конструкции. В этой связи потребность в проставлении запятых, точки с запятой, тире и двоеточия возникает редко. Но даже вполне очевидные знаки препинания, необходимые с точки зрения правил русского языка, также иногда пропускаются. Причина очевидна: людям просто не хочется тратить время на их проставление, особенно если это не мешает смысловому наполнению текста. Логика проста – заменой одной буквы на другую время не сэкономишь, а вот пропуская запятые – вполне.

Но если в интернет-языке большинство знаков препинания просто не нашли себе места по причине нехватки времени, то у точки сложилась иная судьба. Точка стала активно игнорироваться. Обязательный в конце большинства предложений знак, несущий нейтральное значение, приобрел в интернет-общении плохую репутацию, став для многих знаком обиды и холодного отношения. Ставить точку в конце сообщения в мессенджере – это дополнительные временные затраты, поэтому если визави все же акцентирует на ней внимание, то, как следствие, собеседник приходит к выводу об определенном значении проставленного знака, его непростой смысловой нагрузке.

Но восполнить отсутствие точки в русскоязычных интернет-диалогах смогла простая скобка – вот такая: «) », принявшая на себя функцию сокращенного смайлика. В случае выражения сильных эмоций скобку дублируют несколько раз: «))) ». Именно этот знак стал символом нейтрального, дружелюбного сообщения, но совсем не обязательно – бодрого и веселого.

Как отмечает лингвист М.А. Кронгауз, «смайлики стали очень важным элементом общения. Смайлик обычно ставят в конце предложения – более того, это стало так привычно, что его отсутствие настораживает. Особенно, если мы говорим о людях моложе тридцати. Они, если не видят в конце предложения смайлика, думают, что собеседник на них обижен. То есть нейтральным стало наличие смайлика, а не его отсутствие» [7].

Сокращенные смайлики стали отличительной особенностью именно русскоязычных форумов, при этом применение скобок-смайликов в переписке с иностранцами может привести к недопониманию, они просто не поймут, что это означает.

До появления полноценных смайликов, в мессенджерах использовались импровизированные картинки, состоящие из доступных на клавиатуре символов. Но помимо понятных всем картинок, например « :-) » или « :-D » применялись и такие, которые предполагали пояснения от отправившего их автора. Например, « <3 »: мало кто понимал, что обозначает обычное сердечко. Основная проблема подобных смайликов – это время, затраченное на их написание. Даже проставление в тексте простейших смайлов иногда занимало больше времени, чем написание слов их обозначающих. Поэтому популярность такого рода символов быстро ушла, и их перестали применять.

В скором времени появились уже смайлики (эмодзи), понятные для большинства пользователей. Именно благодаря их употреблению в интернет-общении стало проще и удобнее выражать свои эмоции, нажав единожды на картинку и не тратя времени на написание слов. Теперь смайлики-картинки являются неотъемлемой частью общения. Визуально сами эмодзи стали разнообразнее, и спектр эмоций, который можно выразить с их помощью, постоянно увеличивается. Сейчас существует огромное количество смайлов, благодаря которым общаться можно исключительно с помощью картинок, что существенно ускоряет написание сообщения и максимально передает эмоциональное состояние автора.

Безусловно, существующий темп жизни диктует свои условия, в том числе и в такой сфере общения, как интернет-переписка, однако сокращенные символы и переделанные слова стоит применять только в личных, дружеских сообщениях. В процессе деловой переписки либо в ходе общения с людьми старшего поколения будет уместнее составлять текст, опираясь на классические правила русского языка.

Кроме того, следует отметить значительное влияние Интернета на форматы общения современников, в частности, здесь важна активизация в интернет-коммуникации транслита – стихийно сложившегося и некодифицированного использования латинских букв для передачи языковых средств современного русского языка: *ya sej4as na parax* или *privet, BRB (be right back)* – сейчас буду, *ИМНО (in my humble opinion)*, *LOL (laughing out loud)* – очень сильно смеюсь [5, с. 76].

В связи с тем, что значительную часть времени современная молодежь и люди немногим старше проводят в Интернете, обмениваясь текстовыми, аудио-, видеосообщениями, используя такие разнопрофильные программы, как Viber, Whatsap, Skype, Telegram и др., нередко отдельные слова или целые сообщения (по ряду причин, в том числе и для ускорения переписки) передаются латинской графикой. В дальнейшем оформленные с помощью транслита тексты станут короче и будут носить более частный характер. В будущем общество, пользующееся кириллической азбукой, может попасть в ситуацию графической диглоссии, суть которой заключается в том, что личная переписка будет оформляться латиницей, а официальные документы – в Сети на кириллице [5, с. 76–77].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что современный интернет-язык способствует привнесению в речь яркой эмоциональной окраски, чему в немалой степени способствует обильное употребление пользователями эмоционально-экспрессивных слов, характерных для разговорной речи. Чрезвычайная эмоциональная насыщенность речи интернет-пользователей является причиной возникновения и закрепления в интернет-языке новых эмоционально-экспрессивных слов, которые не соответствуют строгой книжной речи [3, с. 17].

Таким образом, в современном русском языке и речи происходят значительные изменения, которые обусловлены именно электронной коммуникацией как фундаментом разнообразного рода лингвистических инноваций. Коммуникация в Интернете предполагает динамику языковых средств под влиянием живой разговорной речи, существующей в виртуальной среде в специфической гибридной устно-письменной форме с особенной графикой. Данные процессы способствуют формированию некодифицированных норм, которые поддерживаются участниками интернет-коммуникаций, таким образом делая их все более популярными.

Библиографический список

1. Бочарова Т.И. Импровизация в речи учителя // Дидакт. 1998. № 4 (25).
2. Гох О.В. Лексика с переносным значением в интернет-языке // Грамота. 2010. № 11 (42): в 2-х ч. Ч. I.
3. Гох О.В. Эмоционально-оценочная суффиксация в интернет-языке // Вестник коми государственного педагогического института. 2011. № 9.
4. Гусейнов Г.Ч. Берлога веблога. Введение в эрратическую семантику. URL: http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erraticaA1.htm (дата обращения: 30.11.2021).
5. Ефремов В.А. О влиянии электронной коммуникации на язык и речь современника // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: материалы IV Конгресса РОПРЯЛ, проходящего в рамках I Педагогического форума «Русский язык в современной школе» (Сочи, 1–2 ноября 2014 г.). СПб., 2014.

6. *Максимова О.Б.* Язык в интернет-коммуникации: общие закономерности и национально-культурные особенности (на материале русского и английского языков) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. № 3.
7. С русского на русский. Особенности общения в сети. Ч. 1. URL: https://Higher Education Discovery// hedclub.com/ru/publication/from_russian_into_russian_internet_communication_aspects_43/ru (дата обращения: 30.11.2021).
8. *Caroline V., Encarnación C.P.* Une information en plusieurs langues: vers une compétence informationnelle plurilingue // Open Edition Journals. 2020. Vol. 23. № 2.

Л.Н. Скляр

кандидат исторических наук

доцент кафедры философии, истории и межкультурных коммуникаций

Московский технический университет связи и информатики

E-mail: l.n.skliar@mtuci.ru

Т.И. Бочарова

кандидат педагогических наук, доцент

доцент кафедры философии, истории и межкультурных коммуникаций

Московский технический университет связи и информатики

E-mail: t.i.bocharova@mtuci.ru

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ЦВЕТОВОМУ ВОСПРИЯТИЮ ТВОРЧЕСТВА ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

В.В. Оразбекова

Аннотация. В статье рассматриваются эстетические категории цвета в творчестве поэтов серебряного века. Изучается синергетическая методология как образовательная платформа обучения и усвоения концепта «цвет» в лирике на занятиях со студентами-нелингвистами. В качестве учебного материала представлены цветовые различия в текстах поэзии серебряного века.

Ключевые слова: эстетика цвета, поэзия серебряного века, синергетика, цветовой символизм.

SYNERGISTIC METHODS IN TEACHING STUDENTS COLOR PERCEPTION OF THE WORK OF SILVER AGE POETS

V.V. Orazbekova

Abstract. This article considers the aesthetic categories of color in the work of Silver Age poets. Synergistic methodology is being studied as an educational platform for teaching and assimilating the concept of «color» in lyrics among non-linguist students. Color differences in the texts of Silver Age poetry will be presented as educational material.

Keywords: aesthetics of color, poetry of the Silver Age, synergy, color symbolism.

Специфика функционирования концепта «цвет» в художественной литературе заключена в его способности актуализировать зрительные образы, воздействовать на эмоции, развивать эстетические и символические смыслы.

На современном этапе лингвистические исследования по цветообозначениям доказывают, что системная организация колоритов сформировалась на лексико-семантическом уровне языка. Анализ единства и согласованность парадигматических, синтагматических и концептуальных особенностей дает основание рассматривать данный вопрос в рамках изучения литературы в студенческой аудитории.

Коммуникативный аспект в изучении цветовых реалий предполагает их рассмотрение как диалог между автором и читателем. Цель изучения данного вопроса – разработка лексических основ, выявление закономерностей в художественных текстах на основе комплексного изучения текста. Текст рассматривается через интердисциплинарный подход с учетом отраженных в нем лингвистических и экстралингвистических факторов, а также как слово – образ, существующий в художественном фрагменте с семьей «цвет».

Художественный текст – это «макрокосмос», который характеризуется многоаспектностью возможных подходов к нему, сложной структурной организацией, многоплановостью смысла, допускающих неоднозначные интерпретации. Это обусловлено тем, что за каждым текстом «стоят» не только языковая система, мир реальной действительности, но и языковой личности автора и адресата [6, с. 92].

Образность, семантическая двуплановость, ассоциативность художественного текста способствуют возникновению у читателя собственной проекции текста, своего представления о прочитанном, своей образной картины, не всегда совпадающей с авторской [1, с. 128].

Следует отметить, что концепция лингвистики цвета может рассматриваться наравне с когнитивной лингвистикой, психолингвистикой, лингвокультурологией и позволяет рассматривать цвет как языковое явление, в котором отражены национальные ценности народа, его культура, религия, психический склад, ментальные и мировоззренческие особенности.

Цветовые обозначения в контексте лингвокультурологической парадигмы могут достаточно объективно восстановить смысловые трансформации, которые отражают соответствие той или иной эпохе, наивную картину мира. В таких условиях компонент культуры имеет цветовое разнообразие на семантическом уровне, становится воплощением культурных ценностей. Цветовое восприятие мира на каждом уровне развития искусства, науки, литературы переосмысливается в соответствии с лингвокультурными установками. Понятие «цвет» представляет собой лингвокультурологический феномен, что дает основание изучать лирику как важную составляющую в творчестве разных авторов эпохи серебряного века.

На занятиях по литературе в аудиториях у студентов-нелингвистов особый интерес вызывает творчество Н. Гумилева, М. Цветаевой, А. Ахматовой, С. Есенина, И. Северянина.

Поэты серебряного века, стараясь отойти от объективной действительности, отдавали предпочтение чувственному восприятию жизни. Погружение в удивительный, экзотический мир, завуалированный эстетической составляющей текста, был обусловлен историческим контекстом. Поэтому в их поэзии присутствуют как темные цвета, так и яркие, а иногда не соответствующие реалиям жизни. Изучение лирики серебряного века на занятиях литературы способствует погружению обучающихся в мир поэтического текста через анализ цветовой символики. Педагогическая наука и образовательные ресурсы носят интегративный характер, поскольку главная задача образования – создание благоприятных условий для свободного саморазвития личности человека. В этих условиях базовая культура обучаемого предполагает обеспечить его включение в сложные социально-экономические, технические условия жизни современного общества. Дифференциация наук в сочетании с синтезом научных знаний и переносом методов исследований в разные области и интегративные процессы способствует развитию современного познания. В области образования ведущую роль играют интегративные процессы, перенос методов в другие науки, использование математического аппарата, стремление науки развиваться во времени и пространстве, затрагивая различные сферы производства. Всё это способствует формированию синтетического мышления.

Подобной моделью, отвечающей запросам современной науки, является синергетика. Особенности синергетики заключается в том, что она способна соединить самые разнообразные научные области и направления. Система синергии представляет собой макроскопические упорядоченные состояния с помощью небольшого числа параметров [9, с. 33].

Синергетика представляет собой незамкнутую, иерархичную систему. Г. Хакен в своем исследовании выделяет педагогическую синергетику, под которой подразумевает «область педагогического знания, мировоззрение которой отражено в теории, принципах и закономерностях самоорганизации педагогических систем» [9, с. 56].

Основными особенностями синергетического подхода в образовательной среде является:

1. Гомеостатичность – система, позволяющая следовать к цели с некоторыми условиями.
2. Иерархичность – способность выстраивать образовательные продукты в строй или заранее обговаривать последовательность.
3. Нелинейность предполагает множество путей развития.
4. Неустойчивость – в точке бифуркации система становится открытой и общедоступной для других уровней познания, а также для всех членов обучения. Как результат – информационное пространство выводит педагогическую систему и образовательный процесс из устойчивого равновесия.

5. Незамкнутость (открытость), то есть невозможность пренебрежения взаимодействующей системы окружающей действительностью в педагогической практике способствует самоорганизации педагогического процесса; влияние методик и педагогических технологий, а также их использование для достижения эффективного обучения.
6. Динамическая иерархичность – в основе лежит принцип прохождения системой точки бифуркации, а именно – последовательности стадий появления, становления, гибели – и, как следствие, обновление системы.
7. Наблюдаемость – ограниченность и относительность представлений об образовании как о системе и возможных открытий в ходе педагогической практики. В педагогике такой подход редко используется, так как в ходе исследований или в практической деятельности педагог имеет дело всегда с разными материалами. Но на этих этапах и появляются закономерности, которые можно считать новыми реалиями в изучении темы, что способствует постоянному поиску и обучению.
8. Процесс самоорганизации представляет собой относительно самопроизвольное возникновение новых структур и их относительно устойчивое существование. В педагогике данный процесс используется для адаптации к новой применяемой технологии или к поставленным задачам, цель которого – добиться самостоятельной организации обучающихся в данной образовательной модели [7, с. 57–58].

Проблема изучения цветового пространства в русской поэзии является актуальной темой в современном литературоведении. Экспрессия художественного текста способствует лучшему восприятию стихотворения и изучению особенности творчества поэтов серебряного века на занятиях русской литературы. Изучение колоративной лексики в поэзии М. Цветаевой, С. Есенина, Н. Гумилева, А. Ахматовой, И. Северянина и др. показывает, что обозначения весьма различны.

На занятиях студентам предлагаются различные задания, в том числе экспериментального характера. В ходе выполнения упражнений обучающиеся делают анализ и выводы. Преподаватель, в зависимости от уровня подготовки обучающихся, может определять время на выполнение каждого задания, количество участников, сложность задания и т.д. Некоторые студенты могут выступать в качестве проверяющих или контролирующих этапы выполнения заданий. Это могут быть мобильные группы, состав которых меняется в зависимости от успеваемости студентов.

Далее будут представлены фрагменты с заданиями, где были применены синергетические методы и приемы.

Фрагмент № 1

Задание 1. Прочитать выразительно отрывок из стихотворения М. Цветаевой «Бузина» (1931–1935 гг.). По выбору учащихся читают 3 студента, группа оценивает чтение (Время на подготовку – 3 мин.).

Бузина цельный сад залила!
Бузина зелена, зелена,
Зеленее, чем плесень на чане!
Зелена, значит, лето в начале!
Синева – до скончания дней!
Бузина моих глаз зеленей! [10, с. 21].

Задание 2. С каким периодом связано появление стихотворения «Бузина»? Подготовьте краткую историческую справку (Данное задание выполняют лидеры групп. Время на выполнение – 6 минут).

Задание 3. Укажите годы эмиграции поэтессы. Осветите данный вопрос в историческом контексте. Ответ должен быть аргументированным и выстроенным композиционно (Задание выполняют все группы, аудитория делится на 5–6 групп. Ответ дают лидеры от каждой команды. Время выполнения – 5 минут).

Задание 4. Найдите в тексте часто повторяющиеся слова, свяжите их с темой потери родины.

Задание 5. Укажите, какие понятия соответствуют концепту «цвет» (значение):

Красный, черный, красно-коричневый, сливовый, липко-красный, багровый, лазурный, синий, коралловый, зеленый.

Слова – значения: бузина, кровь, кумач, ад, горе, зло, смерть, прошлое, болезнь, цветущий сад, огонь, тревога, жизнь, настоящее, болезнь, звон, огонь, поэт.

Проанализируйте словосочетания и сделайте вывод.

Задание 6. В стихотворении можно проследить следующее усиление цветового признака: *зелёный – красный – черный*. Чем можно объяснить усиление и нарастание данного признака в стихотворении?

Фрагмент № 2

Задание 1. Укажите особенности поэзии акмеистов. Назовите главных представителей этого направления. Составьте два вопроса по данной теме, опираясь на статью в учебнике (Студенты вправе задать свой вопрос любому в аудитории. Если ответ получен верный – задающий теряет балл. Вопросы должны быть достаточно сложными и корректными).

Задание 2. С чем связан художественный мир Н. Гумилева? Чем можно объяснить такие черты в его поэзии как красочность и акварельность, экзотика и живопись? (Написать эссе. Объем – 85 слов).

Задание 3. В произведениях Гумилева представлены два мира: реальный и африканский (экзотический). Выберите оппонента в аудитории и докажите, какой из миров представлен в данном фрагменте, чем обусловлен выбор поэта.

Текст № 1

На таинственном озере Чад
Посреди вековых баобабов
Вырезные фелуки стремят
На заре величавых арабов.
По лесистым его берегам
И в горах, у зеленых подножий,
Поклоняются страшным богам
Девы-жрицы с эбеновой кожей.

Текст № 2

Над тростником медлительного Нила,
Где носятся лишь бабочки да птицы,
Скрывается забытая могила
Преступной, но пленительной царицы.
Ночная мгла несет свои обманы,
Встает луна, как грешная сирена,

Бегут белесоватые туманы,
И из пещеры крадется гиена [5, с. 24, 27].

Задание 4. Выпишите художественно-изобразительные средства из данных произведений, определите их функцию в тексте.

Задание 5. Определите роль цветовых обозначений. Представьте результаты в виде таблицы или схемы.

Задание 6. Напишите эссе на тему «Своеобразие творчества Н. Гумилева» (Время выполнения – 14 мин., объем – 85 слов).

Задание 7. Подберите художественный или документальный фильм и продекламируйте стихи Н. Гумилева. Можно использовать музыкальные композиции.

Задание 8. Посмотрите картину Нико Пиросмани «Жираф». Напишите сочинение по картине, опираясь на стихотворения Н. Гумилева (Время выполнения – 12 мин., объем – 85 слов).

Задание 9. Прочитайте стихотворение Н. Гумилева «Жираф». Выпишите слова с обозначением «цвет». В чем проявляется любовная и философская лирика, в которой описывается экзотический африканский пейзаж? (Студенты делятся на группы. Время выполнения – 6 минут. Балл получает команда, которая быстрее выполнила задание).

Задание 10. Напишите 8–12 слов-ассоциаций на тему «Африка». Подготовьте устное сообщение на тему «Роль Африки в жизни и творчестве Н. Гумилева» (Время выполнения – 4 мин.).

Задание 11. Сопоставьте черты акмеизма с творчеством Н. Гумилева. На примере 1–2 стихотворений покажите, что Гумилев – акмеист (Студенты делятся на группы. Время выполнения – 10 минут. Балл получает команда, которая быстрее всех выполнила задание).

Фрагмент № 3

Прочитайте отрывки из произведений И. Северянина. Определите название и подготовьте выразительное чтение одного из стихотворений.

Текст № 1

Плесните в чаши янтарь муската
И созерцайте цвета заката...
Раскрасьте мысли в цвета заката
И ждите, ждите любви раската!..

Текст № 2

Сирень – сладострастья эмблема. В лилово-изнеженном крене
Зальдись, водопадное сердце, в душистый и сладкий пушок...
Мороженое из сирени! Мороженое из сирени!
Эй, мальчик со сбитнем, попробуй! Ей-Богу, похвалишь, дружок!

Текст № 3

Я стою у окна в серебреющее повечерье
И смотрю из него на использованные поля,
Где солома от убранной ржи ошетишила перья
И настрожилась заморозками пустая земля.

Ничего! – ни от вас, лепестки белых яблонек детства,
Ни от вас, кружевные гондолы утонченных чувств...

Текст № 4

У лесозера, в шалэ березовом, – березозебреном, –
Над мертвой лилией, над трупом юноши, самоуверенно,
Плескалась девушка рыданья хохотом темно-серебряным [8, с. 654, 358, 244, 321].

Задание 1. Выберите одно стихотворение и ответьте на вопросы:

1. Определите направление и жанр.
2. Укажите тематику стихотворения.
3. Выпишите неологизмы, и укажите их функцию.
4. Какую роль играют цветообозначения в данном стихотворении?
5. Какие смысловые параллели можно провести, анализируя текст?

(Преподаватель распределяет обучающихся в микрогруппы. Время на подготовку – 8 мин., на ответ – 4 мин. Балл получает команда, которая быстрее выполнила задание. Группа, которая сможет опровергнуть ответы других групп, получает дополнительный балл).

Задание 2. Внимательно прочитайте данные слова. Распределите все слова по тематическим категориям.

Кабанера (кубинский народный танец), экзотика, закат, янтарь, мускат, взор, мороженое, крем, сирень, фиесташки, водопад, кружево, вечер, поле, солома, лепесток, яблоня, рожь, земля, берёза, зеркало, озеро, трава, солнце.

Соотнесите ключевые слова с цветовыми обозначениями. Свой выбор поясните. Укажите основные мотивы и тематику стихотворений (Условие выполнения задания: дать студентам время на запоминание слов – 8 мин., время на запись в тетради – 4 мин.)

Задание 3. Сформулируйте принципы творчества И. Северянина, опираясь на лекционный материал (Условие выполнения задания: дать студентам время на подготовку – 5 мин.).

Задание 4. Объясните, с чем связаны неологизмы в творчестве поэта. Выберите одно из стихотворений и сделайте художественный анализ по схеме, которую следует посмотреть в конспекте (Условие выполнения задания: время на подготовку – 10 мин.).

Задание 5. Почему И. Северянин выбирал «пёстрый» стиль? Как относятся современники к его творчеству?

Задание 6. Составьте 5–6 вопросов для аудитории по алгоритму – от простого к сложному. Каждый вопрос оценивается от 1 до 5 баллов (Студенты вправе задать вопросы любому в аудитории. Если ответ получен верный – студент теряет балл. Вопросы должны быть достаточно сложными и корректными).

Задание 7. Какие ассоциации вызывает у вас творчество И. Северянина? Что сближает его с футуристами? (Отвечают все студенты. Один ученик записывает. После повторного чтения – делают запись в конспект. Проверяет и ставит оценку напарник).

Задание 8. Прочитайте в интернете статью В. Брюсова «Игорь Северянин» (URL: <http://bryusov.lit-info.ru/bryusov/kritika-bryusova/igor-severyanin.htm>). Как вы думаете, что он имел в виду, говоря об «отважных неологизмах» и «самых смелых метафорах»?

Задание 9. Согласны ли вы, что неологизмы Северянина выглядят вычурно и смешно? (На вопросы 7–9 отвечают все студенты. Один ученик записывает. После повторного чтения – делают запись в конспект. Проверяет и ставит оценку мобильная группа)

Задание 10. Северянин выдвинул новые принципы эгофутуризма. Прочитайте лозунги и выберите один из них, аргументируйте, опираясь на тексты.

1. Душа – единственная истина.
2. Самоутверждение личности.
3. Поиски нового без отвержения старого.
4. Осмысленные неологизмы.
5. Смелые образы, эпитеты.
6. Борьба со стереотипами.
7. Разнообразие метров стихосложения.

(Условие выполнения задания: дать студентам время на подготовку – 8 мин., озвучивание ответа – 2 минуты).

Задание 11. И. Северянин очаровывал яркими и новыми звуками, красками и ритмами. Превращал будничную жизнь в праздник. Выберите стихотворение и докажите, что в нём представлен мир роскоши и красоты. Используйте в ответе художественно – изобразительные средства (Данное задание оценивает группа лидеров).

Задание 12. Как вы относитесь к обвинениям Северянина в эгоцентризме, пошлости, самолюбовании. Свой ответ обоснуйте (Данное задание выполняют студенты, выбранные от каждой группы в случайном порядке. Время выполнения – 3 мин.).

Задание 13. Актуальна ли поэзия И. Северянина в наши дни? Можно ли использовать его поэтическую лексику в современном русском языке? Как вы думаете, с какими речевыми трудностями вы бы столкнулись? (Данное задание выполняют студенты, выбранные от каждой группы в случайном порядке. Время выполнения – 3 мин.).

Задания и тексты могут изменяться по усмотрению преподавателя. Некоторые упражнения следует распределять между обучающимися в зависимости от степени восприятия (легкие, средней сложности, сложные*, требующие творческого подхода и ли дополнительной подготовки). На каждом этапе определяется регламент.

Фрагменты рекомендуется использовать как систему заданий, но можно и выборочно применять на занятиях по литературе. Очевидным становится системообразующий характер данных упражнений, соответствующий теории самоорганизации. Все виды заданий направлены на самостоятельное изучение и умение анализировать, приводить в систему и получать результаты как отдельно, так и в микрогруппах. В целом, образовательный процесс предстаёт органичной частью общества, то есть мира, развивающегося по единому сценарию [7, с. 20].

Принципы синергетики в педагогике необходимо рассматривать как открытую самоорганизующуюся, нелинейную систему, в которой процессы обучения построены на следующих критериях: иерархичность, последовательность, самостоятельность, творческий подход, хаотичность как способ регулирования процесса поиска. Также необходимо выделить следующие компоненты:

- иерархия целей обучения;
- обучаемый;
- педагог;
- информационно-технологическое обеспечение учебного процесса [3, с. 139].

В данной системе обучаемого следует рассматривать как самостоятельно организующего свою деятельность, а педагога как направляющую и регулирующую часть звена и в целом, образовательного контента.

При использовании таких методов меняется роль как преподавателя, так и студента. Преподаватель управляет обучением, но делает это без указания алгоритма действия или конкретного задания, требующего определенного решения, а путем постановки проблемы или создания ситуаций, вынуждающих студента действовать автономно и самостоятельно. Таким образом, реализуется важный принцип синергетического подхода – принцип взаимодействия и взаимоподдержки [4, с. 134].

Преподаватель как активный компонент подобен «модели» личности обучаемого. Разница заключается в уровне сформированности образовательных компетенций и тот фактор, что студент имеет познавательный стиль обучения, имеющий решающее значение в образовательном процессе.

Таким образом, синергетика и педагогика является сложной многоуровневой и информационной системой, в которой проявляется большое количество разнообразных связей, отношений и закономерностей.

Библиографический список

1. *Болотнова Н.С.* Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск, 1994.
2. *Бронгулеев В.В.* Африканские дневники Н. Гумилева // Наше наследие, 1988. № 1.
3. *Буданов В.Г.* Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М., 2009.
4. *Гвоздева А.В., Хтун Хтун Хаинг.* Синергетический подход к методам обучения // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. № 1 (33).
5. *Гумилев Н.* Избранное. Стихи и поэзия. М., 2021.
6. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 2010.
7. *Курейчик В.М., Писаренко В.В.* Синергетический подход в педагогическом проектировании образовательной среды вуза // Образовательная среда. 2014. № 3.
8. *Северянин И.* Стихотворения и поэмы. 1918–1941. М., 1990.
9. *Хакен Г.* Синергетика. М., 1980.
10. *Цветаева М.* Лирика. М., 2020.

В.В. Оразбекова

преподаватель кафедры общеправовых и социально-гуманитарных наук
Московский финансово-юридический университет МФЮА
E-mail: Orazbekova.vera2017@yandex.ru

СИСТЕМА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ПРОЦЕССЕ ИЗМЕНЕНИЯ УСЛОВИЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Н.Н. Ширяева

Аннотация. В статье описываются методологические принципы, которые помогают понять работу системы обучения иностранным языкам. Также демонстрируется развитие системы обучения иностранным языкам под влиянием научной парадигмы в определенный исторический период.

Ключевые слова: система обучения иностранным языкам, методологический принцип, предмет, подход, технология.

FLT SYSTEM IN TERMS OF EDUCATIONAL CHANGES

N.N. Shiryayeva

Abstract. The article describes methodological principals which help us understand the work of FLT system. It also demonstrates development of FLT system under the influence of a scientific paradigm in a certain historical period.

Keywords: FLT system, methodological principal, subject, approach, technology.

Изменение условий среды, в которой функционирует система обучения иностранным языкам, оказывает существенное влияние на состав и содержательное наполнение компонентов системы. Такие изменения прослеживаются в процессе смены подходов к обучению и условий образовательной среды с течением времени.

Исследования системы обучения иностранным языкам в работах Е.И. Пассова, И.Л. Бим, Н.Д. Гальсковой, А.Н. Щукина, И.А. Зимней, В.Ф. Аитова, В.Н. Афонасовой и др. отражают идею необходимости приведения системы языкового образования в соответствие с конкретным этапом исторического развития общества [2; 6–7; 11; 13; 17, 20].

Практика показывает частое несоответствие результатов функционирования системы обучения поставленным целям обучения.

Принимая во внимание концепцию системы в организации интеллектуальной деятельности личности, необходимо раскрыть методологические принципы, позволяющие описать психологические механизмы и функции этого процесса, проследить его динамику и интерпретировать результаты [16].

Особенности проектирования целей и отбора содержания обучения иностранному языку в неязыковом вузе в русле новой концепции подготовки специалиста диктуют необходимость разработки системы освоения заданного содержания, адекватной поставленным целям. В данной ситуации возникает вопрос о том, как должна быть организована система, обеспечивающая практическое достижение запланированных результатов обучения.

В соответствии с поставленной целью в системе должна быть выделена совокупность технологий обучения, представляющих оптимальную организацию достижения заданных результатов обучения.

Система никогда не остается в неизменном состоянии, поскольку под влиянием условий внешней среды происходят изменения свойств ее компонентов, что приводит к противоречию

между ними. Таким образом, система приспосабливается к внешним изменениям, получая импульс к саморазвитию.

Система строится на методологических принципах, которые позволяют понять развитие объекта. Под объектом мы понимаем как систему обучения, так и систему интеллектуальной деятельности человека. К методологическим принципам относятся принцип объективности, детерминизма, развития, историзма, субъекта, системности, обратной связи.

Согласно **принципу объективности** при изучении любого объекта нужно исходить только из законов его функционирования, но не мнения исследователя о нем. Иными словами, анализ возможных последствий должен базироваться на первопричине явления.

Принцип историзма диктует необходимость рассматривать суть и свойства явления или объекта в динамике его развития в процессе смены исторических периодов. Смена временных контекстов позволяет увидеть и научно обосновать закономерности развития объекта и прогнозировать дальнейшее изменение его свойств.

Принцип детерминизма позволяет определить причины изменений внутри объекта, вызванных сменой исторического периода и условий функционирования объекта.

В науке выделяют несколько типов детерминизма. Среди них – системный детерминизм, когда свойства объекта определяют суть его отдельных компонентов, детерминизм обратной связи – воздействие следствия на причину, целевой детерминизм, когда цель определяет процесс достижения результата.

Многие ученые интерпретируют принцип детерминизма как учет влияния различных причин на личностно-профессиональное развитие. Личность выступает в качестве субъекта деятельности и профессионального развития [1; 3; 5; 8; 10; 18].

Из принципа детерминизма вытекает **принцип субъекта**. Согласно принципу субъекта человек познает и преобразует окружающий мир в процессе деятельности, в том числе и профессиональной. Познание мира через деятельность и взаимодействие с другими субъектами позволяет решать жизненные задачи и формировать багаж жизненных ценностей, развивает способность к самоорганизации и саморазвитию.

Категория субъекта рассматривается в работах Б.Г. Ананьева, К.А. Абульхановой, Д.Н. Узнадзе, А.В. Брушлинского и др.

Изучая активность человека как субъекта профессиональной деятельности, Б.Г. Ананьев предлагает рассматривать субъект как систему, интегрирующую сознание, знания, умения, способности и талант, оценивая личностно-профессиональное развитие [3].

К.А. Абульханова понимает субъект как систему взаимодействий и отношений с другими субъектами. Система субъекта характеризуется определенным уровнем активности и интегративности с окружающей действительностью. Взаимодействуя с окружающей действительностью, субъект определяет индивидуальную траекторию развития [1].

Подчеркивая активность субъекта по отношению к окружающей действительности, Д.Н. Узнадзе показывает его способность к целенаправленной деятельности по изменению внешних обстоятельств, к расстановке приоритетов в соответствии с жизненной позицией [14].

В понимании А.В. Брушлинского субъект – это не только личность, но автономная система характеристик, позволяющих познавать окружающий мир, формировать собственную оценку происходящего, уметь организовать свою деятельность, быть способным к саморазвитию [9].

Принцип развития определяет ускорение или замедление развития объекта в процессе жизни. В соответствии с данным принципом в процессе исторического развития происходит присвоение социально-исторического опыта в процессе общения и совместной деятельности. Вместе с тем, характер развития общества определяет границы и способы развития личности [10].

Принцип системности предполагает развитие системы личностных характеристик индивида и формирование его индивидуального опыта в процессе познавательной деятельности.

Л.В. Темнова выделяет несколько значений системы: система как совокупность принципов какой-либо концепции, система как совокупность элементов, объединенных общей задачей, система как способ организации деятельности, система как структурированная совокупность взаимосвязанных частей [18].

Б.Г. Ананьев и К.А. Альбуханова рассматривают проявление принципа системности как включение системы индивида в систему социальных и профессиональных отношений, благодаря механизмам самоорганизации, что приводит к дальнейшему развитию системы индивида [1; 3].

Принцип обратной связи предполагает подтверждение правильности выбранной индивидом программы личностно-профессионального развития и взаимодействия с социумом. Обратная связь стимулирует активность личности в процессе профессионального развития, позволяет оценить результаты своей деятельности [12].

Знания и опыт человечества в конкретной сфере за определенный период также представляют собой систему, образуя научную парадигму.

Т. Кун определяет научную парадигму как систему стандартов, схем, методов и образцов решения научных задач, принятых в научном сообществе. Развитие науки, вызванное социально-политическими и экономическими предпосылками, приводит к смене научной парадигмы [14].

Анализируя развитие методической науки, ученые И.Л. Бим, Н.Д. Гальскова, Е.И. Пасов, А.Н. Шамов, А.Н. Щукин и др. выделяют несколько типов научных парадигм: лингвистическую или бихевиористскую, сознательно-сопоставительную, системно-структурную, коммуникативно-прагматическую и антропоцентрическую [7; 11; 17; 19; 20]. В каждой парадигме действует определенный подход, принципы и метод в качестве основы для построения модели обучения. Характеристики каждой последующей парадигмы позволяют выявить степень изменения ее компонентов – целей обучения, подходов, принципов, методов, определить роль иностранного языка как учебного предмета, формируемые в процессе обучения компетенции, преимущества и недостатки заданной модели обучения.

Лингвистическая парадигма, действующая во второй половине XIX – начале XX в., строилась на основе бихевиористского подхода, принципов практической направленности и интуитивности обучения, принципов последовательного развития видов речевой деятельности, индивидуализации, наглядности и обратной связи, принцип исключения родного языка. Процесс обучения, построенный с использованием прямых методов обучения, представлял собой серию операций из пошаговых заданий, стимулирующих ученика к определенному набору речевых действий, закрепляемых в процессе многократного повторения и благодаря положительной реакции учителя. Целью обучения ставилось практическое овладение языком как инструментом для реализации устной коммуникации и формирование коммуникативной компетенции.

В качестве положительных сторон бихевиористской модели обучения следует отметить четко организованную программу обучения, градацию материала по степени сложности, обратную связь с преподавателем, учет индивидуальных особенностей обучаемого. К отрицательным сторонам следует отнести механичность и бессознательность процесса овладения языком, второстепенная роль грамматики, игнорирование целей и мотивов ученика.

Сознательно-сопоставительная парадигма первой половины XX в. базировалась на сопоставлении языковых явлений родного и иностранного языков на предмет сходств и различий. Модель обучения выстраивалась в рамках когнитивного подхода. Принцип интуитивности был вытеснен принципом сознательности, принцип исключения родного языка принципом

опоры на родной язык. Не утратили актуальности принципы практической направленности обучения, наглядности, индивидуализации, обратной связи и последовательного усвоения материала. Последний принцип подразумевает разделение материала не только во времени по степени сложности, но и по характеру усвоения – на рецептивный и продуктивный. Учащимся сообщаются правила и инструкции, затем происходит формирование речевых умений и навыков. Добавляется принцип взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности, принципы ситуативности, функциональности и концентризма подачи материала. Наряду с практической целью обучения ставятся общеобразовательная и воспитательная. Цели обучения направлены на формирование лингвистической и коммуникативной компетенций. В процессе обучения применяются грамматико-переводной, сознательно-сопоставительный и сознательно-практический методы.

Положительными характеристиками сознательно-сопоставительной модели являются: учет особенностей родного языка для преодоления интерференции и использования положительного переноса, осознанное, последовательное усвоение материала в виде речевых единиц, соотнесенность материала с целями, темами и ситуациями общения. Отрицательной стороной является овладение языком в виде правил и инструкций в противовес развитию устной коммуникации. Содержание обучения, включающее модели предложений, сведения о лексическом, фонетическом и грамматическом строе языка, тексты, тренировочные упражнения, направлено на формирование навыков структурного оформления речи и не обеспечивает достаточного развития речевых умений.

Сознательно-сопоставительная парадигма дает начало **системно-структурной**, действующей до 80-х гг. XX в. Ведущим подходом, наряду с когнитивным, дедуктивным и индуктивным, становится системно-структурный. В рамках данной парадигмы был предложен структурный метод – использование моделей предложений в качестве единиц обучения.

Системно-структурной парадигма, по мнению Н.Д. Гальсковой, дает возможность лучше понять суть языковых явлений и взаимосвязь компонентов языковой системы, но не создает достаточно условий для практического овладения языком, а обучающегося воспринимает объектом процесса обучения [11].

Опора на социальные и функциональные аспекты языка привела к зарождению **коммуникативно-прагматической парадигмы**, основанной на концепциях о языке как о речевой деятельности. Объектом обучения становится иноязычная речевая деятельность, а субъектом – обучаемый.

Подчеркивается функция языка как средства общения. Процесс обучения строится в рамках деятельностного и условно-коммуникативного подходов и нацелен на автоматизированное использование изученных языковых средств в устной и письменной коммуникации, то есть на формирование у обучаемых навыков речевого поведения. К принципам предыдущей парадигмы добавляется принцип интегративности, благодаря которому происходит интеграция методик из различных дисциплин с целью изучить особенности употребления языка говорящими, и принцип коммуникативности, при котором все упражнения и этапы обучения связаны общей темой.

Достоинством коммуникативно-прагматической парадигмы является коммуникативный характер содержания обучения и моделирование условий реального общения. Вместе с тем обучение сводится только к развитию иноязычной речевой деятельности, то есть к формированию только языковой компетенции. Данная парадигма не учитывает социокультурного аспекта языка, не задействует эмоционально-оценочную сферу обучаемого, позволяющую формировать и отстаивать собственную позицию участника процесса общения, не формирует комплекс альтернатив речевого поведения.

На смену коммуникативно-прагматической парадигме приходит **антропоцентрическая**. В рамках антропоцентрической парадигмы функционируют различные подходы: межкультурный, личностно-ориентированный, деятельностный, социально-развивающий, коммуникативно-когнитивный, компетентностный, средовой, технологический [19].

Целью обучения иностранному языку становится не только присвоение совокупности знаний, умений и навыков, но и формирование личностной позиции учащегося к образовательному процессу. В процессе иноязычной деятельности приобретается индивидуальный эмоционально-оценочный опыт, а сама личность как субъект системы становится компонентом, определяющим развитие самой системы.

В этой связи в рамках действия антропоцентрической парадигмы в системе обучения следует рассматривать четыре составляющие: ученик, учитель, преподавание, учение [11].

Ведущим понятием становится понятие **«компетенция»**. Акцент с преподавательской деятельности переносится на деятельность по овладению иностранным языком, приобретается умение учиться самостоятельно.

Иностранный язык становится не только инструментом общения, но и способом получения новых знаний и построения отношений в социуме, в том числе профессиональных.

Принимая во внимание методологические принципы и особенности современной антропоцентрической парадигмы, считаем, что система обучения иностранным языкам представляет собой целенаправленно организованный процесс взаимодействия субъектов системы – преподавателя и учащегося – с социумом. В процессе взаимодействия происходит развитие личности субъектов деятельности. Результатом взаимодействия является либо выполнение условий среды (социального заказа), либо изменение этих условий и переход системы на новый уровень развития.

Библиографический список

1. *Абульханова К.А.* Проблема определения субъекта в психологии // Субъект действия, взаимодействия, познания. Психологические, философские, социокультурные аспекты. М., 2001.
2. *Аитов В.Ф., Виноградова Р.И.* Взаимосвязанное обучение иноязычным видам речевой деятельности на неязыковых факультетах в вузе на основе проблемного подхода // Вестник Башкирского университета. 2006. № 2.
3. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л., 1968.
4. *Анохин П.К.* Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978.
5. *Асмолов А.Г.* Психология личности. М., 1990.
6. *Афонасова В.Н.* Методика построения профессионально-ориентированных модульно-рейтинговых программ обучения иностранному языку в неязыковом вузе: дис. ... канд. пед. наук. М., 2003.
7. *Бим И.Л.* Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника: опыт системно-структурного описания. М., 1977.
8. *Бодалев А.А.* Личность и общение. М., 1995.
9. *Брушлинский А.В.* Проблемы психологии субъекта. М., 1994.
10. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. М., 1983. Т. 3: Проблемы развития психики.
11. *Гальскова Н.Д.* Основные парадигмальные черты современной методической науки // Иностранные языки в школе. 2011. № 7.
12. *Деркач А.А.* Акмеология. М., 2003.
13. *Зимняя И.А.* Компетентностные инновации современной образовательной программы ВПО (необходимые и возможные). М., 2007.
14. *Куликов Л.В.* Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб., 2009.
15. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975.
16. *Мишина М.М.* Методологические принципы исследования интеллектуальной деятельности личности. М., 2011.

17. *Пассов Е.И.* Теория методики: прием как единица теории и технологии. Липецк, 2014.
18. *Темнова Л.В.* Личностно-профессиональное развитие психолога в системе высшего образования: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001.
19. *Шамов А.Н.* Методика обучения иностранным языкам: Теоретический курс: учебное пособие. М., 2020.
20. *Щукин А.Н.* Обучение иностранным языкам. Теория и практика: учебное пособие для преподавателей и студентов. М., 2007.

Н.Н. Ширяева

кандидат педагогических наук, доцент

заведующий кафедрой иностранных языков

Московский финансово-юридический университет МФЮА

E-mail: Shiryayeva.N@mfua.ru

УДК. 159.9

doi:10.52210/2224669X_2021_4_75

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Е.Н. Скрипачева

Аннотация. Один из важных признаков современности – интерес к творчеству, способности к нестандартным решениям. Грядет переход от эпохи рациональной упорядоченности к эпохе творческого мышления и креативности. Интерес многих исследователей обусловлен раскрытием феномена креативности и творческого мышления. В своей работе автор показал взаимосвязь творческого мышления и эмоционального интеллекта. При раскрытии данной темы было обнаружено несколько вопросов, которые выделены в работе, что позволит обратить внимание и расширить научное изучение феномена творческого мышления и креативности.

Ключевые слова: эмоции, эмоциональный интеллект, творческое мышление, теории эмоций, психологические школы.

THE RELATIONSHIP BETWEEN CREATIVE THINKING AND EMOTIONAL INTELLIGENCE

E.N. Skripacheva

Abstract. One of the important signs of modernity is an interest in creativity, the ability to generate non-standard solutions. The transition from the era of rational orderliness to the era of creative thinking and creativity is coming. The interest of many researchers in this theme is driven by the disclosure of the phenomenon of creativity and creative thinking. In his work, the author has showed the relationship between creative thinking and emotional intelligence. However, when disclosing this theme, several issues were identified and highlighted in the work, which will allow to pay attention to and extend the scientific study regarding the phenomenon of creative thinking and creativity.

Keywords: emotions, emotional intelligence, creative thinking, theories of emotions, psychological schools.

В современном мире растет потребность общества в неординарной творческой личности и в развитии креативности. Соответственно, это требует от человека высокой активности, раскрытия его умений и способностей нестандартного поведения. Творчеством созданы науки и искусства, все изобретения человеческой цивилизации, формы жизни людей.

Понятие творческого мышления представляет собой сложное сочетание понятий «мышление» и «творчество» [17]. Отечественные и зарубежные исследователи отмечают,

что творчество как предмет научного познания обладает своеобразной спецификой: его не только сложно изучать, но трудно даже охарактеризовать. Обращаясь к изучению вопроса о творчестве, необходимо отметить, что данная тема развивалась в трудах философов, в контексте понятия «свобода». С. Кьеркегор называл свободу основным условием творчества. Незаинтересованность эстетического созерцания, о которой говорил И. Кант [6], предполагает свободу от вещного бытия. Ф. Шеллинг [8] рассматривал произведения искусства как прорыв от конечности человеческой жизни к бесконечности бытия. Н.А. Бердяев [8] считал, что творчество – способ духовного преображения человека. Также в русле философии рассматривается природа творчества человека: причина творчества – изначальное отчуждение человека от природы и мира в целом, в основе творчества лежит освобождение от страданий и мучительных мыслей, «дух бегства», компенсация ударов судьбы, то есть творчество – это способ преодоления изначальной дезадаптации [6]. Б. Карлофом и Й. Шумпетером различаются две формы поведения: адаптивное (связанное с имеющимися в распоряжении человека ресурсами) и креативное, определяемое как созидательное разрушение [8].

Психология творчества складывалась на рубеже XIX–XX столетий. Её основоположник – Ф. Гальтон, который впервые использовал эмпирический подход к решению проблемы способностей, одаренности, таланта, предложивший основные методы и методики. Он полагал, что основным фактором в определении пути развития способностей является соотношение наследственности и среды, при этом первопричиной тех или иных способностей выступает наследственность. Ф. Гальтон считал, что, изучая параметры простейших психических процессов, можно определить степень развития творческих способностей.

В рамках психоаналитического подхода не велось специальных исследований творческого мышления, однако в русле психоанализа впервые говорится о влиянии бессознательного на мыслительный процесс. При этом психоанализ занимает жесткую позицию по отношению к природе творческих способностей: ориентация на прошлое и недооценка сознательной активности в реализации творческого потенциала [6]. По мнению основоположника психоаналитического подхода З. Фрейда половое влечение, не находя прямого выхода, смещается (процесс сублимации) в сторону социально одобряемой деятельности, в том числе и творческой.

К. Юнг также понимал творчество как одно из стремлений либидозной энергии. Он видит в творческом акте реализацию принципов коллективного бессознательного в форме архетипов, заполненных в некоторой степени индивидуальным содержанием, вытекающем из опыта творца и наличной ситуации.

Творчество в социокультурном аспекте представлено в концепции А. Адлера. Одним из основных достижений А. Адлера в сфере исследования творчества и творческой личности можно считать его концепцию творческого «Я». По его мнению, вся структура личности человека и стиль его жизни формируются под влиянием его творческих способностей, что является продуктом социального самовыражения и специфическим способом компенсации комплекса неполноценности [12].

Представители гуманистического направления (Г. Олпорт, А. Маслоу) в изучении творческого мышления также ориентировались на личностные факторы. Прослеживая связь между творческой активностью и самоактуализацией личности, проявляющейся в стремлении к максимальной реализации своего творческого и личностного потенциала. А. Маслоу, опираясь на изучение биографий людей, знаменитых своими творческими достижениями, выделил характерные черты творческой личности [19]:

- расширенное восприятие реальности;
- высокий уровень принятия себя, других и природы;
- высокий уровень спонтанности;

- центрация на проблеме, а не на себе;
- повышенное стремление к обособленности и потребность в личностном пространстве и уединении;
- повышенная автономия и сопротивление «окультуриванию»;
- свежесть оценок и богатство эмоциональных реакций;
- высокая частота пик-переживаний;
- усиленная идентификация с человеческим родом;
- измененные (улучшенные) межличностные отношения;
- более демократическая структура характера;
- очень высокий уровень креативности;
- соответствующие изменения в системе ценностей [3].

В современных научных школах и направлениях психологии творчества исследуются различные аспекты развития способностей человека, продуктивности мышления, креативности личности, рефлексивности индивидуальности и т.п. [15] Многие авторы отмечают, что основы формирования гармоничной личности закладываются именно в дошкольном возрасте, так как в этот период дети располагают значительными резервами развития, у них не сформировано критического отношения ко всему тому, что вокруг происходит, а степень принятия всего нового высока [5]. Поэтому воспитание творческой личности, развитие у дошкольников способности к творческой деятельности, центральным звеном которой является творческое мышление, имеет особую актуальность и является одной из главных целей системы образования.

Известно, что развитие творческого мышления и креативности происходит и через эмоции. На сегодняшний день существует достаточно большое количество психологических теорий эмоций, и они могут быть условно разделены на несколько групп: теории эмоций в рамках классических школ психологии, фрустрационные теории и потребностно-мотивационные теории. Различия в представлениях об эмоции в теориях классических психологических школ позволяют проследить изменения, коснувшиеся понятия эмоционального явления с конца XIX в. [1] Можно отметить, что эмоция, как особый тип знания, дает человеку возможность успешно адаптироваться к условиям окружающей среды и соотносится с категорией интеллекта, что послужило одной из предпосылок выделения в конце XX в. в зарубежной психологии идеи «эмоционального интеллекта». В рамках западной психологии активно разрабатывалась проблема эмоционального интеллекта. Теория эмоционально-интеллектуальных способностей Дж. Майера, П. Саловея, Д. Карузо, теория эмоциональной компетентности Д. Гоулмена, некогнитивная теория эмоционального интеллекта Р. Бар-Она предлагают интересные решения многих теоретических и практических проблем эмоционального интеллекта [12]. Однако следует отметить, что до выхода в свет работ Дж. Гилфорда интерес зарубежных ученых к исследованию творческих способностей и творческого мышления был незначительным. Именно Дж. Гилфорд выделил креативность как универсальную познавательную творческую способность. Основанием концепции креативности явилась кубообразная модель структуры интеллекта: «материал – операции – результаты», разработанная Дж. Гилфордом ранее [6].

Под творческим (дивергентным, креативным) мышлением Дж. Гилфорд понимал систему качественных различий способностей, которые располагаются внутри общей модели интеллекта. Дж. Гилфорд указал на принципиальное различие между двумя типами мыслительных операций: конвергенцией и дивергенцией. Конвергентное мышление актуализируется в тот момент, когда при решении задачи человеку надо на основе множества условий найти единственно верное решение. В отличие от него дивергентное (творческое) мышление Дж. Гилфорд определял как разнонаправленное мышление. Такой тип мышления предполагает многовариантность путей решения проблемы, приводя к неожиданным выводам и результатам.

Дж. Гилфорд выделил четыре основных фактора дивергентного мышления:

- оригинальность – способность продуцировать необычные ответы;
- семантическая (обозначающая) гибкость – способность выделить функцию объекта и предложить его новое применение;
- образная адаптивная гибкость – способность изменить стимул таким образом, чтобы увидеть в нем новые возможности;
- семантическая спонтанная гибкость – способность продуцировать своеобразные идеи в сравнительно неограниченной ситуации.

В соответствии с этим творческое мышление оценивается по гибкости и легкости порождения связанных с проблемой идей в зависимости от разнообразия и количества этих идей. На основе данных теоретических предпосылок Дж. Гилфордом и его сотрудниками были разработаны тесты программы исследования способностей, тестирующие преимущественно дивергентную продуктивность [6].

Дальнейшее развитие эта программа получила в исследованиях Е.П. Торренса. Под креативностью (или творческим мышлением) Е.П. Торренс понимал способность к обостренному восприятию недостатков, пробелов в знаниях, дисгармонии и т.д. Он считал, что творческий процесс включает восприятие проблемы, поиск решения, возникновение и формулировку гипотез, проверку гипотез, их модификацию и нахождение результата. Идеальный, по Е.П. Торренсу, тест должен тестировать протекание всех указанных операций, однако, в реальности ученый ограничился адаптацией и переработкой методик, разработанных Дж. Гилфордом. В состав доработанной им батареи входит 12 тестов («от дошкольников до взрослых»), сгруппированных в три серии и диагностирующих, соответственно, словесное творческое мышление, изобразительное творческое мышление и словесно-звуковое творческое мышление. При этом оценивается беглость, разработанность, гибкость и оригинальность ответов. Именно Дж. Гилфордом и Е.П. Торренсом впервые был применен психометрический метод для изучения творческого мышления [4].

Творческое мышление, по определению американских психологов Г. Линдсей и Р. Томпсон, есть мышление, результатом которого является открытие принципиально нового или усовершенствованного решения той или иной задачи. Творческое мышление направлено на создание новых идей, поэтому человек должен научиться предоставлять своим мыслям полную свободу и не пытаться направлять их по определенному руслу. При анализе творческого процесса они выяснили, что существует пять моментов, которые могут препятствовать протеканию данного процесса. Основным барьер – это конформизм. Если первые детские фантазии не находят поддержки у взрослых, может получить развитие боязнь показаться смешным или не очень умным. По этой причине ребенок опасается высказывать необычные, творческие идеи. Второй серьезный барьер для творчества – внутренняя и внешняя цензура. В случае боязни собственных идей люди склонны к пассивному реагированию на внешние стимулы и не пытаются творчески решать возникающие проблемы. Третий барьер – ригидность, что означает недостаточную подвижность, переключаемость, трудности адаптации мышления к меняющимся требованиям среды. Четвертым препятствием является желание найти ответ немедленно. Чрезмерно высокая мотивация часто способствует принятию не продуманных, неадекватных решений, что и становится тормозом в развитии творческого начала. И, наконец, пятое препятствие на пути к творчеству – неспособность к оценочным суждениям по отношению к собственным идеям [13].

Следует отметить, что зарубежные исследователи творчества употребляют такое понятие, как креативность, которое было введено и описано Дж. Гилфордом, и отождествляют его с понятием творческих способностей и творческого мышления. То есть креативность

понимается, как способность к проявлению творческой активности и связана с различными чертами личности.

В отечественной психологической науке идею единства аффективных и интеллектуальных процессов, принадлежащую Л.С. Выготскому, развивали С.Л. Рубинштейн (интеллектуальный процесс невозможен без участия эмоций) и А.Н. Леонтьев (мышление имеет эмоциональную (аффективную) регуляцию). Одним из первых отечественных исследователей эмоционального интеллекта стал Д.В. Люсин, представивший двухкомпонентную теорию данного феномена. С.С. Степанов отмечал корреляцию эмоционального интеллекта с определенными жизненными успехами. [18] И.Н. Андреевой рассмотрены предпосылки развития эмоционального интеллекта, гендерные различия в выраженности компонентов эмоционального интеллекта, а также возможности развития эмоционального интеллекта в процессе психологического тренинга [9]. В отечественной психологии проблема творчества и творческих способностей изучалась многими психологами – Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном, Я.А. Пономаревым, Д.Б. Богоявленской, А.Н. Луком, В.Н. Дружининым, Л.Б. Ермолаевой-Томиной, П.В. Симоновым, Б.М. Тепловым и др.

Л.С. Выготский о проблеме творчества писал: «Творческой деятельностью мы называем такую деятельность человека, которая создает нечто новое, все равно, будет ли это созданное творческой деятельностью какой-нибудь вещью внешнего мира или известным построением ума или чувства, живущим и обнаруживающимся только в самом человеке. Всякая такая деятельность человека, результатом которой является не воспроизведение бывших в его опыте впечатлений или действий, а создание новых образов или действий, и будет принадлежать к этому второму роду творческого или комбинирующего поведения. Мозг есть не только орган, сохраняющий и воспроизводящий наш прежний опыт, он есть также орган комбинирующий, творчески перерабатывающий и созидающий из элементов этого прежнего опыта новые положения и новое поведение. Если бы деятельность человека ограничивалась одним воспроизведением старого, то человек был бы существом, обращенным только к прошлому, и умел бы приспособляться к будущему только постольку, поскольку оно воспроизводит это прошлое. Именно творческая деятельность человека делает его существом, обращенным к будущему, созидающим его и видоизменяющим свое настоящее» [4]. Таким образом, Л.С. Выготский связывает творческий вид деятельности с воображением, богатство которого напрямую зависит от разнообразия и наполненности прошлого опыта человека. Это, в свою очередь, указывает на важность воздействия социальных факторов на творческой деятельности человека. Также Л.С. Выготскому принадлежит тезис о единстве аффекта и интеллекта, который в приложении к психологии творчества выразился в утверждении о том, что между фантазией и реальностью, помимо социальной связи, существует и другая форма – эмоциональная связь. Разработка данных положений позволила вывести психологию творчества за рамки узкокогнитивного подхода [20].

Данному пониманию творческой деятельности созвучно определение С.Л. Рубинштейна: «Творчество – деятельность человека, созидающая новые материальные и духовные ценности, обладающие общественной значимостью» [14].

Основателем психологии творчества как отдельной отрасли психологического знания в отечественной психологии является Я.А. Пономарев. Им была разработана целостная концепция творчества, где творчество определяется как производная интеллекта, преломленного через мотивационную структуру, которая либо тормозит, либо стимулирует его проявление. Применяя системный подход к изучению творчества, Я.А. Пономарев сформулировал важный принцип формирования, развития и реализации творческих способностей – закон ЭУС (этапы, уровни, ступени): в развитом психологическом механизме поведения этапы его развития, трансформируясь, превращаются в структурные уровни его организации и выступают как

функциональные ступени решения творческих задач. Системный фактор здесь – способность действовать «в уме» (СДУ), определяемая высоким уровнем развития внутреннего плана действий [13]. Интуитивный и логический компоненты творческого процесса действуют в единстве. Функция интуитивного (бессознательного) – созидание нового, функция логического (рационального, рефлексивного) – его выявление и оценка. Критерием творческого действия, по Я.А. Пономареву, является уровневый переход: потребность в новом знании складывается на высшем структурном уровне организации творческой деятельности, а средства удовлетворения этой потребности – на низших уровнях. Они включаются в процесс, происходящий на высшем уровне, что приводит к возникновению нового способа взаимодействия субъекта с объектом и возникновению нового знания. Тем самым творческий продукт предполагает включение интуиции (роль бессознательного) и не может быть получен на основе логического вывода [13]. Также, согласно концепции Я.А. Пономарева, с творческой активностью сопряжены два индивидуальных свойства – насыщенность поисковой мотивации и чувствительность к побочным образованиям, появляющимся в мыслительном процессе [14].

Кроме того, в своих трудах Я.А. Пономарев указывает и на эмоциональные компоненты творческого мышления, выделяя пять этапов развития внутреннего плана действий в онтогенезе. По мере «продвижения» по структурным уровням организации мышления роль непосредственно объективного контроля и субъективной эмоциональной оценки уменьшается, а роль субъективного контроля и объективной оценки, напротив, возрастает [9].

Отдельное внимание при изучении «творчества» в отечественной психологии творчества уделяется аспекту творческого мышления – интеллектуальной активности. В.А. Петровский для характеристики механизма творческой активности ввел принцип надситуативной активности. Он постулирует способность субъекта подниматься над уровнем требований ситуации, ставить цели, избыточные с точки зрения исходной задачи. Посредством этого субъект преодолевает внешние и внутренние ограничения («барьеры») деятельности. Категория надситуативной активности применима к человеку как субъекту (то есть источнику собственной активности). Таким образом, творческая активность понимается В.А. Петровским как избыточная по отношению к стимулу деятельность, которая характеризуется самостоятельностью выбора объекта мышления, выходом за пределы задания, преобразованием задания и стимула, то есть творчество является не стимулируемой извне преобразующей и поисковой активностью [12].

Д.Б. Богоявленская различает эти два понятия – мышление и интеллектуальная активность, – не отождествляя их. Интеллектуальная активность предполагает нестимулированную извне деятельность, проявляющуюся в стремлении выйти за пределы заданной проблемы, в то время как мышление стремится к решению задачи и конечному результату (нахождению правильного решения). Интеллектуальная активность выступает системообразующим фактором творчества, и в проявлении её задействованы все уровни личности, прежде всего, мотивационно-ценностные. Ведь именно выход мышления за пределы заданных требований и есть проявление внутренней познавательной мотивации. Д.Б. Богоявленской был разработан метод диагностики «Креативное поле». В результате исследований с использованием данного метода были выделены три уровня интеллектуальной активности: стимульно-продуктивный, эвристический и высший уровень – креативный. В ее эмпирических исследованиях соотношения генетических и средовых факторов в формировании интеллектуальной активности было выявлено, что доля средовых влияний в образование фенотипической дисперсии признака определенно превышает вклад генетических факторов [2].

А.М. Матюшкин, опираясь на работы многих исследователей (Н.С. Лейтес, В.М. Теплов, В.А. Крутецкий, Е.И. Игнатъев, Э.А. Голубева, В.М. Русалов, И.В. Равич-Щербо, А.В. Запорожец, Н.Н. Поддъяков, А.В. Брушлинский, Т.В. Кудрявцев, Дж. Берлайн, Я.А. Пономарев

и многие другие), пытается обосновать следующую синтетическую структуру творческой одаренности, включающую:

- доминирующую роль познавательной мотивации;
- исследовательскую творческую активность, выражающуюся в обнаружении нового, в постановке и решении проблем;
- возможности, достижения оригинальных решений;
- возможности прогнозирования и предвосхищения;
- способности к созданию идеальных эталонов, обеспечивающих высокие эстетические, нравственные, интеллектуальные оценки [11].

Таким образом, полученные результаты, указывая на принципиальную взаимосвязь активности личности в области мыслительной деятельности и в сфере субъект-субъектных отношений, позволяют установить общность происхождения интеллектуальной инициативы личности и ее социальной активности и раскрывают положение о том, что в основе интеллектуальной активности лежит отношение человека к миру [2; 20].

В эмпирических исследованиях проявления творческой активности Л.Б. Ермолаевой-Томиной была выявлена избирательность его проявления – в зависимости от форм, содержания задания, от его трудности и провокации на самостоятельность решения. Проявление творческой активности человека не связано с социальными условиями его воспитания, не имеет жесткой психофизиологической детерминации и не отражается в типичности личностных проявлений. Единственными общими чертами творчески активных людей являются ярко выраженная индивидуальность и эмоциональная гибкость [7].

А.Н. Лук, обобщая исследования, сделанные до середины XX в., выделил слагаемые продуктивного (творческого) мышления [10]:

- способность к свертыванию мыслительных операций;
- умение отделить специфический аспект проблемы от неспецифического, переносимого в другие области;
- широко распределенное внимание повышает шансы на решение проблемы;
- готовность памяти «выдать» нужную информацию в нужную минуту;
- легкость ассоциирования и отдаленность ассоциированных понятий, «смысловое» расстояние между ними;
- гибкость мышления;
- способность вовремя отказаться от скомпрометированной гипотезы;
- способность к оценочным действиям, выбору одной из многих альтернатив до ее проверки;
- способность к сцеплению, то есть способность объединять воспринимаемые раздражители, увязывая новые сведения с прежним личностным опытом;
- легкость продуцирования новых идей;
- вербальная беглость, иными словами легкость словесного формулирования идей;
- способность к доведению до конца.

В.Н. Дружининым была предложена «модель интеллектуального диапазона», согласно которой у людей, имеющих одинаковый интеллект, продуктивность деятельности зависит от характера мотивации и степени интереса к задаче. С помощью данной модели возможно системно проанализировать важнейшие факторы творческой и мыслительной деятельности человека:

- уровень интеллекта (измеренного с использованием психометрических методов);
- индивидуальную продуктивность субъекта в различных видах деятельности (творческой, профессиональной, учебной);
- «нижний» и «верхний» пороги индивидуальных интеллектуальных достижений человека.

На основе данной модели В.Н. Дружинин формулирует основные тезисы: успешность вхождения человека в деятельность определяется только уровнем его интеллекта и сложностью этой деятельности; конкретные успехи и достижения в какой-либо деятельности зависят от показателей мотивации и компетентности субъекта, связанных с содержанием этой деятельности; предельный уровень индивидуальных интеллектуальных достижений человека не зависит от трудности деятельности и ее содержания, а зависит только от уровня его индивидуального интеллекта [20].

В экспериментах под руководством В.Н. Дружинина в лаборатории психологии способностей Института психологии РАН были выявлены [6]:

- специфические особенности динамики креативности (вслед за ее резким подъемом следует некоторое понижение);
- эффекты невротизации и нарушения равновесия, обусловленные ее повышением;
- различные пути восстановления баланса после «скачка» креативности;
- типология субъектов творческой деятельности в зависимости от их эмоциональных реакций на повышение креативности.

Таким образом, в исследованиях отечественных и зарубежных психологов подчеркивается роль бессознательных процессов в творчестве. Как видно из анализа, в отечественной психологии данная проблема является более разработанной и существует концепция П.В. Симонова, о том, что в основе высших проявлений творчества лежит сверхсознание. П.В. Симонов отмечает: «Сверхсознание – неосознаваемые первоначальные этапы любого вида творчества, рождения гениальных догадок, внезапных озарений» [16]. Сверхсознание – неосознаваемое рекомбинирование ранее накопленного опыта, который пробуждается и направляется доминирующей потребностью в поиске средств ее удовлетворения. Неосознаваемые компоненты, базирующиеся на биологически детерминированной необходимости в творчестве, трансформируются в потребности в определенной форме деятельности, превращаются для человека в осознанную цель, которая способствует включению сверхсознания. Неосознаваемость этих первоначальных этапов всякого творчества представляет собой защиту рождающихся гипотез и замыслов от консерватизма и чрезмерной критичности сознания, от догматизма прочно усвоенных норм. Оно совмещает все уровни работы мозга до уровня интуиции, то есть одномоментного познания целого и сущного. Таким образом, именно механизмами сверхсознания творческое начало представлено в деятельности мозга [16].

В исследованиях Д.В. Ушакова отмечены особенности творческого мышления в русле структурно-динамической теории, в соответствии с которой психологические механизмы мышления являются прижизненно формируемыми, а эмпирически выявленная структура интеллекта обусловлена процессами его формирования. В связи с этим актуальной проблемой оказывается не только выявление существующих на данный момент интеллектуальных процессов, но и реконструкция всего пути развития данных процессов [6].

В основе смысловой теории мышления (СТМ), которая была предложена О.К. Тихомировым и получила развитие в его работах и исследованиях его учеников, лежит тезис А.Н. Леонтьева о потенциально творческой сути любой деятельности человека, поскольку в ходе ее осуществления формируются новообразования как «на полюсе объекта», так и «на полюсе субъекта». При этом, чем больше деятельность преобразует не только внешний мир, но и ее носителя, тем более творческой она является. Значимость исследований школы О.К. Тихомирова в области психологии творчества связана с тем, что в них рассматриваются конкретные механизмы творческого мышления, а также новообразования, формирующиеся у человека в ходе творческой деятельности и меняющие его самого [20].

В русле смысловой теории мышления изучаются формы и механизмы взаимодействия осознаваемых и неосознаваемых процессов творческой деятельности; раскрыта роль прошло-

го опыта в реализации творческой деятельности; когнитивные и эмоционально-личностные аспекты творчества рассматриваются в функциональном единстве – именно взаимосвязь аффекта и интеллекта детерминирует творческий процесс; изучается влияние мотивационной структуры на мыслительный процесс. Формулируется важный вопрос «об общих и специальных особенностях включения эмоциональных механизмов в управление деятельностью и взаимодействии качественно различных эмоциональных явлений» [9].

В целом, большинство из отечественных исследователей в изучении творчества в той или иной степени ориентируются на системный подход, что обусловлено опорой на культурно-историческую концепцию Л.С. Выготского и процессуально-деятельностную парадигму (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), которые изначально предполагают комплексный анализ творческого процесса и личности творца на различных уровнях [2]. Очевидно, что способность человека к творческому мышлению обусловлена наличием у него наряду с другими и такого фактора, как развитый эмоциональный интеллект.

Несмотря на очевидность своей значимости, к сожалению, в научной литературе, посвященной вопросам формирования творческого мышления в практике образовательного процесса, недостаточно разработаны методики в этом контексте, что влияет на качество работы по развитию творческого мышления.

В настоящее время исследования в области психологии творчества носят системный характер и рассматривают процесс творчества в неразрывной связи личностного и процессуального его аспектов. Наиболее перспективными и актуальными являются исследования по поиску интегрального показателя, характеризующего творческую личность, что позволит подготовить программы по развитию творческого мышления. Кроме того, теоретический анализ показал, что важно изучать процесс творчества именно в связи с параметрами эмоциональной сферы и, в частности, с таким конструктом личности, изучение которого ведется сравнительно недавно, как эмоциональный интеллект.

Библиографический список

1. Алферова М.А., Аристова И.Л. Эмоциональный интеллект и психологические теории эмоций // *Universum: психология и образование*. 2017. № 12 (42).
2. Богоявленская Д.Б. *Психология творческих способностей: учебное пособие для студентов высших учебных заведений*. М., 2002.
3. Владимирова Ю.В. Ретроспективный анализ изучения феномена самореализации личности // *Вестник Башкирского университета*. 2014. № 2. Т. 19.
4. Дорфман А.Я., Ковалева Г.В. Основные направления исследований креативности в науке и искусстве // *Вопросы психологии*. 1999. № 2.
5. Джигоева Г.Х., Джигоева А.Р. К вопросу о формировании личности ребенка дошкольного возраста // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2018. № 1(22). Т. 7.
6. Дружинин В.Н. *Психология общих способностей*. СПб., 2002.
7. Ермолаева-Томина Л.Б. Опыт экспериментального изучения творческих способностей // *Вопросы психологии*. 1977. № 4.
8. Иванов В.П. *Человеческая деятельность – познание – искусство*. Киев, 1997.
9. Карпов А.В. *Психология эмоционального интеллекта: теория, диагностика, практика*. Ярославль, 2008.
10. Лук А.Н. *Мышление и творчество*. М., 1976.
11. Моляко В.А. Проблемы психологии творчества и разработка подхода к изучению одаренности // *Вопросы психологии*. 1994. № 5.
12. Петровский В.А. *Психология неадаптивной активности*. М., 1992.
13. *Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная*. М., 1990.

14. Саидова З.Х. Основные направления исследования творческого мышления в отечественной и зарубежной психологии // Молодой ученый. 2015. № 23.
15. Семенов И.Н. Современные исследования творческого мышления и креативности личности в научной школе рефлексивной психологии // Институт психологии российской академии наук. человек и мир. 2017. № 1. Т. 1.
16. Симонов В.П. Мозг и творчество // Вопросы психологии. 1992. № 11.
17. Ручкова Н.А., Ледовских И.А. Определение понятия «творческое мышление» в научной литературе по психологии // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2010. № 3. Т. 16.
18. Фомина Н.И. Эмоциональный интеллект как предмет психологического исследования // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2011. № 23.
19. Шарипов Ф.В. Психолого-педагогические аспекты развития креативности учащихся // Успехи современного естествознания. 2014. № 10.
20. Яголковский С.Р. Психология креативности и инноваций: учебное пособие. М., 2007.

Е.Н. Скрипачева

кандидат психологических наук

доцент кафедры психолого-педагогических и театральных дисциплин

Московский информационно-технологический университет –

Московский архитектурно-строительный институт

E-mail: pks_dialog@mail.ru

ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПЕРИОД РАННЕЙ ЗРЕЛОСТИ ЛИЧНОСТИ

Е.А. Лесникова, Е.Н. Скрипачева, Н.Ф. Ефремова

Аннотация. В данной статье авторы представили период ранней взрослости как наиболее значимый для становления личностной идентичности. Особое внимание авторов направлено на кризисный характер данного возраста, что вносит определенные психические состояния, некоторые из них отмечаются как острые кризисные, что, безусловно, влияет на блокировании целенаправленной жизнедеятельности человека.

Ключевые слова: ранняя зрелость, развитие идентичности, ранняя взрослость.

THE PROCESS OF IDENTITY FORMATION DURING THE PERIOD OF EARLY MATURITY OF AN INDIVIDUAL

E.A. Lesnikova, E.N. Skripacheva, T.F. Efremova

Abstract. In this article, the authors have presented the period of early adulthood as the most significant for the formation of personal identity. Special attention of the authors is paid to the crisis nature of this age, which involves certain mental states, some of which they are marked as acute crisis, which, of course, affects the blocking of purposeful human life activity.

Keywords: early maturity, identity development, early adulthood.

Теоретический анализ показал, что изучение вопроса об идентичности личности имеет многовековую историю. Прежде всего, это связано с тем, что изучение идентичности помогает определить жизненную позицию человека. Однако постоянные многочисленные изменения в социальном укладе деятельности общества, изменение общественных обычаев приводит к смене ролей в обществе, а также к смене психологических установок. Все это влияет на идентификацию человека и часто приводит к кризису идентичности. В отечественной психологии проблеме становления идентичности посвящены работы К.А. Абульхановой-Славской, Н.В. Антоновой, М.Р. Гинзбурга и других авторов, но чаще взгляд исследователей направлен на подростковый возраст, что не дает полной картины развития идентичности в ранней зрелости. Именно поэтому объединение нескольких теорий о процессе становления идентичности в данный период является актуальным [3; 9; 8].

Понятие «период взрослости» представлено наиболее продолжительным периодом онтогенеза. Многие исследователи отмечают дискуссионность вопроса периодизации [7; 8; 9; 10]. Период ранней зрелости в целом охватывает период от 20–25 лет до 35 лет. Классифицируют три этапа взросления:

- раннюю взрослость (молодость);
- среднюю взрослость (зрелость);
- позднюю взрослость (старение и старость) [4].

С разных научных позиций – философии, педагогики, психологии и пр. – этапы взросления имеют свои задачи и функции. Например, чаще всего, молодость – время для создания

семьи и устройства семейной жизни. В то же время именно в этот период молодые люди осваивают профессию и осуществляют первые значимые достижения в ней [2; 3; 4; 9]. В этот период наиболее доступны самые сложные виды профессиональной деятельности, интенсивней происходит общение, максимально просто устанавливаются и полно развиваются отношения любви и дружбы.

Как было отмечено ранее, ученые не солидарны в том, какие именно возрастные рамки соответствуют тому или иному периоду развития личности [9]. Возрастные границы зрелости в трактовке разных ученых показаны в *таблице 1*.

Таблица 1

Возрастные границы зрелости

Автор	Возрастные границы зрелости	
	ранняя зрелость, лет	поздняя зрелость, лет
Биррен Д.	17–25	50–75
Бромлей Д.	21–25	40–55
Бунак В. В.	25–35 (м.)	После 35 (м.)
	20–30 (ж.)	После 30 (ж.)
Бюлер Ш.	25–45	45–65
Гинзбург В. В.	24–40	45–50
Годфруа Ж.	20–40	40–60
Векслер Д.	20–35	46–53
Карандашев Ю. Н.	20–28	36–44
Крайг Г.	20–40	От 60 и далее
Левинсон Д. (Levinson D. J.)	17–45	От 60 и далее

Как видно из *таблицы 1*, граница периода ранней зрелости с 17 лет в исследованиях Д. Биррена и Д. Левинсона [13; 4]. Другие ученые полагают, что период ранней зрелости может начинаться в возрасте 20, 21, 24, 25 лет, при этом 25 лет (согласно Ш. Бюлеру) – это самый поздний возраст начала зрелости. Окончание периода ранней зрелости приходится на возраст от 25 до 45 лет. Исследователи, которые склонны считать, что период ранней зрелости заканчивается в возрасте 25 лет – Д. Биррен, Д. Бромлей [8]. При этом Ш. Бюллер и Д. Левинсон полагают, что период ранней зрелости может заканчиваться в возрасте 45 лет.

Рассмотрим некоторые представления ученых о ранней зрелости:

Период ранней зрелости характеризуется завершением перехода от юности к статусу зрелости. Начало взрослого бытия внутренне воспринимается как положительное чувство, исчезают сомнения и временность юности, человек занят строительством своего будущего. В эту возрастную фазу человек применяет всю информацию, которую он приобрел о социальных ролях взрослых, к себе. Он заканчивает учебу, приобщается к трудовой деятельности, вступает в брак, заводит детей, определяет общий стиль жизни и конкретные задачи на будущее, устанавливает круг друзей различной степени близости, корректирует ценностные ориентации в соответствии с новым «взрослым» статусом и новыми жизненными планами. Опыта взрослой жизни еще мало, поэтому молодой человек поступает иногда импульсивно, необдуманно, совершая ошибки, принимая неправильные решения и делая неправильные выборы. Главная цель молодости, по мнению А.В. Толстых, заключается в реализации возможностей саморазвития.

Согласно модели развития взрослых Р. Хейвигхерста, задачами ранней зрелости являются: выбор супруга(и), подготовка к супружеской жизни, создание семьи, воспитание

детей, ведение домашнего хозяйства, начало профессиональной деятельности, принятие гражданской ответственности, нахождение соответствующей социальной группы [14].

Ранняя взрослость насыщена значимыми событиями, влияющими так или иначе на ход жизни. По мнению Э. Эриксона, главная проблема, требующая своего разрешения, – это противоречие между близостью и изоляцией. Близость требует установления приносящих взаимное удовлетворение тесных отношений с другим человеком, которые возможны лишь при достижении идентичности, когда не возникает риск потерять себя при единении с другим. Если человек на данной стадии не способен установить глубокие личные связи, не способен достичь взаимности, то, чувствуя барьер между собой и другими, будет переживать изоляцию [12].

Вслед за Э. Эриксоном, многие авторы отмечают взаимосвязь идентичности и возраста. Так, размышляя о периоде ранней зрелости, Сесиль Ван де Вельде предлагает следующее понимание идентичности: «процесс индивидуализации к субъективному и потенциально обновлённому горизонту». То есть он понимает под поиском идентичности расширение горизонтов. Взрослый возраст был бы более неопределённым не только потому, что период зависимости удлинился, а возраст ответственности задерживается, но и потому, что его представленность менялась, от «материальной независимости» до «идентичной самостоятельности», к построению, длительному и незаконченному процессу. С. Ван де Вельде предлагает отличать автономию от независимости, включив одну в реестр идентичности, а другую – в материальный реестр. При этом в периоде ранней зрелости выделяется критерий самостоятельности, а также критерий индивидуальности, отличия себя от других, что также входит внутрь структуры идентичности.

В своих работах по исследованию идентичности у студентов В. Цицелли и В. Эрлих также развивают эти два момента, чтобы понять двойную сдержанность, в которой молодежь в настоящее время оказывается с удлинением обучения – между всеобщим запретом на автономию и множественными препятствиями независимости. Скрещивая некоторые объективные измерения автономии с ценностью того, что каждый человек получает свою самостоятельность, они определяют четыре популяции (теоретически), три – на практике. Среди них выделяют полностью автономных личностей; личностей, которые нуждаются в поддержке; личностей, которые сохраняют материальную и психологическую зависимость. Это свидетельствует о том, что автономия имеет неоднозначное значение для оценки различных аспектов и что к ней необходимо подходить с точки зрения динамического подхода. Заинтересовавшись вопросами идентичности личности, исследователь К. Ван де Вельде по двум причинам вписывается в интересную перспективу. Она ставит вопрос о более субъективном, чем объективном плане, и тем самым автономия всегда строится, когда независимость предполагает идею достижения, завершения. В этой перспективе взрослый человек, как правило, воспринимается как далёкий, или даже недоступный термин длительного процесса идентичного построения, а не как получение статуса независимости и стабильности. Следует избегать научного подхода, который отрицательно обозначает переходные периоды. Вопрос о создании личности не следует рассматривать под прикрытием, что молодежь еще не полностью выполняет роль взрослого человека, объективные контуры которого обязательно размыты [3].

Вопросы идентичности личности в период ранней зрелости изучаются меньше, чем этапы вступления в зрелый возраст, которые считаются более объективными, и поэтому их легче определить и измерить, несмотря на ранее отмеченные трудности. Социологические размышления об идентичности, однако, напоминают о необходимости объективной оценки своих субъективных оценок. Поэтому представляется важным дополнить описание объективных форм взросления его субъективными составляющими, также социально построенными. Как и на протяжении всей жизни, чувство зрелости взрослого человека далеко не однородно среди молодых людей. Некоторые ученые полагают, что данное чувство не имеет линейных

отношений ни с физическим возрастом отдельных лиц, ни даже с их положением в жизненном цикле. С помощью группы молодых людей, вышедших из системы среднего образования, исследователь К. Бидарт показывает, что переход различных этапов вступления в жизнь не сопровождается пропорциональным увеличением впечатления о том, что она стала взрослой. Большинство этапов, которые являются ключевыми для периода ранней зрелости, таких, как уход от родителей (сепарация), вступление в профессиональную жизнь, финансовая независимость и т.д., необходимы, но в значительной степени недостаточны для того, чтобы молодые люди могли заявлять о себе как о взрослых. Это чувство, напротив, основано на завоеваниях различных регистров – социальных достижений, навыков, личностных изменений – по-разному отбираемых и организуемых людьми в зависимости от их пути, социального происхождения и пола.

Последователем теории Э. Эриксона М. Марши представлена модель устава личности. Для него идентичность – внутренняя организация, построенная самостоятельно, динамично, с потребностями, возможностями, верованиями и индивидуальной историей. Это гипотетическая структура (сравнимая с «конфигурацией» Эриксона), за исключением наблюдаемых наборов ответов на решение проблем. В своих исследованиях М. Марша сосредоточил внимание на поведенческом уровне, а именно – на процессах исследования и самореализации. На этом основании он выделил четыре статуса личности:

- совершенная идентичность (*identity achievement*), в которой обязательства лица были взяты после этапа изучения озеленительных альтернативных вариантов;
- мораторий (*moratorium*), где человек активно участвует в процессе разведки;
- предписанная личность (*foreclosure*), где обязательства принимаются без изучения альтернативных вариантов;
- диффузная идентичность (*spread*), в которой человек не имеет обязательств.

Устав представляет собой «способы решения вопроса о личности в подростковом возрасте». Все четыре устава образуют расширение биполярного описания, которое Эриксон давал от исхода подросткового кризиса идентичности (идентичность против распространения идентичности). При этом М. Марша предполагал, что поиски идентичности личности характерны не только для периода подросткового возраста, но также для периода ранней зрелости. На первый взгляд, связь общего определения личности и операционализации Марши может показаться неясной. Ключ к пониманию лежит в концепции «обязательства». С точки зрения внешнего наблюдателя, обязательства того или иного лица включают те области, в которых он является наиболее вовлеченным или вовлеченным. С точки зрения самого человека, его обязательства соответствуют контенту, о котором он заботится и который он больше всего ценит. Независимо от точки зрения, эти обязательства имеют социальное значение и одновременно дают индивидууму определение самого себя. Таким образом, обязательства касаются определения того, что человек делает себя таким же образом, как и признания этого определения другими. По этой причине обязательства могут составлять центральное ядро реляционного определения идентичности.

Несмотря на то, что модель уставов идентичности является типологией исходов подросткового кризиса идентичности, описанного Эриксоном, а не разработанной теорией, были предприняты попытки расположить модель в разработанной перспективе. В последние годы они вызвали серьезные споры, о чем свидетельствует, например, специальный выпуск журнала «*Developmental Review*». В этом номере Уотерман отстаивает идею, что устав личности полезен для описания развития идентичности. В более ранних публикациях он придерживался общей гипотезы о том, что переход от подросткового возраста к взрослому предполагает постепенное усиление чувства идентичности. В процессе своего развития люди могут перейти от одного статуса к другому.

Устав отличается от зрелости, которую они представляют. В этом смысле вещание считается самым низким статусом и идентичностью, реализованной наивысшим статусом. Вместе с тем, не ясно положение предписанной идентичности и моратория между двумя другими статусами – нет уникального ответа на вопрос о том, какой из этих двух уставов является наиболее передовым с точки зрения развития. По этой причине исследователи в области идентичности, как правило, отказываются от идеи о том, что все четыре устава могут быть выстроены вдоль разработанного изначально континуума: D-F-M-A (Difaction-Forclosure-Moratorium-Achieved). Тем не менее, различные последовательные паттерны статусов личности могут рассматриваться как единичные. В том же специальном номере Ван Хуф, не признающий, что устав является полезными понятиями для описания развития идентичности, предлагает, скорее, сосредоточиться на пространственно-временной преемственности идентичности (что человек чувствует и ведет себя сопоставимо в разных ситуациях и в разное время).

Заявление Уотермана о том, что общая гипотеза якобы нашла широкое подтверждение в исследованиях по статусу личности, также стало предметом интенсивного обсуждения в этом специальном номере психологического журнала «Developmental Review». Это, однако, не делает недействительными представленные эмпирические результаты – среди прочих – в этом же номере, которые дают хорошее количество доказательств стабильных или колебательных траекторий, помимо прогрессивных и регрессивных, в формировании идентичности. Именно это сочетание стабильности и изменчивости в развитии нас здесь беспокоит [3; 14; 15; 16; 17].

Различные траектории, обсуждавшиеся до настоящего времени, вытекают из эмпирических исследований, проведенных с использованием всех четырех традиционных уставов идентичности. В публикациях в поддержку дифференциации этих четырех положений по-прежнему освещаются другие направления развития. Крогер сообщает о двух типах уставов предписанной идентичности – одной «фермой» и другой «разработчиком»; первый соответствует очень стабильной траектории, второй прогрессирует к более зрелым статусам. М. Марши сообщает о сопоставимой дифференциации статуса распространения идентичности – стабильности против прогресса развития. Ф. Флум определил новый тип пути.

В исследовании среди старшеклассников он определил отдельную группу с «эволюционным» стилем формирования личности. Эта группа выражала постепенное, несвободное изучение вопросов идентичности. Эти результаты свидетельствуют о том, что существует два пути, которые могут привести к установлению личности: один – с помощью моратория, включая более широкое изучение вопросов идентичности; другой – характеризующийся последовательным исследованием ограниченных и замкнутых секторов конфликта (в отличие от опыта, пережитого широко распространенным ощущением кризиса и путаницы, как это имеет место в мораториальном статусе).

Стивен, Фрэйзер и Марша описывают это как последовательность периодов выполненных моратория и идентичности (циклы M-A-M-A: Moratorium-Achieved): Периоды, когда обязательства удовлетворительны, и периоды, когда их уже недостаточно, что приводит к росту числа конфликтов, ослабляет существующие обязательства и, по сути, возникает новое. Крогер [6] описывает процесс формирования личности в исследовании случая взрослой женщины. Она показывает, как развитие – от статуса личности, предписанного к мораторию, а затем к совершенной идентичности – отражает изменение от идентификации к родительским ценностям до идентичной конфигурации, включающей идентификацию, выбранную самим собой. В ретроспективном исследовании событий, связанных с идентичными переходами, Крогер и Грин показывают, что у взрослых в среде жизни ассоциации между изменением статуса личности и типом события жизни (например, болезнь или смерть, увольнение) сильнее, чем ассоциации между изменением статуса и демографическими переменными.

Одна из категорий жизненных событий называлась «процесс внутренних изменений», что означало самоутверждение, или соглашение с самим собой, без каких-либо важных внешних событий упоминаний. Эта категория связана с половиной или двумя третями всех изменений в Уставе во всех возрастных группах и во всех областях идентичности. Согласно Крогеру и Грину, эти результаты дают поддержку идее, что если социальные обстоятельства ставят общие ограничения вероятностного поведения, то индивидуальные переменные личности играют ключевую роль в прогнозировании курса развития личности человека в молодом возрасте и в середине жизни.

В связи с упомянутой выше дискуссией по вопросу о полезности традиционной модели устава для изучения изменений в развитии, также активно обсуждается еще один вопрос – вопрос о его обоснованности. Ван Хуф считает, что устав неправильно представляет теоретические представления Эриксона. Крогер считает, что устав ссылается на лежащую в основе структуру, в то время как Куннен и Босма считают, что стабильность (и изменение) в личности может быть лучше задумана с точки зрения динамического баланса в системе в непрерывных и взаимных взаимодействиях.

Как отмечалось выше, развитие идентичности иногда обсуждается с точки зрения изменений социального статуса, пространственной и временной преемственности, переменных степеней приверженности и разведки или структурных изменений. Однако все эти концепции касаются изменений в обязательствах. По этой причине обязательства, которые представляют собой центральное значение концепции идентичности, будут в центре подхода к развитию идентичности в динамической системе.

Развитие идентичности в период ранней зрелости можно рассматривать как совокупность изменений, которые происходят в силе и характере обязательств. Обязательства со временем могут измениться. Они могут стать сильнее или слабее, жестче или гибче, их содержание также может изменяться. Изменения в развитии охватывают все аспекты обязательств, включая процесс формирования обязательств. Обязательства, отобранные после периода исследования и проведения экспериментов по альтернативам, как правило, являются более гибкими и адаптивными, чем обязательства, имеющие более «назначенный» характер. Сами по себе обязательства являются индикаторами интернализации саморегулируемых механизмов и представляют собой более зрелый способ психико-социального функционирования. Эти обязательства также могут быть сильными, однако они не обладают гибкостью и адаптивным качеством самостоятельно отобранных обязательств и отражают менее зрелую форму работы.

При рассмотрении вопроса о развитии идентичности в период ранней зрелости эмпирические результаты показывают, что возможны различные направления развития. Они могут характеризоваться растущими обязательствами силы и качества, или падающими, или колебательными, или стабильными обязательствами низкой или высокой силы/качества. Мало что известно об условиях, ведущих к этим различным траекториям идентичности. Также не известны характер и определяющие факторы перехода в процессе развития. Модель статуса личности не дает никакой информации о механизмах, участвующих в таких переходах. Как и когда происходят переходы? Исследователь М. Марша настроен на содержание и структуру. Несмотря на то, что растет интерес к функционалу и процессу, литература по механизмам, управляющим развитием идентичности, в настоящее время является весьма разрозненной. Развитие идентичности все чаще задумывается как результат взаимодействия личности и контекста, однако большинство авторов ориентируются в основном на определяющие, и, чаще всего, внутренние факторы для человека. Лишь немногие исследователи пытались разработать более интерактивную перспективу, принимая во внимание личные факторы, контекстные факторы, а также комбинированные механизмы. Весьма явной концепцией идентичности в период ранней зрелости с точки зрения процесса является концепция Брейк-

велла. Этот автор предлагает эвристическую модель, описывающую, как люди сталкиваются с угрозами своей личности, например, когда они уволены, или страдают от тяжелой болезни и т.д. Она различает два процесса – ассимиляцию и аккомодацию, и оценку. Ассимиляция означает поглощение новой информации в структуре личности; аккомодация относится к корректировке существующей структуры для размещения этой информации. Другой процесс – оценка, который он предполагает присвоение ценности тем элементам, которые ассимилируются в идентичности.

Процессы ассимиляции и оценки не работают в период прохождения коррекционных программ или программ профилактики негативной идентичности. Брейквелл предполагает, что их операция руководствуется правилами или принципами, которые определяют, какие конечные состояния желательны для структуры идентичности. Три из этих принципов – самоуважение, преемственность и дифференциация. Они хорошо отражают, в несколько разных терминах, некоторые основные качества идентичности, такие как пережитое единство и преемственность – быть и оставаться одним и тем же и отдельным человеком. Они менее индикативны к другому балансу, о котором мы говорили выше – к балансу между объективной и субъективной точкой зрения. Поэтому можно было бы добавить, например, «привязанность» (соединение), чувствовать себя частью, принадлежащей.

Несколько авторов в традиции Марша также сформулировали «процессные» модели развития идентичности. Первый подход был сформулирован Гротевантом, который рассматривает развитие идентичности в различных областях (например, семья, школа/работа) и описывает это развитие внутри каждой из областей. Вероятность участия человека в идентификационной работе определяется взаимодействием между индивидуальными характеристиками, контекстными факторами и современными процессами формирования идентичности в других областях. Самоуважение, самоконтроль, устойчивость ко мне, открытость к опыту и информации, когнитивные способности и присутствующая идентичность являются индивидуальными характеристиками, которые, как предполагается, положительно влияют на разведку и развитие идентичности.

В первую очередь контекстуальными факторами являются культурные убеждения и ожидания в отношении идентичности и выбора, о которых говорят основные социальные группы. Другие контекстные факторы касаются семьи. Предполагается, что облегчением разведочного анализа будут способствовать процессы семейного общения, которые оказывают поддержку (приверженность) и стимулируют развитие отдельных точек зрения (индивидуальность). Наконец, в качестве важных контекстных факторов рассматриваются однокурсники, школа и рабочая среда. Они предлагают модели, разнообразие и возможности. Гротевант подчеркивает транзакционный характер процесса: Контекст (среда) постоянно влияет на развивающегося человека, на него также постоянно влияет и он. Ученый К. Керпельман и его коллеги построили на основе модели Гротеванта теорию управления (или кибернетику), основанную на саморегулирующихся системах в области развития личности и становления идентичности. Эта теория подробно уточняет механизмы, вызывающие начало и продолжение исследования, а также появление и эффект консолидации и оценки.

Ученый П.В. Берзонский разработал подробный обзор механизмов процесса формирования идентичности в своих исследованиях «стилей идентичности». Это понятие относится к стабильным межличностным различиям в краткосрочных процессах – к тому, как люди строят и пересматривают или поддерживают чувство идентичности. Несмотря на то, что различные стили связаны с уставом идентичности, П.В. Берзонский рассматривает развитие идентичности не как преемственность стадий, а как долгосрочный процесс, имеющий различные формы в зависимости от стиля обработки информации (стабильного) личности. Люди, имеющие «информационно-ориентированный стиль», активно исследуют и оценивают соответствующую информацию, прежде чем приступить к работе. Они имеют статус, который

представляет собой либо мораторий, либо подлинность. Лица, находящиеся в предписанном статусе личности, ориентируются на нормативные ожидания других значимых и называются «ориентированными на стандарт». Люди, находящиеся в «вещательном» статусе, как правило, задерживают и тянут вещи, пока гедонические ценности в непосредственной ситуации не диктуют им путь поведения. Их «диффузная» ориентация предполагает попытки избежать решения проблем как можно дольше. В формировании личности познавательные схемы и поведенческие сценарии работают в качестве основы для ассимиляции нового опыта и информации. Когда ассимиляция проваливается, в результате возникает диссонанс, который может привести к усилиям по пересмотру соответствующих аспектов идентичности меня. Предполагается, что механизмы ассимиляции действуют относительно автоматически. Хотя такое обращение является очень экономичным, оно может привести к искажениям реальности. При относительно объективном контроле за реальностью «данные» ситуации, возможно, потребуют ответа аккомодации. Поэтому сбалансированное, гибкое использование, механизмы ассимиляции и аккомодации должны обеспечить максимальную эффективность адаптации [2; 15; 17].

Люди, ориентированные на информацию, открыты для обратной связи и готовы пересмотреть свою теорию о себе. Нормативная направленность, вероятно, приведет к более догматической теории в защиту центральных убеждений. Ориентированные на распространение люди дадут хамелеоновые ответы на ситуативные влияния. Однако, вероятно, такие изменения подразумевают эфемерные акты словесного или поведенческого соответствия, а не стабильную когнитивную перестройку последовательной теории самоидентификации. Существуют эмпирические подтверждения гипотез о том, что ориентированный на информацию стиль усиливает строительство хорошо дифференцированной и интегрированной теории самоидентификации, в то время как нормативная ориентация облегчает жесткую организацию, а диффузионная ориентация способствует теории самоидентификации, отсутствующей в последовательности и единстве. Эти структурные особенности, а также содержание в конкретных областях идентичности в свою очередь влияют на направления процесса обработки информации, что свидетельствует о том, как процесс и структура влияют друг на друга.

Таким образом, исследователи идентичности в период ранней зрелости ставят следующие вопросы: к чему относятся люди в течение долгих лет, отделяющих их от детства, от «взрослого» социального возраста, которого они, возможно, никогда не достигнут и которого часть людей не обязательно хочет достичь [8]. Чтобы расширить вопрос об идентичности за пределы единственного чувства – стать или не стать взрослым – необходимо более внимательно рассмотреть сложность идентичности личности в период ранней зрелости.

Можно заключить, что процесс становления идентичности личности в период ранней зрелости – весьма сложный и противоречивый, он включает в себя много факторов, каждый из которых необходимо учитывать лицам помогающих профессий при профилактике негативной идентичности.

Библиографический список

1. Дружинина А.Е., Костенко В.Ю. Личностная зрелость в материалах свободного самоописания: имплицитная теория Рейтера // Пензенский психологический вестник. 2021. № 1 (16).
2. Кузьмин М.Ю. Динамика нормативного кризиса и собственно кризиса идентичности в подростковом возрасте // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2017. № 1 (41).
3. Кунцевич Н.В. Кризис идентичности в юношеском возрасте и факторы его возникновения // Молодой ученый. 2021. № 25 (367).
4. Лесникова Е., Скрипачева Е.Н. Исследование кризиса четверти жизни как особого феномена XXI века // Актуальные вопросы психологической практики: сборник научных статей. М., 2020.

5. *Ольховская С.С.* Переживание кризиса социальной идентичности в период ранней взрослости // Психология человека в образовании. 2021. Т. 3. № 3.
6. *Павлова Н.В.* Негативные коммуникации и кризис идентичности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. XV. Вып. 1.
7. *Самойлик Н.А.* Социально-психологические факторы переживания кризиса идентичности в период юношества // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Психология. 2018. Т. VI. № 2.
8. *Скрипачева Е.Н.* Современное представление о зрелой личности в психологии // Прикладные научные исследования: сборник статей по материалам XXIX Международной научно-практической конференции. Зеленоград, 2018.
9. *Скрипачева Е.Н. Бохан Т.Г.* Психические состояния женщин, переживающих кризис середины жизни (феноменологические характеристики и особенности коррекции) // Акмеология. 2015.-
10. *Солдатова Е.Л.* Кризис перехода к взрослости // Профессиональное образование. 2005. № 11.
11. *Хесле В.* Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 2020. № 10.
12. *Эриксон Э.Х.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
13. *Berzonsky M.D.* Self-construction over the life span: A process perspective on identity formation // G.J. Neimeyer & R.A. Neimeyer (Eds.), *Advances in Personal Construct Psychology*. Greenwich, 2018. Vol. 1. P. 155–186.
14. *Marcia J.E.* Identity in adolescence // J. Adelson (Ed.) *Handbook of adolescent psychology*. New York, 2018. P. 159–187.
15. *Marcia J.E.* Identity Diffusion differentiated // M.A. Luszcz & T. Nettelbeck (Eds.) *Psychological development: Perspectives across the life-span*. Amsterdam, 2019.
16. *Marcia J.E.* The status of the statuses: Research review // J.E. Marcia, A.S. Waterman, D.R. Matteson, S.L. Archer, & J.L. Orlofsky (Eds.) *Ego identity. A handbook for psychosocial research*. New York, 2017. P. 22-41.
17. *Marcia J.E., Waterman A.S., Matteson D.R., Archer S.L., & Orlofsky J.L.* *Ego identity: A handbook for psychosocial research*. New York, 2018.
18. *Van Geert P.L.C.* (2020). *Dynamic systems of development. Change between complexity and chaos*. New York, 2020.
19. *Van Hoof A.* The identity status field re-reviewed: An update of unresolved and neglected issues with a view on some alternative approaches // *Developmental Review*. 2018. 19. 1-60.

Е.А. Лесникова

магистрант

Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт

E-mail: jane9494@rambler.ru

Е.Н. Скрипачева

кандидат психологических наук

доцент кафедры психолого-педагогических и театральных дисциплин

Московский информационно-технологический университет –

Московский архитектурно-строительный институт

E-mail: pks_dialog@mail.ru

Н.Ф. Ефремова

магистрант

Московский информационно-технологический университет –

Московский архитектурно-строительный институт

E-mail: jane9494@rambler.ru

СИМВОЛИЗМ ПЕРВИЧНЫХ КУЛЬТОВ В АСПЕКТЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Л.Н. Бенелли

Аннотация. Традиционные первобытные культы развивались постепенно, вбирая в себя восприятие мира первыми людьми и изменяясь вместе с развитием их общества. Впоследствии – уже как полноценные религии – они влияли на мировоззрение людей как носителей той или иной традиции. В данной статье рассматриваются архаичные символы первичных культов, их дальнейшая трансформация, роль в жизни человека и влияние на общество.

Ключевые слова: аналитическая психология, архаичные символы, культурный код, ритуальная символика.

SYMBOLISM OF PRIMARY CULTS IN THE ASPECT OF ANALYTICAL PSYCHOLOGY

L.N. Benelli

Abstract. Traditional religions, primitive cults evolved gradually, absorbing the perceptions of the world by the first people, and changed along with the development of their society. And later, how full-fledged religions influenced the worldview of people, as carriers of a particular tradition. This article deals with archaic symbols of primary cults, as well as their further transformation, role and influence both in human life and society as a whole.

Keywords: analytical psychology, archaic symbols, cultural code, ritual symbolism.

Согласно взгляду аналитической психологии, основой первобытных культур является не столько окружающая человека реальность, сколько его сознание (Я), через которое человек познавал и осознавал мир. В силу этого, начиная с самых древних времен, сказки, песни, мифы и сказания являются психологическим феноменом и несут в себе культурный код народа. Это не просто способ воспроизведения конкретной истории: культурный код несет в себе частичку восприятия мира, отражение человеческого сознания. Когда речь заходит об историческом процессе, влияние бессознательных механизмов часто игнорируется. Но, несмотря на то, что объединение исторического и психологического знания сопряжено со значительными методологическими трудностями, это не исключает актуальности такого объединения и эффективности его использования.

Еще К.Г. Юнг при исследовании первобытных культов обращал внимание читателя на то, что именно психика человека и его мировосприятие повлияли на выбор символа как образа из внешнего мира, нашедшего отклик в мире внутреннем. По своей сути, человек сам по себе является носителем традиции своей культуры.

Вызывают интерес причины возникновения первичных культов с точки зрения психоаналитической концепции с учётом их роли, трансформации и влияния на жизнь общества в целом. В рамках изучения истории психологические методы впервые открыто были применены М.Л. Серяковым, в дальнейшем элементы психоанализа прослеживаются в трудах Б.А. Рыбакова, выводы в работах которого были схожи во взглядами М.Л. Серякова.

Психоанализ в трактовке культурного явления большое значение придаёт символике. З. Фрейд отмечал, что символика является формой мышления, образным выражением бессознательных желаний, влечений, внутренних конфликтов. К.Г. Юнг выделял символ как образ, имеющий дополнительное, скрытое значение, несущий в себе неявное знание, отражающийся в любых психических проявлениях. Слово или образ, имеющие символическое значение, не могут поддаваться точному определению, так как находятся в области иррационального восприятия. Поэтому как инструмент влияния на людей, все религии мира на протяжении веков используют язык символов, подкрепляемых зрительно и аудиально.

Архаичные символы, рассмотренные в работах Б.А. Рыбакова, основательно укрепились в человеческой культуре: появились в глубинах тысячелетий в первобытных верованиях и обрядах, продолжили себя в славянском язычестве, и пройдя определённую трансформацию, укрепились в христианской православной религии после крещения Руси и истребления старообрядчества.

Первым символом, на который обращает наше внимание Рыбаков, является ромб. Такой узор назван «ромбо-точечным» и имеет множество вариаций, но обязательно включает в себя разделяемый на четыре части X-образный крест; в центре получившихся в результате такого разделения маленьких ромбов обозначалась точка. Узор считался охранным и вышивался на одеждах молодых женщин репродуктивного возраста, обязательно присутствуя и на свадебной одежде. Рыбаков объяснял отождествление этого символа с плодородием и достатком. Касаемо славянского свадебного обряда можно сказать, что там использовались и другая символика плодородия: такая, как преломление обрядового каравая, осыпание хмелем и пшеницей, подстиление соломы.

Интересно происхождение «ромбо-точечного» символа, который соотносят с древним ритуалом, следовавшим за свадебными обрядами. В этом ритуале глава семьи определял участок поселения для строительства нового жилища, и подобно тому, как ранее перпендикулярно друг другу вспахивали поля, он расчерчивал квадрат по всей площади будущего дома, обозначая внутри него четыре квадрата поменьше, в центр которых закладывалось по одному валуну с четырёх разных полей, находившихся с четырёх разных сторон света.

Рыбаков в своей работе относил возникновение и использование подобной ритуальной символики к эпохе Трипольской культуры. Есть предположение, что изначально ромбические узоры, связанные с плодородием и культом земли, появились в пашне и представляли собой не ромбическую форму, а квадратную, в качестве узора борозды на вспаханной земле. С.Н. Бибииков в своих работах сравнивал углы таких узоров с четырьмя сторонами света. Начальная геометрия символа была похожа на «квадрат, поставленный на ребро», но в вышивке и орнаментах чаще мы видим ромбовидную форму. Возможно, это связано с трудоёмкостью воспроизведения первых орнаментов и постепенное искажение символа с течением времени. Этот символ позже прочно вошёл в обиход в качестве обрядового узора, символически связывая человека с силами земли.

Интересное открытие сделала палеонтолог В.И. Бибиикова, заметив особенность структуры дентина в бивнях мамонтов: если производить поперечный либо косой срезы, то явно видно «узор», состоящий из естественного происхождения ромбов, соприкасающихся и надвигающихся друг на друга. Она писала, что первобытный художник стремился сделать фигуры дентина более выраженными: повторяя узор, он стремился отразить «символ силы, мощи, благоденствия и достатка», и соответственно, старался покрывать естественными формами рисунка все изделия. Подобные изображения часто встречаются в палеолите: этот рисунок являл собой ритуал подражания и отражения качеств, присущих мамонту, на предмет или человека, если рисунок был нанесён на тело.

Люди не отделяли себя от внешнего мира и не воспринимали себя как нечто целое. Это выражалось в том, что первобытные люди считали, что помимо обычной «души» имеют «душу», воплощённую в каком-либо звере или растении, символические свойства которого человек желал себе присвоить. В некоторых общинах считалось, что у человека может быть несколько таких «душ». Поэтому неудивительно, что первобытный человек, испытывая перед мамонтом священный трепет и страх, пытался «присвоить» себе некие свойства «силы и мощи», связываемые человеком с этим животным, которое являлось не только источником ценного мяса, но и других не менее важных и жизненно необходимых ресурсов для благополучия всего племени.

Если мы обратим внимание на искусство каменного и бронзовых веков в рамках этого открытия, то обнаружим сохранение и эволюцию символики разорванных зигзагов и меандров, характерных для мамонтового дентина, в виде меандрового коврового и зигзагового узоров.

Меандровый ковровый узор часто встречался на предметах быта, глиняных женских антропоморфных фигурках и различной ритуальной атрибутике. Интересно то, что женщинам, особенно беременным, наносили «татуировки» с помощью печаток с ромбическими узорами, соотнеся вынашивание и рождение детей с плодородием, силой и мощью мамонта.

В дальнейшем магия и ритуальное значение описанного символа перенеслась и укоренилась в земледельческом культе, незначительно дополнив орнамент. Символ стал общепотребимым, воспринимаемым бессознательно, без понимания истоков.

Постепенная утрата тонкостей значения символа видоизменила его: узор приобрел новые элементы в виде «хвостиков» и «крючков», стал включать в себя треугольники по углам, направленные вершинами к центру ромба, представляя собой подобие мальтийского креста.

Отчасти это обусловлено тем, что при обработке материалов различной плотности и фактуры, используемых древними умельцами, орнамент имел острые углы. Погрешности в нанесении ромбического орнамента могли видоизменять «изначальный» символ в крестообразные формы, так как работа примитивными инструментами не защищает материал от сколов, искажающих линии рисунка. Б.А. Рыбаков в вопросах значения крестообразного ромба для истории ссылался на А. Амброза, который в своих исследованиях наиболее достоверно и полно описал материалы по данному вопросу.

Вторая по значимости и наибольшей встречаемости символика – солярная. Изначально солярный орнамент представлял собой круг с точкой посередине, который в дальнейшем преобразовался в круг с равносторонним крестом в центре. Многие западные исследователи считают, что солярный круг утратил свой первоначальный вид, став солярным крестом. Другие символы, в отличие от солярных, в связи с повышением качества навыка нанесения и смены поверхности и материала, приобретали новые элементы, переходя от острых форм к более мягким, не утрачивая своей первоначальной основы. Прообразом солярной символики, по мнению Рыбакова, является «ковровый» ромбо-меандровый узор, где в схожих вариантах среза прослеживались мотыгообразные кресты, скорее напоминающие вязь, сформированные за счёт прерывистых линий в общем ромбообразном рисунке. Следуя за Борисом Александровичем, обширное исследование данного узора-символа провели Р.В. Багдасаров и А.В. Тарунин.

Так возводя прообраз солярного креста к ромбо-меандровому узору, они проследили его отличное от ромбо-точечного орнамента становление, где ромбический узор приобретал новые элементы, а крестообразный наоборот утрачивал, тем самым получая свою самостоятельную конкретику форм. Ромбический символ для первобытного человека ассоциировался с животной мощью мамонта, его жизненной силой, а далее с плодородностью земли. Ромбический символ в солярных крестах вбирал в себя наслоения различных проявлений внешнего мира, которые отождествлялись первобытными людьми не только с символом креста, но и с вращением, что направляет нас к первобытному способу добычи огня. По мнению

Багдасарова, первые орудия, с которыми были связаны попытки «инструментально» высечь огонь с помощью трения, имели крестообразную форму.

Нужно учитывать то, что огонь играл очень важную роль в развитии человечества и формировании общества. Процесс добывания и использования огня является признаком, отличающим человека от животного, который дал мощный толчок в развитии человеческого сознания, что особенно отразилось в символике и мифотворчестве. Природные явления разделялись отдельным от природы значением, одушевлялись.

Есть множество мифов про нисхождение огня на землю по всему миру. Первые мифы повествуют о том, как деревья из себя порождают огонь от удара молнии, что со временем сформировало представление, будто дерево изначально имеет в себе огонь. Подражая природе, человек начал экспериментировать с добычей огня, пробуя высечь его из древесины, и подражая грому, высекал искру ударом камня об железную руду.

В более поздних мифах о происхождении огня главным действующим лицом является человек либо антропоморфное существо, похитившее огонь с небес и передавшее его людям. В этих мифах обычно описывается кочевой уклад жизни людей, и огонь является тем символом, который знаменует постепенный переход к оседлости.

Ценностное положение огня меняет символику мифологии: появляется так называемая «хозяйка очага», «хранительница очага», «мать огня». Исследователи по всему миру связывают это с гендерным разделением труда первобытных людей, ведь появилась потребность в поддержании огня и слежении за тем, чтобы не сжечь жилище. Вокруг очага собирались женщины и дети, оставляя мужчин на «периферии» охранять племя и охотиться. Добывание и поддержание огня легли на плечи женщин, которые, оставаясь на месте стоянок, следили за ним и изучали его «повадки»: от чего он разгорается, от чего сыплет искрами, шипит и т.д. Огонь считали живым существом, которое рождается из искр, питается, движется, обладает своим «характером», слабеет и умирает. Это породило определённые связанные с ним суеверия, правила и табу. За «утерю» или поругание огня могли жестоко наказать и даже убить. Огонь начал считаться священным, «очищающей стихией» и использовался как естественный способ борьбы с опасностями и болезнями, обогрева и освещения жилища. Без огня не обходился ни один обряд древности.

Огонь – это символическая первооснова, дуально объединяющая и в то же время разделяющая стихия, во многих религиях ставшая символом жизни, просвещения, очищения и возрождения, но в то же время он представлен разрушающей активной силой, символом смерти.

И если Р.В. Багдасаров пишет о том, что крестообразный меандровый узор первоначально обозначает вращение в связи с методом добычи огня и самим огнём как итогом, то А.В. Тарунин в своих работах развивает тему, говоря о проявлениях вращения в окружающем мире, о более глобальных истоках появления огня в природе, и как все в целом отражалось в восприятии первобытного сознания на появлении символа.

Наблюдая за звёздным небом и фазами Луны, первобытный человек видел перемещение и вращение небосвода. Ежедневно наблюдая за восходом и закатом Солнца, человек одушевлял его, воспринимая смену дня и ночи как сакральные рождение и смерть небесного светила.

Именно так, по мнению исследователей, мотыгообразный крест, вышедший из ромбо-меандрового узора, вобрал в себя и образ способа добывания огня, и образ вращения небосвода.

Со временем, приобретая новые знаковые значения и вариативности, менялась техника нанесения символа, повышалось качество и точность инструментария. Узор приобрёл более округлые формы, видоизменяясь до креста, заключённого в круг, а потом став лишь точкой в круге, обозначая динамику вращения.

Третий рассматриваемый нами символ – звезда – также распространён по всему миру. В орнаментах, ставших на протяжении веков классическими, звезду изображают шестиконечной, это можно объяснить поддержанием гармонии композиции узоров. Но следует обратить внимание на тот факт, что изображения пятиконечных и восьмиконечных звезд встречаются тоже довольно часто, Б.А. Рыбаков обозначает символику звезды как «знаки растительности», взявшие свое основание в природных фракталах: мякоть всех плодов растений нарастает, образуя в самом центре четкую пятиконечную звезду, которая, разрастаясь, образует более округлые формы.

Цветы распускаются по тем же принципам: форма фрактала и количество его «лучей» зависит от вида растения, но тип узора и принцип формирования всегда имеет форму звезды. Человек постоянно сталкивался с растениями и плодами как источником пищи, поэтому неудивительно, что символика звезды прочно укоренилась в человеческой памяти наравне с ромбо-меандровым узором, имеющим истоки в срезах кости мамонта. Узор шестиконечной звезды, вышитый на одежде и нанесённый на предметы быта, очевидно, обозначает распускающийся цветок, рост из центра, плодоношение, изобилие.

Итак, можно рассматривать обозначенные нами этнические элементы орнаментов как базовые, заложенные в основу культурной символики – ромб, крест-колесо и звезду – как символы плодородия, тепла огня и изобилия.

Юнг указал на то, что ромбические и квадратные формы подсознательно воспринимаются как некое «земное» материальное пространство, пространство деятельности и территории жизнедеятельности человека. Это может быть участок земли, которым владеет человек, его жилье, пахота, место охоты. Также каждый угол ромба отождествляется с четырьмя аспектами восприятия внешнего мира подсознанием человека.

В случае внутреннего мира человека крест, вписанный в круг, воспринимается подсознательно как границы его эго, своеобразный предел, а в случае восприятия внешнего мира – границы знаний о мире, где за пределами обозначается неизведанное, положенное в основу культа обожествления природы.

Символьные орнаменты движения и вращения в мотыгообразном кресте обозначают деятельность и цикличность, движение мира, движение небосвода и обозначение труда с целью продолжения жизни.

Звезда же выделяется на фоне других символов, изначально являясь обозначением внешнего мира, как нечто сформированное и развившееся без влияния человека, как принцип внешних проявлений мира. Фрактал в символике как обозначение всего живого мира флоры и фауны, пятиконечная звезда как воплощение развития живого организма, четыре конечности и голова, пять пальцев на руке и т.п. Стоит заметить тот факт, что карта ночного неба и Полярная звезда в частности, были одним из основных ориентиров на местности для древних людей. Зачастую именно Полярная звезда и созвездия, с нею связанные, входили в подсознание человека как нечто сакральное.

Несомненно, что дальнейшее изучение истории цивилизации с точки зрения аналитической психологии позволит выделить качественно иной инструментарий исследователей по вопросам мифологии, мировоззрения и происхождения нашей цивилизации.

Библиографический список

1. Агранович С.З., Конюшихина А.И., Петрушкин М.В. У корней Мирового древа. Миф как культурный. М., 2020.
2. Инман Т. Древние языческие и современные христианские символы. М., 2018.
3. Юнг К.Г. Аналитическая психология. М., 2020

4. Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 2021.
5. Юнг К.Г., Хендерсон Джз.Л., фон Франц М.-Л. Человек и его символы. М., 2020.

Л.Н. Бенелли

*доцент кафедры психолого-педагогических и театральных дисциплин,
руководитель проектов*

Московский информационно-технологический университет –

Московский архитектурно-строительный институт

E-mail: lnbenelli@gmail.com

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ КОРРЕКЦИИ ИРРАЦИОНАЛЬНЫХ ВЗГЛЯДОВ ЛИЦ С ПАТОЛОГИЧЕСКИМ ФИЗИЧЕСКИМ ПЕРФЕКЦИОНИЗМОМ И ПИЩЕВОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

А.В. Бенелли

Аннотация. В статье рассмотрен биопсихосоциальный современный подход, рассматривающий принципы пищевой зависимости: изложены современные взгляды на причины и механизмы развития нарушений пищевого поведения (нервная анорексия, нервная булимия, компульсивное переедание). Рассмотрен комплекс причин, определяющих расстройство пищевого поведения. Нездорово-девиантное пищевое поведение обусловлено внешними причинами, прежде всего, связанными с преодолением эмоционального напряжения, межличностными и внутриличностными конфликтами. Компульсивное переедание характеризуется неразборчивостью в выборе пищи и недифференцированностью потребностей. Пищевое расстройство рассматривается как многогранная проблема. Представлено краткое описание авторской мультимодальной программы коррекции иррациональных взглядов, используемых в процессе психокоррекции лиц с патологическим физическим перфекционизмом и нарушениями пищевого поведения.

Ключевые слова: физический перфекционизм, мультимодальный подход, психокоррекция, нарушение пищевого поведения.

THE EFFECTIVENESS OF A MULTIMODAL PROGRAM FOR THE CORRECTION OF IRRATIONAL VIEWS OF PERSONS WITH PATHOLOGICAL PHYSICAL PERFECTIONISM AND FOOD ADDICTION

A.V. Benelli

Abstract. This article describes a modern biopsychosocial approach that considers the principles of food addiction: modern views on the causes and mechanisms of the development of eating disorders (anorexia nervosa, bulimia nervosa, compulsive overeating) are outlined. An array of causes that determine the eating disorder is considered. Unhealthy deviant eating behavior is due to external causes, primarily related to overcoming emotional stress, interpersonal and intrapersonal conflicts. Compulsive overeating is characterized by indiscriminate food choices and undifferentiated needs. Eating disorder is seen as a multifaceted problem. A brief description of the author's multimodal program for the correction of irrational views used in the process of psychocorrection of persons with pathological physical perfectionism and eating disorders is presented.

Keywords: physical perfectionism, multimodal approach, psychocorrection, eating disorder.

Для многих людей с патологическим физическим перфекционизмом в общем, и для лиц с нарушенным пищевым поведением в частности, характерными являются следующие психологические особенности.

Ориентация на социальное одобрение, стремление «держать социальную маску», конформность. Такие индивиды постоянно спрашивают себя, что от них ожидают окружающие, правильно ли они ведут себя; стремятся все делать «на отлично», что свидетельствует о склонности к перфекционизму.

Для людей с пищевой зависимостью характерно особое сочетание эмоциональных, когнитивных и личностных проявлений. Это проявляется затруднением или неспособностью человека описать собственные эмоциональные переживания и понять чувства другого человека, трудностями определения различий между чувствами и телесными ощущениями, фиксация на внешних событиях в ущерб внутренним переживаниям. Своеобразный тип мышления можно определить как «механический», «конкретный». Также отмечается недостаточность воображения, преобладание наглядно-действенного мышления над абстрактно-логическим, слабость функции символизации.

Таким образом, у такого рода индивидов наблюдается высокая представленность негативных эмоций, таких как тревога, страхи, обида, агрессия. Такие лица испытывают много негативных чувств, но не умеют ни правильно их дифференцировать, ни выражать их в силу своей конформности. Поэтому они тратят много сил и энергии на то, чтобы удерживать эти эмоции внутри.

Амбивалентность представлена в виде двух противоречивых тенденций: зависимости – независимости, близости – дистанцирования. Данный конфликт проявляется в межличностных отношениях индивидов с нарушенным пищевым поведением. С одной стороны им хочется иметь близкие открытые взаимоотношения, но при этом они испытывают сильный страх «слиться» с человеком; стремятся к автономии, но боятся остаться в одиночестве. Они хотят всего «сразу и сейчас». В результате больные не умеют правильно выстраивать собственные границы, а их поведение характеризуется хаотичностью – они либо «вцепляются» в собеседника, либо, наоборот, совершенно неожиданно прекращают с ним всякое общение.

Знание эмоционально-личностных особенностей и иррациональных установок индивида в каждом отдельном случае важно для выбора адекватного способа психологического сопровождения в рамках психокоррекционной работы.

Психокоррекция – это система мероприятий, направленных на исправление недостатков психологии или поведения человека с помощью специальных средств психологического воздействия.

Психокоррекции подлежат недостатки, не имеющие органической основы и не представляющие собой такие устойчивые качества, которые формируются довольно рано и в дальнейшем практически не изменяются.

Выделяют специфические черты психокоррекционного процесса, отличающие его от психотерапии.

Психокоррекция ориентирована на клинически здоровую личность: людей, имеющих в повседневной жизни психологические трудности, проблемы, жалобы невротического характера, а также на людей, чувствующих себя хорошо, однако желающих изменить свою жизнь либо ставящих перед собой цель развития личности.

Коррекция ориентируется на здоровые стороны личности независимо от степени нарушения.

В психокоррекции чаще ориентируются на настоящее и будущее клиентов, на среднесрочную помощь (в отличие от краткосрочной – до 15 встреч – при консультировании, и долгосрочной – до нескольких лет – при психотерапии).

В психокоррекции акцентируется ценностный вклад психолога, хотя отклоняется навязывание определенных ценностей клиенту.

Психокоррекционные воздействия направлены на изменение поведения и развитие личности клиента.

Основное отличие психокоррекции от воздействий, направленных на психологическое развитие человека, заключается в том, что психокоррекция имеет дело с уже сформированными качествами личности или видами поведения и направлена на их переделку, в то время как

основная задача развития состоит в том, чтобы при отсутствии или недостаточном развитии сформировать у человека нужные психологические качества.

Составляя различного рода коррекционные программы, необходимо опираться на следующие основные принципы:

- принцип системности коррекционных, профилактических и развивающих задач;
- принцип единства коррекции и диагностики;
- принцип приоритетности коррекции каузального типа;
- деятельностный принцип коррекции;
- принцип учета возрастно-психологических и индивидуальных особенностей клиента;
- принцип комплексности методов психологического воздействия.

Коррекционные программы при терапии нарушений пищевого поведения в основном должны быть направлены на следующие цели и задачи:

- коррекция нарушений пищевого поведения и неадаптивного образа жизни;
- коррекция и формирование здорового образа Я;
- работа с самооценкой и самоуважением;
- достижение уверенности в себе;
- коррекция системы ценностей, потребностей, их иерархии, приведение притязаний в соответствие с психофизическими возможностями;
- коррекция отношения к другим; достижение способности к эмпатии и пониманию состояний и интересов других людей;
- приобретение навыков равноправного общения, способности к предотвращению и разрешению межличностных конфликтов.

При разработке программ коррекции нарушений пищевого поведения могут быть использованы все известные психотерапевтические подходы. Однако выбор конкретного психотерапевтического метода и техник зависит от ряда факторов – клинической картины болезни, личностных особенностей пациента, времени, которое планируется потратить на психотерапию, компетенции психотерапевта (владение определенными психотерапевтическими методиками).

Целью реализованной мультимодальной программы является психокоррекционная работа с иррациональными взглядами лиц с патологическим физическим перфекционизмом.

Данная программа направлена на нормализацию психоэмоционального состояния клиентов, выявление и изменение проблемных паттернов мышления и поведения. Принятие нового отношения к образу тела, адекватного пищевого поведения и образа жизни в целом, формирование позитивного психологического благополучия через принятие себя, рационального отношения к окружающему и здоровых пищевых привычек.

Программа может быть использована в групповой и индивидуальной работе.

Описание программы. В основе программы использован метод когнитивно-поведенческой терапии, в частности – скилл-терапия Д. Мейхенбаума (от англ. Skill – навык), или тренинг самоинструктирования (SIT – self instruction training), направленная на развитие саморегуляции.

SIT базируется на том факте, что люди склонны к самоинструктированию в тех случаях, когда сталкиваются с трудными ситуациями. Эти самоинструкции аналогичны автоматическим мыслям А. Бека. Самоинструкции могут оказаться дезадаптивными, если они, например, концентрируют внимание на негативных, угрожающих аспектах ситуации («Это очень трудно, я сейчас обязательно ошибусь») или на дефиците собственных навыков («Я в этом профан, это мое слабое место»). В технике SIT клиента обучают позитивному самоинструктированию, что повышает его возможности решать сложные жизненные задачи.

Также применяются техники арт-терапии и телесно-ориентированной терапии. Апробированный вариант программы состоит из 12 занятий по 6 часов с перерывами на кофе-брейк и обед: 3 дня занятий еженедельно с пятницы по воскресенье. В дальнейшем программа может быть продолжена.

Этапы программы:

1. Моделирование. На этом этапе ведущий ставит задачу и решает ее, рассуждая при этом вслух. Таким образом, моделируется самоинструктирование.
2. Совместное выполнение задачи – участвующее моделирование. Клиент выполняет задачу, а ведущий при этом вслух произносит инструкции.
3. Вербализованное самостоятельное выполнение задачи – открытое самоинструктирование. Клиент выполняет действие, при этом вслух сам произносит инструкции. Постепенно происходит фединг (затухание) открытого самоинструктирования, то есть клиент произносит инструкции все тише, вплоть до шепота.
4. «Скрытое» самоинструктирование – выполнение субъектом задачи во внутреннем плане. Клиент выполняет действие, произнося самоинструкции про себя.

В процессе терапии происходит усложнение задач, используемых для тренировки самоинструктирования.

Особо подчеркивается необходимость диалога по поводу решения задачи. В него входят вопросы по существу задачи и ответы на них, выполняющие функцию планирования способа ее решения, самоинструктирование с целью управления исполнением, реплики, ободряющие самого себя и направленные на преодоление фрустрации, неопределенности и тревожности, оценочные высказывания, выполняющие функцию самоподкрепления.

Желательно, чтобы такой тренинг сопровождался арт-терапевтическими техниками, иллюстрирующими каждую новую вводимую инструкцию. В фокусе SIT должна быть не поддерживающая сторона действия, а то, как надо действовать. Завершается тренинг телесными релаксационными и трансовыми техниками, направленными на снижение психо-эмоционального напряжения и интеграции с собственным телом.

SIT может эффективно модифицировать простые поведенческие стереотипы (поведение-мишень). К его достоинствам следует отнести четкую структурированность метода, включение, кроме собственно когнитивного переструктурирования, таких техник, как моделирование, репетиция поведения и постепенный переход на практику в ситуациях *in vivo*. Показано, что когнитивная тренировка влияет на креативность мышления, увеличивая общую способность к разрешению проблемных ситуаций за счет развития умений специфицировать задачу, выдвигать и верифицировать альтернативные варианты ее решения.

В шеринге обсуждались результаты функционального анализа ранее определенных триггеров, которые могут являться причиной нарушений пищевого поведения и запуска искаженных когнитивных воронок на основе сформированных иррациональных взглядов. К типичным триггерам относились голод, сильные положительные и отрицательные эмоции, переедание, нарушение правила принятия пищи, алкоголь, социальные мероприятия, состояния тревоги и одиночества.

Для каждого из таких триггеров ведущий и группа, путем совместного обсуждения, подбирали и определяли иррациональные мысли, устанавливали объективность мыслей, работали над заменой иррационального мыслительного конструкта на рациональный, тем самым динамично снижали частоту проявления иррациональных личностных взглядов.

Итоги реализации программы. В ходе участия в программе клиенты научились эффективно оценивать, тестировать и модифицировать свои отрицательные автоматические мысли и иррациональные убеждения. Цель когнитивного реструктурирования состояла не в том, чтобы убедить клиентов, что их мысли неправильные и нелогичные или что они

должны начать мыслить позитивно. Следовало научиться оценивать факторы, работающие «за» и «против» отрицательных автоматических мыслей и иррациональных убеждений, определить, какие другие интерпретации ситуации возможны, прийти к формулировке более сбалансированной мысли (если она будет обоснованной) и уменьшить частоту возникновения у клиентов неадаптивных представлений о себе и других людях.

После проведения программы в самоотчетах участников отмечены следующие изменения:

- появление большей уверенности в себе и своих силах;
- появление чувства компетентности, способности контролировать свою жизнь и решать возникающие проблемы;
- сформированность позитивного образа «Я»;
- наличие адаптивных схем и связей в представлениях о себе, других, мире.
- стремление к самореализации и достижению целей;
- использование более адаптивных копинг-стратегий, в зависимости от жизненной ситуации;
- убежденность в благосклонности мира, преобладании добра над злом, положительного над негативным, хороших событий над плохими;
- убежденность в справедливости мира, ощущение себя хорошим и достойным человеком, который получает то, что заслуживает в жизни;
- высокий уровень убежденности в ценности собственного «Я», в преобладании положительных черт характера и хороших поступков;
- убежденность в своей способности контролировать происходящие события, выбирать такую стратегию поведения, которая увеличивает вероятность благоприятного для себя исхода дела, позволяет предотвращать несчастья и приносит максимальный выигрыш;
- убежденность в собственной удачливости, везении и благосклонности случая к себе.

В экспериментальной группе отмечаются значимые отличия по всем показателям и устойчивая тенденция к снижению высоких показателей по всем шкалам примененных диагностических методик.

У студентов экспериментальной группы произошло снижение показателей общего уровня физического перфекционизма, уровня значимости внешнего вида, риска развития пищевых нарушений.

Сравнение среднегрупповых показателей позволяет сформулировать вывод о том, что у студентов экспериментальной группы значимо снижен общий уровень дисфункциональности отношений – от 88,2 % до 68,6 %, но требуется дальнейшая работа.

В контрольной группе, при наличии незначительных изменений показателей, статистически значимых различий не обнаружено.

Учитывая полученные данные, мы можем сделать вывод о том, что применение мультимодальной коррекционной программы при психологическом сопровождении клиентов с патологическим физическим перфекционизмом способствует отрицательной динамике иррациональных взглядов личности.

Библиографический список

1. *Гаранян Н.Г.* Диагностика перфекционизма при расстройствах спектра: методическое пособие. М., 2018.
2. *Гаранян Н.Г.* Психологические модели перфекционизма // Вопросы психологии. 2017. № 5.
3. *Миронова Т.Л., Дондупова Э.В.* Особенности самоотношения студентов, склонных к перфекционизму. 2017. № 5.

4. *Парамонова В.В.* Феномен телесного перфекционизма как социокультурная патология // Культурно-историческая психология. 2013. № 3.
5. *Холмогорова А.Б. Даденко А.А.* Физический перфекционизм как фактор расстройств аффективного спектра в современной культуре // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2016. № 3.
6. *Юдеева Т.Ю.* Перфекционизм как личностный фактор депрессивных и тревожных расстройств: дис. ... канд. психол. наук. М., 2017.

А.В. Бенелли

*преподаватель кафедры психолого-педагогических и театральных дисциплин
Московский информационно-технологический университет –
Московский архитектурно-строительный институт
E-mail: angelo.benelli@mail.ru*

Приглашение к публикации

The invitation to the publication

Редакционная коллегия научного рецензируемого журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» принимает к рассмотрению статьи по актуальным вопросам архитектуры и строительства, языкознания и психологии.

Научные статьи, поступающие в редакцию журнала, должны содержать следующие элементы:

- постановку проблемы, обоснование ее связи с важнейшими научными или практическими задачами;
- анализ последних исследований и публикаций (в том числе зарубежных) по исследуемой теме;
- формулирование целей статьи, постановку задач;
- изложение основного материала с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из исследования и перспективы дальнейших поисков в данном направлении.

Необходимым элементом статьи является библиографический список. Рекомендуется использовать ссылки на официальные источники (нормативные правовые акты, статистические данные и др.), на использованную научную литературу. Ссылки на собственные публикации являются некорректными.

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи. Автор гарантирует, что он обладает исключительными правами на представленное произведение (статью).

Количество авторов в статье не должно превышать трех человек.

Редакция журнала оставляет за собой право делать необходимые редакционные исправления и сокращения, принимать решение о тематическом несоответствии материала, предлагаемого для публикации.

Присланные в редакцию статьи, удовлетворяющие правилам оформления, проходят проверку на степень самостоятельности (используется Интернет-сервис «Антиплагиат») и подвергаются рецензированию. Срок рецензирования статей – 1 месяц.

Статьи представляются ответственным редакторам журнала в сроки, установленные графиком выхода номеров журнала.

График выхода журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института»

<i>Номер журнала</i>	<i>Срок представления статей в номер</i>	<i>Срок выхода номера из печати</i>
№ 1	До 01 февраля	Март
№ 2	До 15 апреля	Июнь
№ 3	До 15 июля	Сентябрь
№ 4	До 01 ноября	Декабрь

Требования к структуре рукописи

<i>Элементы структуры рукописи</i>	<i>Примечание</i>
УДК	Для присвоения УДК (Универсальная десятичная классификация) используются on-line ресурсы, http://teacode.com/online/udc/
Название статьи	На русском и английском языках
Инициалы и фамилия автора (авторов)	На русском и английском языках
Аннотация	На русском и английском языках. Должна содержать краткую информацию о статье и обязательно иметь четкую структуру: цели, методы исследования, актуальность, основные результаты. Объем – 100–250 слов
Ключевые слова	На русском и английском языках. 4–7 наиболее часто встречающихся в статье слов, отражающих ее содержание
Текст статьи	10–15 страниц, оформленных в соответствии с приведенными ниже правилами
Библиографический список	В соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008
Подробные сведения об авторе (авторах)	Все сведения указываются полностью, без сокращений: – фамилия, имя, отчество – ученая степень, ученое звание (если они есть) – должность и место работы – адрес электронной почты
Прочее	Не более одного абзаца: благодарственные слова; отметки о грантах, в рамках которых выполняется исследование и т.д.

Правила оформления текста научной статьи

Форма представления материалов	Электронная, Microsoft Word, *.doc или *.docx
Название пересылаемых файлов	Отдельными файлами высылаются электронные версии текста научной статьи и авторской анкеты. Названия файлов должны содержать фамилию первого автора и пометку о типе документа (<i>пример</i> : Иванов_Статья.doc, Иванов_Анкета.doc)
Формат страницы	A4
Поля	Все – 2 см.

Выравнивание текста	По ширине
Шрифт	Times New Roman
Размер шрифта	14
Межстрочный интервал	1,5
Абзацный отступ	1 см
Формулы и уравнения	Формулы и уравнения желательно набирать в редакторе Word обычными буквами и символами. Использование встроенного в Microsoft Word редактора формул допускается лишь при наборе наиболее сложных формул. Не следует использовать встроенный в Microsoft Word редактор уравнений. Не допускаются формулы и уравнения в виде изображений и сканов. Рекомендуется использовать только стандартные размеры кегля в меню «Размер» при наборе формул и уравнений
Графический материал (рисунки, схемы, графики, диаграммы)	Представляется в черно-белом варианте. Все рисунки, встречающиеся в тексте, должны быть пронумерованы и иметь название (<i>пример</i> : Рисунок 1. Динамика индекса потребительских цен), которое помещается после самого рисунка, выделяется жирным шрифтом и выравнивается по центру. Вся экспликация (подписи) в поле рисунка должны быть выполнены Times New Roman, размер шрифта – 12 или 14. В тексте статьи обязательны ссылки на рисунки
Таблицы	Все таблицы, встречающиеся в тексте, должны быть пронумерованы и иметь название (<i>пример</i> : Таблица 1. Матрица БКГ), которое располагается перед таблицей и делится на две строки: в первой строке пишется курсивом слово «Таблица» с указанием ее номера (выравнивание – по правому краю), во второй строке – название таблицы жирным шрифтом (выравнивание по центру). Текст шрифта в графах таблицы – 12 или 14. В тексте статьи обязательны ссылки на таблицы
Фотографии	В случае наличия фотографий в статье они должны быть продублированы отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi
Количество рисунков и таблиц	Не более пяти
Ссылки на источники и литературу	Ссылки в тексте заключаются в квадратные скобки с указанием номера из библиографического списка – [5] или [5, с. 67]. Если ссылка включает в себя несколько изданий, то они перечисляются, разделяясь точкой с запятой: [5, с. 67; 8; 10, с. 204–208]

Библио- графический список	Библиографические описания изданий – как русских, так и иностранных – приводятся в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008. Библиографическое описание дается на том языке, на котором издание вышло в свет. Если среди источников есть нормативные правовые акты, они указываются в начале списка перед прочими изданиями. Издания на иностранных языках указываются в конце списка. В библиографическом списке недопустимы учебники, учебные и учебно-методические пособия. Доля самоцитирования – не более 5 %.
Объем статьи	10–15 страниц

Внимание! При несоблюдении требований к правилам оформления научных статей редакция имеет право отклонить присланный материал.

Редакция научного рецензируемого журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» доводит до сведения авторов, что издатель журнала заключил договор о передаче ООО «НЭБ» (РИНЦ) неисключительных прав на использование журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» в целом, так и произведений (статей) авторов путем создания их электронных копий и распространения любым способом, в том числе путем размещения в интегрированном информационном ресурсе в российской зоне интернета НЭБ, без выплаты автору и иным лицам вознаграждения. При этом каждый экземпляр произведения (статьи) будет содержать имя автора произведения (статьи).

Подписка осуществляется по каталогу ОАО «Агентство Роспечать».

Статьи направлять по адресу:

117342, г. Москва, ул. Введенского, д. 1А, каб. 8.25, ответственному редактору научных изданий Д.А. Семеновой.

Тел. 499-979-00-99, доб. 1134

E-mail: Semenova.D@mfua.ru

ВЕСТНИК

**Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института**

№ 4 / 2021

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ:

Редакторы

Н.В. Бессарабова, Д.А. Семёнова

Редактор английского текста

Р.А. Звонов

Компьютерная верстка

Н.В. Бессарабова

Дизайн обложки

А. Зернова

Подписано в печать 20.12.2020. Формат 60x90^{1/8}.

Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 6,9. Уч.-изд. л. 6,9.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Отпечатано в ООО «ИПЦ „Маска“»

117246, Москва, Научный проезд, д. 20, стр. 9, оф. 212

Телефон: +7 (495) 510-32-98